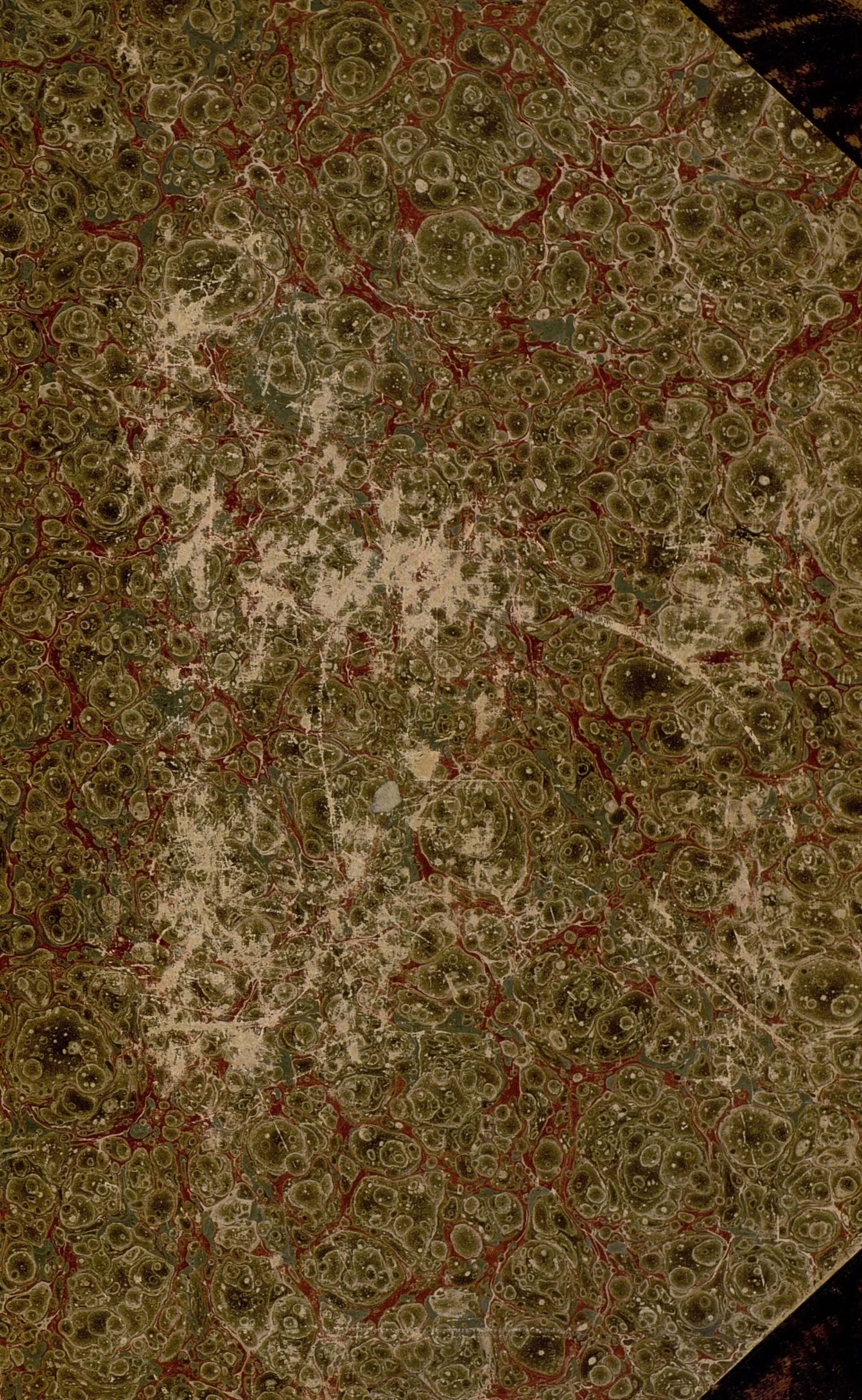

Нет илл. стр. 282, 284
24/I-58 [illegible]

Нет илл.

ЛЕРМОНТОВЪ

М. В. Д.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
по
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

5 Мая 1915 г.
№

СПРАВКА. При препровождаемомъ за № 16134 1У томѣ "Иллюстрированнаго полнаго собранія сочиненій М.Ю.Лермонтова" недостаетъ двухъ рисунковъ за подписью: I/ „Какъ я могу за тобою слѣдовать" и 2/ „Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ", каковые, по сообщенію Московскаго Комитета по дѣламъ печати отъ 27-го минувшаго апрѣля за № 1466, печатаются за границей и будутъ выпущены со слѣдующимъ томомъ собранія сочиненій М.Ю.Лермонтова.

За Помощника Правителя Дѣлъ [подпись]

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Редакція
В. В. Каллаша.

ТОМЪ IV.

МОСКВА,
Печатникъ.

Н. З.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰, Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1915.

„Герой нашего времени“.

Знаменитое названіе Лермонтовскаго романа само уже говоритъ о томъ, что Печоринъ для автора—явленіе типическое и характеризующее цѣлую эпоху. Кромѣ того, изъ предисловія мы узнаемъ, что художникъ написалъ портретъ, составленный изъ пороковъ всего даннаго поколѣнія. Безспорно однако, что образъ „героя нашего времени“ не отличается такою непосредственной убѣдительностью, которая подтверждала бы его жизненную типичность; какъ это нерѣдко бываетъ, писателю подсказала здѣсь не столько жизнь, сколько литература,—другіе писатели. Конечно, въ Печоринѣ много Лермонтова, много автобіографіи; но послѣдняя не создаетъ еще типа,—объективно же, въ русской реальности, „героями нашего времени“ были совсѣмъ иныя лица. Право на обобщающее и обѣщающее заглавіе своего произведенія нашъ поэтъ долженъ былъ бы доказать изнутри—завершенностью и неоспоримостью центральной фигуры; между тѣмъ она въ своемъ психологическомъ обликѣ, не только какъ типъ, но даже и какъ индивидуальность, неясна и неотчетлива. Душевное содержаніе Печорина не есть внутренняя система; концы не сведены съ концами, одни качества не примирены съ другими, виднѣются неправдоподобныя противорѣчія, и въ результатѣ нами не овладѣваетъ какое-нибудь одно, яркое и цѣльное, впечатлѣніе. Мы, напримѣръ, хотѣли бы повѣрить той изысканной и сложной самохарактеристикѣ, которую даетъ себѣ Печоринъ въ бесѣдѣ съ княжной Мери, когда на его слова: „развѣ я похожъ на убійцу?“ она отвѣчаетъ: „вы хуже“; но своему монологу онъ предпосылаетъ слова: „я задумался на минуту и потомъ сказалъ, *принявъ глубоко тронутый видъ*“...—и, значитъ, дальнѣйшая исповѣдь лицемѣрна, мы не должны ей вѣрить, хотя въ то же время въ ней есть не мало вѣроятнаго; все это создаетъ большую путаницу и лишаетъ нарисованный образъ единства. Или Печоринъ то говоритъ о себѣ, что живетъ „изъ любопытства: ожидаешь чего то новаго“; то заявляетъ, что свою жизнь онъ раньше пережилъ уже мысленно, и ему „стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему

извѣстной книгѣ". Онъ правъ и здѣсь, и тамъ,—но все-таки нужны усилія, чтобы синтезировать его разнородную правоту. Мы принимаемъ во вниманіе ту естественную противорѣчивость и неоднородность, ту нежелательную разносторонность, которая свойственна многимъ людямъ вообще и которая особенно должна бы отличать Печорина и ему подобныхъ,—но даже и послѣ этого психика Лермонтовскаго героя остается для насъ туманной. Повидимому, объяснять это надо именно тѣмъ (если не затрогивать вопроса о свойствахъ и степени самаго таланта), что, съ одной стороны, авторъ опирался на чужіе литературные примѣры, вспомнилъ Печору послѣ Онеги, а, съ другой стороны, имѣлъ своей натурой самого себя; при этомъ еще, осуществляя автопортретъ, онъ одновременно хотѣлъ и отъ себя освободиться, свои недостатки избыть, и себя оправдать. Заранѣе, какъ мы видѣли, онъ черты Печорина называетъ пороками и этимъ сразу какъ будто опредѣляетъ свою внѣшнюю позицію, не ставитъ себя въ ряды его хвалителей, играетъ роль сатирика; но еще важнѣе для него, поэта-психолога, воплотить въ своемъ героѣ самого себя, наружу вывести свою душу, ее объективировать и этимъ, какъ мы только что сказали, отъ себя, отъ своихъ пороковъ и позъ, отъ своихъ личинъ и гримасъ, въ процессѣ творчества, въ его благодатномъ источникѣ,—навѣки исцѣлиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ страдалъ отъ своей жестокости, отъ гнетущаго состоянія скуки, отъ недостойной игры съ женскими сердцами. Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто всего этого онъ хотѣлъ бы для себя той „дивной простоты", которой искала вся его поэзія. Такъ осколки собственной жизни, собственной несоединенной души соединялъ въ своемъ романѣ Лермонтовъ; къ этому самонаблюденію прибавлялъ и наблюденіе надъ другими,—и здѣсь, въ этой психологической сложности, онъ растерялся и не все достаточно мотивировалъ.

Въ данномъ отношеніи такъ показательно существованіе двухъ противоположныхъ варіантовъ прощальнаго письма Вѣры: въ одномъ героиня умоляетъ Печорина не жениться на Мери, въ другомъ—жениться. Правда, въ обѣихъ варіаціяхъ она хочетъ увѣрить себя, что онъ Мери не любитъ; но все же какая значительная разница между словами: „ты не женишься на ней? послушай, ты долженъ принести мнѣ эту жертву!"—и словами: „если что-нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любитъ...о, не погуби ея"!.. Это—одно изъ проявленій той неувѣренности, которую обнаружилъ въ себѣ Лермонтовъ-психологъ; и вполнѣ понятно, что особенно должна была она мѣшать ему тамъ, гдѣ приходилось имѣть дѣло, трудное дѣло, съ главнымъ героемъ. По отношенію къ нему немотивированность и несвязанность поступковъ, несогласованность характеристики сказываются на протяженіи всего романа. Взять хотя бы эффектъ только что цитированнаго письма Вѣры: прочитавъ его, Печоринъ, „какъ безумный", бросился на коня, чтобы „одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку"; это, конечно,

психологически возможно, но столь же возможно и еще болѣе умѣстно было бы и прямо-противоположное, т.-е. равнодушіе Печорина, или грусть его, или что-нибудь иное; Лермонтовъ, къ сожалѣнію, даетъ читателю свободу выбора, не подчиняется закону достаточнаго психологическаго основанія, не убѣждаетъ насъ въ безусловной необходимости и въ единственности изображаемыхъ имъ событій и душевныхъ порывовъ. Тотъ русскій литературный прообразъ, въ который онъ могъ пристально вглядываться, т.-е. Евгеній Онѣгинъ, представляетъ несомнѣнно бóльшую законченность и силу. Онѣгина видишь въ его основныхъ нравственныхъ линіяхъ, Печорина—нѣтъ. Въ Онѣгинѣ есть что-то центральное, человѣческое, живое, какое то зерно, которымъ отъ автора не надѣленъ Печоринъ: этотъ внутренній огонь—способность къ любви, между тѣмъ какъ Лермонтовскій герой безлюбовенъ. Только смерть спасла Бэлу отъ охлажденія Печорина (впрочемъ, еще при ея жизни онъ сталъ ею скучать); Онѣгинъ же въ періодъ своей петербургской встрѣчи съ Татьяной любитъ ее глубоко, страстно, трагически, и при первой встрѣчѣ съ нею онъ тоже любилъ ее любовью брата и, можетъ быть, еще нѣжнѣй. А Печоринъ любить не умѣетъ. Хотя онъ и говоритъ, что въ страсти рѣшаетъ дѣло „первое прикосновенье", но когда онъ самъ прикасается къ Мери, это не настраиваетъ его на влюбленный и нѣжный ладъ, и онъ про себя глумится надъ нею въ то самое мгновеніе, когда цѣлуетъ ее. И даже Бэлу завоевываетъ онъ системой. И въ его боязни женитьбы сказывается не только большая пошлость, но и отсутствіе какъ разъ той свободы духа, той непринужденности воли, которыхъ онъ желалъ бы себѣ превыше всего.

Безлюбовный, т.-е. мертвый и потому своимъ прикосновеніемъ убивающій другихъ, Печоринъ—не совсѣмъ живой и въ литературѣ, какъ художественный образъ,—не совсѣмъ понятный и доказанный въ своей разочарованности. Не даромъ онъ слишкомъ характеризуетъ самого себя, часто и пространно объясняетъ свой характеръ, даетъ обширныя примѣчанія къ собственному психологическому тексту: читатели предпочли бы, чтобы сами за себя говорили его поступки, чтобы онъ въ такой степени не помогалъ самому себѣ. И дневникъ онъ тоже ведетъ едва ли не больше всего изъ техническихъ соображеній Лермонтова: автору, а не герою нуженъ этотъ дневникъ.

Вообще, „Героя нашего времени", какъ художественное произведеніе, больше всего спасаетъ не фигура самого Печорина, въ цѣломъ далеко не удавшаяся, а та обстановка, въ которую онъ помѣщенъ, и то человѣческое сосѣдство, близъ котораго рисуется его причудливый обликъ. Оттѣняющіе моменты здѣсь сами по себѣ являютъ примѣчательную художественную цѣнность,—большую, чѣмъ то, примѣнительно къ чему они задуманы лишь въ качествѣ факторовъ служебныхъ. Все описательное и почти все діалогическое, и все драматическое, то, что свободно отъ самохарактеристикъ Печорина, неодолимо приковываетъ къ себѣ вниманіе и восхищеніе читателя. И

прежде всего такъ умѣстна структура романа: на первый взглядъ, передъ нами—только эпизоды, но въ дѣйствительности эти звенья разсказа имѣютъ сокровенное органическое единство, потому что къ Печорину идутъ его приключенія и встрѣчи, и трагическіе анекдоты, и то, что случилось въ Тамани, и то, что случилось съ Вуличемъ. Все это не случайно, все это непремѣнно бѣжитъ на ловца. Внѣшняя дорога его жизни съ ея авантюрами опредѣляется особенностями его душевнаго строя. Затѣмъ, великое и прекрасное значеніе имѣютъ здѣсь картины природы. Не напрасно сообщаютъ намъ, что Печоринъ такъ исключительно любилъ природу: пусть эта любовь въ общемъ контекстѣ его характера не производитъ впечатлѣнія обязательности (гораздо правдоподобнѣе равнодушіе Онѣгина ко всѣмъ этимъ „глупымъ мѣстамъ" и „глупой лунѣ на глупомъ небосклонѣ"), пусть она преувеличена,—во всякомъ случаѣ, мы должны повѣрить ему хоть на слово, что природа свѣваетъ съ него всякую горесть и безпокойство, и тревогу ума и что „нѣтъ женскаго взора, котораго бы онъ не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ". Эти горы и потоки, это чрезмѣрное южное солнце, весь Кавказъ вообще является въ романѣ не просто безразличнымъ фономъ, который можно было бы замѣнить совсѣмъ другимъ: нѣтъ, Кавказъ Печорину—къ лицу, и все это неизбѣжно и внутренне связано съ тою человѣческой личностью, съ той душою, которую задумалъ (хотя и не совершенно осуществилъ) нашъ знаменитый авторъ. Отнимите у этого произведенія картины природы, специфической природы, и вы разрушите самое произведеніе. Чернѣютъ мрачныя, таинственныя пропасти, туманы клубятся и извиваются, какъ змѣи, сползаютъ по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, тянутся „серебряныя нити" рѣкъ, метель-измѣнница плачетъ о своихъ широкихъ раздольныхъ степяхъ, гдѣ можно развернуть „холодныя крылья": это все неуничтожимо и незамѣнимо, это все кровью срослось съ драмой и діалогомъ Лермонтовскихъ героевъ,—особенно Печорина. И не случайно здѣсь, въ этой очарованной странѣ страстей, гдѣ такъ благородны царственные кони граціозныхъ всадниковъ,—не случайно здѣсь разыгрывается поэма коня (глаза котораго „не хуже чѣмъ у Бэлы"), и Азаматъ влюбленъ въ эти глаза (влюбленность его еще разжигаетъ Печоринъ). Это символично, это стильно, это все нужно для Печорина.

Но громкое и грозное, по преимуществу кавказское, высокое, торжествующее, гордыя горы, „пирамиды природы", „престолы вѣчные снѣговъ", эта роскошь стихіи, перемежается въ романѣ Лермонтова природой тихой, инымъ аспектомъ естества, его успокоенной формой. Ибо въ душѣ у самого Лермонтова было именно два естества, и горы грозныя не заслоняли передъ нимъ и въ немъ также и такихъ моментовъ, когда „тихо все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы", той молитвы чуд-

ной, которую вообще въ минуту жизни трудную Лермонтовъ твердилъ наизусть. „Утро свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздятся на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?.. Луна тихо смотритъ на безпокойную, но покорную ей стихію“ (покоряется безпокойное, „смиряется души моей тревога“). Высоко надъ міромъ, тамъ, гдѣ „казалось, дорога вела на небо“, на вершинахъ Кавказа, душа обновляется, и здѣсь могутъ люди послѣдовать евангельскому завѣту—обратиться и стать, какъ дѣти; здѣсь испытываешь „чувство дѣтское—не спорю: но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять“. Душа—дитя. Но условія общества, наслоенія культуры затуманиваютъ ея прирожденную наивность, обволакиваютъ ее посторонними элементами, и только на лонѣ природы спадаетъ съ нея эта ветхая чешуя, и открывается „вѣчный младенецъ“, „новорожденная душа“. Въ своей глубинѣ, въ своей подлинности, душа—дитя. И вотъ есть ей соотвѣтствіе: природа-дитя. Найти святое дѣтское въ себѣ и въ стихіи: это—великая задача для взрослаго и культурнаго человѣка. Лермонтовъ, какъ писатель, среди природы нашелъ такую простодушную душу—Максима Максимыча. Въ его лицѣ, въ его прекрасномъ нравственномъ лицѣ, разглядѣлъ авторъ такія черты, которыя пригодны не только для того, чтобы сообщить фонъ портрету утонченнаго Печорина, но и независимо отъ этого обнаруживаютъ самодовлѣющую красоту.

Чистѣйшее воплощеніе „смирнаго типа“, Пушкинская фигура, носитель цѣлостнаго міросозерцанія, спокойный и сердечный, Максимъ Максимычъ не только противоположенъ Печорину, но и выше его. Образъ тихой и кроткой силы, этотъ заурядный штабсъ-капитанъ, родной Толстовскому капитану Тушину, дѣйственнѣе и Печорина, и Демона, и всѣхъ эффектныхъ и блестящихъ; онъ принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ героямъ жизни, которые на первый же зовъ ея откликаются подвигомъ и не требуютъ награды, и не считаютъ себя заслуживающими ея. Безкорыстный, свѣтлый въ своей обыкновенности, онъ, какъ отецъ, любилъ Бэлу,—а она, умирая, о немъ не вспомнила; онъ, какъ отецъ опечаленный, украшалъ ея гробъ; сколько чувства и душевной благости! Большая заслуга Лермонтова, эстетическая и этическая,—важный штрихъ его біографіи, то, что на Кавказѣ, около Печорина, онъ замѣтилъ и полюбилъ эту будничную фигуру. И вообще между противоположными категоріями Печорина и Максима Максимыча всю свою короткую жизнь выбирала муза Лермонтова. Вотъ почему „Герой нашего времени“ такъ характеренъ для его поэзіи. Поза и простота, гордыня и смиреніе, отголоски внѣшняго байронизма и отклики Пушкину—вотъ что воплощается въ Печоринѣ и его бѣдномъ, обиженномъ пріятелѣ. Лермонтовъ искалъ

себя на пути между отрицаніемъ и утвержденіемъ человѣка, т.-е. между смертью и жизнью. И вотъ, Печоринъ—мертвый, Максимъ Максимычъ—живой.

Ужъ по меньшей мѣрѣ одну половину души носитъ въ себѣ Печоринъ омертвѣлой; и когда онъ говоритъ о „холодномъ кипяткѣ“ Нарзана, то это противорѣчивое опредѣленіе хочется примѣнить къ нему самому, къ его психикѣ, задуманной авторомъ, какъ сплавъ изъ холода и огня. Неживому, или живому наполовину, скучно, и тѣмъ, кто его окружаетъ, отъ этой скуки—смерть: Бэлѣ, Вѣрѣ, княжнѣ Мери. Даже своего коня замучилъ онъ, когда мчался на потерянное свиданіе. Не только „мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ“ потревожилъ онъ, точно „камень, брошенный въ гладкій источникъ“, но и вообще, „какъ орудіе казни“, падаетъ онъ на голову обреченныхъ жертвъ и всюду несетъ съ собою разрушеніе и тоску. Порою, впрочемъ, ему самому хочется плакать растроганными слезами (тѣмъ болѣе, что „плакать здорово“), но его слеза „на трупъ безгласный живой росой не упадетъ“,—на его мертвую или полумертвую душу.

Въ общемъ, читая о Печоринѣ, испытываешь какую то нравственную усталость, потому что у него—праздность души, внутренняя незанятость, чрезмѣрный досугъ, который позволяетъ ему до такой степени пѣстовать себя, съ собою носиться. Печоринъ такъ незанятъ, что зато устаетъ читатель. И не вѣрится тому красивому сравненію, что Печоринъ, „какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига“, сроднилъ свою душу съ бурями и битвами и оттого не способенъ ужиться съ тихой долей: нѣтъ, на дѣйствительныя битвы „герой нашего времени“, этотъ негерой, въ сущности не способенъ.

Но отъ тяжелыхъ впечатлѣній, которыя навѣваетъ Печоринъ, находишь облегченіе не только въ красотахъ романа, въ его пейзажахъ и персонажахъ, обрамляющихъ главную фигуру, но и въ той атмосферѣ идей, живого Лермонтовскаго ума, которая дышитъ на всѣхъ этихъ страницахъ. Здѣсь много мысли (она сверлитъ самого автора), много интеллигентности, философіи (замѣтенъ ея уклонъ въ сторону матеріализма, въ станъ доктора Вернера, въ пользу такого рода изреченій: „послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла“). И, можетъ быть, самая глубокая мысль „Героя нашего времени“, самая проникновенная дума, вдохновившая и Лермонтовскую „Думу“, выражена въ этомъ удивительно красивомъ отрывкѣ изъ „Фаталиста“:

„Звѣзды спокойно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочокъ земли или за какія-нибудь вымышленныя права. И что жъ? Эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобы освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ

прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, со своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ! А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ,—мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного наслажденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою"...

Да, покуда человѣкъ вѣрилъ въ связь свою съ горними звѣздами, съ природой здѣсь на землѣ и тамъ въ небесахъ, до тѣхъ поръ была у него сила, воля, напряженная заинтересованность жизнью. А теперь, когда небесныя лампады въ своей мистической значительности погасли для него и когда въ природѣ онъ беретъ, любуясь, только ея пейзажъ, его постигли равнодушіе, утомленность, Гамлетовскія сомнѣнія,—и поэты героемъ нашего времени и всѣхъ послѣднихъ временъ считаютъ человѣка, который „изъ жизненной бури" выноситъ лишь „нѣсколько идей",—который скучаетъ, тоскуетъ, самъ не живетъ и другихъ убиваетъ.

Ю. Айхенвальдъ.

1832го г.

(ПОВѢСТЬ).

Глава I.

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантіи съ шорохомъ обметали пыль вслѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладана трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сѣрыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ. Это были люди, отвергнутые природой и обществомъ (только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природою); это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки Провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющія ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ ко-

стистыхъ колѣнахъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: нищета! Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или улыбкѣ!

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ, онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на расписанныя святыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ, какъ лобъ ученаго, мраченъ, какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы, тонкія, блѣдныя, были растягиваемы и сжимаемы какимъ то судорожнымъ движеніемъ, и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда, они уважали въ немъ какой то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе, демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную, его душа еще не жила по-настоящему, но собирала всѣ свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ, сложа руки, и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками на св. вратахъ, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: „еслибъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ: стоятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!.. Другое дѣло—человѣкъ: чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти“.

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами; все было согласно въ чертахъ нищаго: одна страсть владѣла его сердцемъ, или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью,—но зато совершенно!

„Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому.. Христа ради копеечку!“—раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, сбернулся, и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына—не больше.

Глава II.

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запрятанныя въ огромные сапоги, производили непріятный звукъ, ступая

на пыльные камни; онъ шелъ съ важностью, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, оттолкнувъ нищихъ, воскликнулъ: „Прочь, вы, лѣнтяи! экіе молодцы, а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію, — только чуръ, не перекусайтесь за него".

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ окаменѣвшая молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать ему тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнетизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнетизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. „Что тебѣ надобно?"

„Очень мало. Я хочу работы..."

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ нимало не смутился и остался хладнокровнымъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца, — нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

„Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенесть труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ".— Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть, какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

„Хочешь ли быть моимъ слугою?"

Нищій нагнулся въ одну минуту, принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего нового покровителя: изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ, — ужели даромъ? И какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева!

„Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность", воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

„Твое имя?"

„Вадимъ".

„Прелестное имя для такого урода!"

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла: подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

„Слѣдуй за мной!" — сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными го-

родами, безъ всякихъ оттѣнокъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

Глава III.

Поздно, поздно вечеромъ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ, и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ шумя качалъ ветелки, насажденныя вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а, можетъ быть, что-нибудь получше. Палицынъ взошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусѣ XVIII вѣка: разноцвѣтные обои, три круглыхъ стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печьми, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I въ Москву послѣ Полтавы, эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ. Добрая женщина!... жирѣть, зѣвать, бранить служанокъ, приказчика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ... какая завидная жизнь!... и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ оплакивать ея кончину, и будутъ помнить ее, и хвалить ея ангельскій нравъ, и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо, какъ сравнишь съ нею наши бури, поглощающія цѣлые годы и, что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человѣка, какъ листы съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны (такъ я назову жену Палицына) сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница. Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза; иногда выходила на свѣтъ

бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ взошелъ; обѣ встали. „Я привезъ новаго холопа,— сказалъ онъ.—Кладъ!... нищій, который захотѣлъ работать! Онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ, это видно по лицу, но зато будетъ послушенъ! Вотъ ты увидишь сама. Эй, Вадимка, живо!" — Взошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... „Какой уродъ!" воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ—его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ, и вовсе забыли о нищемъ: онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? Онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ онъ простоялъ; никто не замѣтилъ. Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату, и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

„Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?"

„Уродъ! -отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что то похожее на скрежетъ зубовъ. -Охота приводить такихъ пугалъ, продолжала она, намъ, бѣднымъ плѣннымъ птичкамъ, и безъ нихъ худо..."

„Отъ того и худо, что ты не хочешь согласиться", - возразилъ Борисъ Петровичъ и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

„Плутовка! еслибы ты знала, какъ ты прекрасна; развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ?—А было бы тебѣ хорошо!... еслибы... выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки, у меня есть деньги, деньги, деньги..."

„У васъ нѣтъ стыда!"—отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее и вспыхнулъ, но, услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

„Боже!..."—Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ, на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть, первая слеза -и слеза отчаянія... Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту милліонъ сладкихъ надеждъ! Онѣ для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

„Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга?" сказалъ Вадимъ.

„Странный вопросъ..."—отвѣчала она.

„Знаешь ли ты ихъ?"—повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ будто припоминая нѣчто давнее, давно прошедшее.

„Я сирота, и мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ, и отправился Богъ знаетъ куда, вѣрно, очень далеко, потому что онъ не возвращался". —Чело Вадима омрачилось, и горькая, язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчой, что то демонское.

„Хочешь ли знать, куда?"

„Хочу",—и влажные глаза ея ярко заблистали.

„Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ; все, что ихъ любитъ и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другого, — узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не сумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ, онъ изомнетъ его..."

„Хочу знать непремѣнно!..." — воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ,—нищаго уже не было въ комнатѣ.

Глава IV.

Прошло двое сутокъ,—Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной, пустой комнатѣ Вадима. И странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти, и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными разсказами,—но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства, и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; не мудрено: власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

„Не правда ли, я очень безобразенъ?" — воскликнулъ Вадимъ. Она пустила его руку. „Да, продолжалъ онъ, — я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь; на что мнѣ беречь тебя? О, еслибъ... Не укоряй за долгое молчанье... быть можетъ, настанетъ время, и ты подумаешь: зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ, —если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?"

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его, сколько можно, слѣ-

дующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой молодой, лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

„Замѣть, Ѳедька, что, кто изъ грязи вышелъ, тотъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился, этакій уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ приказчикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ онъ подольститься, словно щенокъ!—Экій вѣкъ сталъ нехристіанской...“

„Не скажу, дядя Ипатъ!.. онъ всегда со мной ласковъ, парень лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпитъ: вонъ, напримѣръ, вчера...“

„Что вчера?..“

„Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Алешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Алешку на конюшню, самъ приказчикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говоритъ: это за барина, а вотъ за меня — и занесъ руку. Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу; брови его сходились и расходились; въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ приказчику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ. На губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что то вымолвить—и не могъ“.

„Жаль! — возразилъ старикъ, не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ“. — Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣсто нихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія, высокія дерева и щадитъ пни столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ?—На это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевскаго.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею, и тогда горе побѣжденнымъ!..

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо: онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII столѣтіи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведенія своего; вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ!

Глава V.

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Оки, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы, дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ двѣ линіи по краямъ дороги, какъ нищіе, кланяющіеся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи, и еще далѣе лѣсистые холмы съ чернѣющимися елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатостью, и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенныя рѣзныя ставни, колеблемыя вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходитъ деревянная рѣзной работы галдарейка, служащая вмѣсто балкона; здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ — и новыя надежды! Пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе: кто ѣдетъ? купецъ, баринъ, почта?.. но на что ей!.. не все ли равно?.. а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галдарейку. — Чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка? Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена въ монастырь, слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей на встрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула, она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

„Что съ тобою?“ — сказалъ онъ.

„Ничего...“

„А! понимаю, — онъ закусилъ губы, — ты меня испугалась.“

„Зачѣмъ мнѣ бояться тебя?“ — отвѣчала гордо Ольга.

„Тѣмъ лучше, — продолжалъ онъ... — Это уже много значитъ. Такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... О, мой Создатель! вотъ великое блаженство! право, мнѣ кажется, это первое...“ Онъ остановился.

„Послушай, что если душа моя хуже моей наружности? но развѣ я виноватъ?.. я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба, они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшки... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда, — берегись этой мысли, Ольга!“

„Для чего мы здѣсь?“—спросила она съ нетерпѣніемъ.

„Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.“

„А я совсѣмъ не для того...“

„Опять, опять!—воскликнулъ Вадимъ.—Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня.“—Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: этотъ человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе, чѣмъ онъ, беззащитной, сожалѣнія, или нѣтъ.. меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе.—„Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?“

Онъ задумался.

„Обѣщай никогда не укорять меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну“.

„Никогда“.

„Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ и, подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...“

„О, если это ничего, то не продолжай!“

„Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его,—сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою что жъ... развѣ этого не довольно для погибели человѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ; съ этой минуты началась непримиримая вражда,—пять лѣтъ спустя твой отецъ ужъ не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!.. Другъ твоего отца открылъ старинную тяжбу о земляхъ, выигралъ ее и отнялъ у него все имѣніе. Я видѣлъ отца твоего передъ кончиной; его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она осталась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... Я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... Но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ? Какъ, небо!.. въ продолженіе 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови твоей, его, крови!—и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія, безъ уродливаго нищаго это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью!“

„Вадимъ, что сказалъ ты?“

„Благодарность! — продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ,— благодарность! Слово, изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово, превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, кидающую мнѣ остатки пира... о, благодарность!..“

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки, — и, казалось, забылъ, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и, казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страхъ неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его, и глаза, еслибъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска; но они были обращены вверхъ!..

„Я отгадала! — воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостію къ Вадиму,— я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...“

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой, у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее, какъ рабу, и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ! столько страданій за то, что одна собака обогнала другую... Какъ ничтожны люди!.. какъ вѣрить общему мнѣнію? Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, и точно, — онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами, и лучъ ея сливался съ лучомъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и каменьями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга на колѣна, спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ ея лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ.

которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземного существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

„Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я невиновна!.. Ты, Ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой!.. Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна .. но не требуй болѣе, Боже! еслибъ Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ, я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежитъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хочешь, но сердце въ моей власти. ."

Слезы покатились изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

„Я твой братъ!"—воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удержали дыханіе.

„Я твой братъ!"- повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя за голову и вышелъ, но выходя остановился у двери... и въ продолженіе одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову объ косякъ... Но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

„Братъ! -сказала Ольга, смотря ему вослѣдъ, -братъ!"

И безъ силъ она упала на стулъ.

Глава VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачомъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ вездѣ почти слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства — всѣ, кромѣ одного любимаго, — сокровища, хранимаго на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ; а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполняемъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе дворни,—взглядомъ, движеньями помогалъ имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его—къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позвать; искали горбача—не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасно, и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нея валялись груды кирпичей, между коими вырастала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ: одинъ, облокотясь на свои колѣна и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользнувъ мимо соломенной крыши, упадалъ на его колѣнку, и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ, онъ нашелъ ее, онъ встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, наконецъ!.. О! чудна природа... далеко ли отъ брата до сестры? А какое различіе! Эти ангельскія черты, эта демонская наружность... Впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ одного начала?..

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сходство съ его душой, которое обѣщало ему много... обѣщало современемъ и любовь ея... Эта надежда была для него нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно мгновеніе,—и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ плескъ волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что, слишкомъ привязавшись къ мечтѣ, мы теряемъ существенность; а въ его существенности было одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе, и онъ полусонный легъ на траву, и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки: одна сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всѣми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою-нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ относилъ его прочь; наконецъ разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима былъ прутикъ въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣту и убилъ счастливое насѣкомое и съ какимъ то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепетъ!..

И Богъ знаетъ отчего, въ эту минуту онъ вспомнилъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое

дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова: „отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденымъ кускомъ...“ И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый гробъ, поставленный на телѣгѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ, дьячокъ и священникъ сзади; они пѣли дрожащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... вотъ стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... Но сестра!.. если... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало; странно! онъ любилъ ее... или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапника, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскочилъ Вадимъ... Передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланяясь, слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

Глава VII.

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свѣжими. Геннадій Васильичъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго росту, бѣлокуръ и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка, и это потому, быть можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25 лѣтъ вышедъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще, если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали, что начать, зѣвали въ руку, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

„Малый! Египетскаго!“ —закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки; начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

„Потѣшить ли тебя, сосѣдъ любезный?“ — воскликнулъ Палицинъ.

„А что?“

„Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть дѣвочка—чудо... а какъ пляшетъ! жжетъ, а не пляшетъ. Я не монахъ, и ты не монахъ, Васильичъ...“

„Избави, Христосъ...“

„И точно такъ!“

„Ну, что же?“

„Да ужъ то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергѣевна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святошный сарафанъ, да выйти поплясать; а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо...“ —Онъ захохоталъ, самъ, вѣрно, не зная чему, и началъ потирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки; этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣевна приказала сбираться пѣсельникамъ, а сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала: она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... Но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день идти къ нему, сказать, что она достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчой въ рукѣ вошла Наталья Сергѣевна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшанныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекла половина жизни молодой дѣвушки, прекрасной, пылкой... здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые; снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла метелица и снѣгъ бѣлыми клоками упадалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшанныя инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ; и тайныя неизъяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея; и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ.

„Вставай, Ольга!" — закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

„Что̀, спала, лѣнивая?.."

„У меня голова болитъ".

„Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣетъ голова болѣть!.. Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... Отвѣчай: спала, лѣнтяйка?"

„Я никогда не лгу".

„Какъ! еще смѣетъ отвѣчать, когда я говорю!.. спорить!.. ахъ, грубіянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ, этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодѣяній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожъ, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись,— ты забываешь, кто я!"

Ольга хотѣла что то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющейся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

„Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! Да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!.. вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись..." Ольга молчала, но вся вспыхнула... и еслибъ Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы далѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ! и въ чемъ?.. о!.. гдѣ ея братъ? пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву помогать ему во всемъ, что дышитъ местію и разрушеніемъ; пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство, она готова!..

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости; эта улыбка имѣла въ себѣ что то неземное; она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ въ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ, она взошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упадала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны; а маленькая ножка,

показываясь по временамъ, обѣщала тайныя совершенства, которыхъ ищутъ молодые люди, глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, еслибы не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она взошла... и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести; но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. „Начинай же, Оленька! -- закричалъ Палицынъ,— не стыдись!“ Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго; и всѣ обиды, всѣ несправедливости, униженія рабства, — однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Еслибъ можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она не лишилась разсудка!.. потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатыя дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха. „Что же! красота моя, начинай! не бойсь! ты такъ хороша сегодня!“—кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтили ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней,—они завидовали! Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуту вдохновеннаго страданія бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась... махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленныя щеки его обнаруживали преступное желаніе, и съ

дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ, и крючокъ разскочился. Она стояла на колѣнахъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала, какъ онъ взошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: „отецъ мой! не вини меня...“

„Теперь ты не вывернешься! — воскликнулъ захохотавши Борисъ Петровичъ. — Я человѣкъ добрый, и ты человѣкъ добрый.. слѣдовательно...“

Она вскочила и, устремивъ на него мутный взоръ, казалось, не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не могла; сѣвъ на постель, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ, — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ, и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ все утихло, и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце, и чувствовала странную боль въ шеѣ... Бѣдная дѣвушка!.. немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!.. Всталъ мѣсяцъ; скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ темную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности, и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ пріемной пробило одиннадцать.

Глава VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?.. На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ кверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность; ему снилось наяву давно желанное блаженство — свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра. Вадимъ привсталъ: луна ударяла прямо въ слуховое окно, и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломинокъ, упадалъ на противоположную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочокъ моха, высунувшійся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни... Наконецъ, они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ: онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами.. неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... О! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

„Братъ!"—сказалъ кто то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣнахъ.

„Все понимаю", —воскликнулъ онъ, прочитавши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

„Точно?—отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ,—точно? Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!"

„Другъ мой!" Впервые существо земное такъ называло Вадима. Онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ, не сновидѣніе; улыбка остановилась на устахъ его, и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко,—вотъ мой отвѣтъ: любовь—вездѣ любовь, т.-е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите, какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному!—По какой то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ, —и божество падаетъ передъ смертнымъ...

„Братъ! слушай!—продолжала Ольга,—я все обдумала и рѣши-

лась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ, ни мнѣ не возвратиться... Все равно... они всѣ ведутъ къ смерти; но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись; я сказала, что не перенесу этого... Ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое, станешь лелѣять его, пока оно выростетъ и созрѣетъ и смоетъ мой позоръ страданьями и кровью... Да, позоръ... Онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... Не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь?"

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенье на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

„Клянусь этимъ Богомъ, который создалъ насъ несчастными, клянусь Его святыми таинствами, Его крестомъ спасительнымъ, во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться. Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... О! ты великій человѣкъ!"

„Да, теперь, потому что ты меня любишь".

Она ничего не отвѣчала.

„Успокойся, опомнись, — сказалъ Вадимъ, — ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе, и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

Помню, какъ послѣ смерти отца я покидалъ тебя, ребенка, въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы, — а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; ты протянула ко мнѣ свои ручонки, улыбалась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія кормили, потому что я былъ не собака, и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшие годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!.. у меня въ сердцѣ были одни проклятія! Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ

обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и востановить новый, для того то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ —смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупыя отъ рожденья или отъ старости, неспособныя ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой то книгѣ...

Можно придти въ отчаянье!

Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень; и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначащее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ: „Ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору“.

„Я безъ ногъ“,—отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы.—„Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?“

„Нищій—отвѣчалъ онъ,—рожденъ нищимъ и умру нищимъ; только разница въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногій“.

„Отчего же?“

„Отчего!..—тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно:—я былъ проводникомъ одного слѣпого; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на телѣжкѣ,—и даютъ деньги...“

„Зналъ ли ты своихъ родителей?“—спросилъ я поспѣшно.

„Какъ же!“

„А кто были они?“

„Нищіе!“—Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

Итакъ, есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порокъ, подумалъ я.

На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ“.

Вадимъ остановился.

„Понимаю тебя!“ —воскликнула Ольга и пожала ему руку.

„Я это зналъ!.. развѣ ты не сестра мнѣ?“—возразилъ Вадимъ.

„Послушай, вѣрно, само Небо хочетъ, чтобы мы отомстили за

бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли..."

„Небо или адъ... а, можетъ быть, и не они: твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой то бѣшеный демонъ поселился въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви, онъ странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи, но, чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

Долго я бродилъ безъ крова и пристанища, преданный зимнимъ метелямъ, какъ южная птица, отставшая отъ подругъ своихъ; долго жить было цѣлью моей жизни.

Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ. Это меня взорвало!... Я не хотѣлъ, чтобы онъ былъ счастливъ—и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе—чума для счастливцевъ, чума!... Сестра! ты мнѣ простишь... О! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность... теперь все кончено, отъ моего прикосновенія увяли твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога..."

„Какъ! воскликнула Ольга,—неужели ты раскаиваешься? Правда, я женщина; но развѣ всякая женщина промѣняетъ печали и безпокойства на блистательный позоръ... Блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желалъ этого, Вадимъ, не правда ли?"

„Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя".

„А теперь кто мѣшаетъ?"

„Теперь? теперь..."—Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданье было видно въ слѣдующихъ словахъ: „Теперь убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣнахъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!... Нѣтъ, я еще не такъ дуренъ, какъ ты полагаешь; человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ".

„Меня убить, значитъ, сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ", отвѣчала Ольга улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

„А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?"

„Я удивляюсь тебѣ, другъ мой!"

„Не хочу! люби меня".

Она закрыла лицо обѣими руками.

Глава IX.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ собственнымъ блескомъ? Читатель! не онѣ ли были свидѣтелями твоего счастія или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ?... Но нѣтъ! волна, окропленная слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва расшиблась объ утесъ гранитный. Она потеряла дорогой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; сдѣлавшись могилой какого-нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей прелести, живого, безпокойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синимъ, холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густой липой, и упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно; и отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятья природы: она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокойствіемъ разсматривалъ рѣчныя травы и густой хмель, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловыя, березовыя рощи казались опрокинутыми въ водѣ, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ, и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ, и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится неизъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ и гдѣ дорога, желтѣя, терялась за холмами; тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... „Не къ намъ ли?" подумалъ Вадимъ;— но этого не можетъ быть! кому?..."

Его тревожилъ колокольчикъ, и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу. Онъ побрелъ вдоль по рѣкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ? —Тамъ также слышали колокольчикъ, но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія. Наталія Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ; вѣрно, это онъ!...

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или, лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ: родные посылали ходока къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ.. но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ: долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ, вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель. Она моя—говорилъ онъ—и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа съ крестомъ и святой водою и выгнали опоздавшаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его. Ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, а супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки! Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ,.. кибитка въѣхала въ ворота... Вся дворня столпилась... Это онъ... въ военномъ мундирѣ... выскочилъ и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодоль и плакалъ... Это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя рѣчи и догадался. Съ досадой смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упреки... и потомъ, обратившись къ дому, сказалъ: „Такъ точно! слухъ этотъ не лживъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь—и больше; почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья? Для чего *они* любимцы неба, а не я? —О! Создатель! еслибы Ты меня любилъ, какъ сына... нѣтъ, какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но Ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну Твое владычество въ часъ моей кончины..."

Неподвижно стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало, смѣялось...

„Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ!“ - воскликнулъ кто то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

Глава X.

Смерклось; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала, какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ, у дверей на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія, - и больше, нежели пустое любопытство, понудило ее къ этому. — Юрій былъ такъ хорошъ!... Именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ „матушкой“, и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья...

Ольга слушала, и что то похожее на зависть встревожило ее. „Еслибы обо мнѣ такъ говорили, еслибъ и на мнѣ такъ блистали кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливѣе!...“ Всякой 18-тилѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ голову. Наряды необходимы счастью женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства; маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однако жъ, какъ уйти! Юрій говоритъ такъ пріятно, въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что еслибъ даже невозможно было разобрать словъ его, то, ей казалось, она поняла бы смыслъ разговора!..

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію...

Оно существуетъ, должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О, какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни, невинной, обѣщающей жизни, было въ стѣсненномъ дыханьѣ этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства!

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упадала на губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой: все кругомъ покрывала темнота—этого было ей довольно, чтобы тотчасъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

Онъ приблизился: отъ него вѣяло холодомъ.

„Поздравляю, Ольга...“

„Съ чѣмъ?“

„Не правда ли, какъ хорошъ собою молодой твой господинъ!..“

„И твой!“—обидѣвшись, возразила Ольга.

„Ни мало... я добровольно сталъ слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты... о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!“

Она вздохнула.

„И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни...—продолжалъ шопотомъ Вадимъ,—эти мягкіе, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются.. Ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась?.. О мой отецъ, мой отецъ!.. Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ, скоро, скоро...“

„Скоро!..“

„Я вижу твое восхищеніе! —холодно возразилъ ей братъ, скоро! мы довольно ждали... но зато не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разскажу... слушай и благодари.

На Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ, какъ мужикъ, обратился къ нему... дворяне гибнутъ: надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ... вино безъ крови для нихъ стало слабо... Ты дрожишь отъ радости, Ольга?..“

Она молча поникла головой и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего; хотѣла молиться,—ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ на-

праснаго раскаянья. „Какой красавецъ сынъ моего злодѣя!", — думала Ольга; и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами: она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлой пеленой; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, зато кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія, и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодого Палицына и такъ забылся, что не слыхалъ, какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ: „Эй, малый... Вадимка!" Опомнясь, онъ взошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

„Какъ тебѣ нравится мой горбачъ? — сказалъ Борисъ Петровичъ, — преуморительный!"

„Каждый человѣкъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій, — имѣетъ недостатки... онъ не виноватъ, что изувѣченъ природой".

„Если ты будешь хорошо мнѣ служить, — продолжалъ онъ, обратясь къ мрачному Вадиму, то будь увѣренъ въ моей милости... Теперь ступай".

„Пошелъ вонъ!" воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста; онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его; и зависть возвратилась въ его душу только тогда, когда онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь — мучительное чувство!.. Какъ бѣшеный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собою огромнаго волка: блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножомъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима, даже господа вышли подивиться его отважности. Наконецъ, и онъ насладился минутой торжества! „Ты будешь моимъ стремяннымъ", — сказалъ Борисъ Петровичъ.

Глава XI.

Борисъ Петровичъ отправился въ отъѣзжее поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно и спѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцомъ?

Нѣтъ, онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными; онъ остался дома, бродитъ по комнатамъ, ищетъ разсѣянія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ, вѣрно, пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ въ себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди; этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета.

„А, это ты, Ольга!—сказалъ засмѣявшись молодой Палицынъ; вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью,—и какъ обманутъ!..“

„Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить, какъ тѣнь, то есть очень мало... и потомъ...“

„Ради Бога, не мало, любезная Ольга, я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ... ради Неба, говори, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!..“

„Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ, думайте объ нихъ, это васъ займетъ“.

„Думать объ нихъ и говорить съ тобою, Ольга? это нейдетъ вмѣстѣ“.

„А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лѣкарствомъ отъ скуки; всякое лѣкарство, со всей своей пользой, очень непріятно...“

„Ты не въ духѣ сегодня,—воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть;—ты сердишься на меня или на матушку... Если тебя кто-нибудь обидѣлъ,—скажи мнѣ: клянусь честію, этому человѣку худо будетъ!..“

„Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку!.. Вы хотите забавляться?—призовите другихъ, болѣе покорныхъ, чѣмъ я, болѣе способныхъ настраивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да, сверхъ того, я не раба ваша... итакъ...“

„Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота, но умна, прекрасна, въ моихъ словахъ нѣтъ лести, они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжалься... я здѣсь одинъ среди полу

человѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ и хочетъ, чтобъ я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему! Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!..“

„Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ; я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели и потому ни мало не расположенную забавлять васъ... Повѣрьте слову: гибель вокругъ меня...“

„Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!..“

„Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ... но...“

„Ты мила по-своему...“

„Что за похвалы!“ — съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

„Не сердись!“ — возразилъ Юрій; и, улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взялъ въ руки ея длинную темную косу, упадавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; взглянулъ на нее пристально, и этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

„Перестаньте, — сказала Ольга съ важностью, — мнѣ надо быть одной“.

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки — помучить; ему не удалось!

„Ты довольна будешь мною“, — сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе почти всегда было одно и то же; и еслибъ они читали эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX-го вѣка, то заснули бы отъ скуки; но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много, и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочетъ пробудить погаснувшія силы. Этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга стараніемъ утаить свою любовь еще болѣе ее обнаруживала. Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ, и, выученъ привычкой, читалъ въ глазахъ ея больше, чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ. Она думала о *немъ* и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ ея сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ

ужасъ Макбета, когда, готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти; но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участью этой женщины.

Когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его; но, приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя, и благословлялъ свой плѣнъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты.—Пожалѣйте о немъ.

Глава XII.

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству; но чаще по недовѣрчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать у нея полнаго признанья... или получить совершенный отказъ.

Какое ребячество! скажете вы; но въ томъ то и прелесть любви: она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны, какъ игрушки, и разбивать эти игрушки въ минуту досады доставляетъ не мало удовольствія, особливо, когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ взошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ шитья своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

„Ольга,—сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ,—я люблю тебя".

„Знаю",—отвѣчала она.

„Знаю, знаю! только то? и я больше отъ тебя не услышу?"

„Что же вамъ больше?.. я слушаю... молчу..."

„О, разумѣется, этого слишкомъ много! я недостоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто споритъ; но развѣ это даетъ право не имѣть сердца?"

„Я у Бога ни того, ни другого не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться".

„Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь

счастливъ! Все на свѣтѣ можетъ поправиться!.. Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь!.. О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... Отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь? какихъ жертвъ?"

„Забыть меня!" — воскликнула Ольга съ удивительною твердостію.

„Нѣтъ! никогда!.. я совершу невозможное, чтобы обладать тобою,—но забыть... нѣтъ власти..."

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрылъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, онъ обернулся и сказалъ: „Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно, я ошибался... Ахъ! это была минута, но райская минута, это былъ сонъ, но сонъ божественный; о, теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра въ любовь и счастье... Ольга, прощай! ты меня обманывала... обманъ — всегда обманъ, не все ли равно: глаза или языкъ? Чего желала ты? не знаю... можетъ быть... О, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя..."

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобы выйти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми, кажется, стѣны должны были бы рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и, рыдая, упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднялъ онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ усердіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, упоеніе неопредѣленное, какое не всякій испыталъ, и никто изъяснить не можетъ; неоконченныя рѣчи въ безпорядкѣ отрывались отъ ихъ трепещущихъ губъ, и каждое слово стоило поэмы... Само по себѣ незначащее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ, каждое слово было цѣлое блаженство.

„Я любимъ, любимъ, любимъ,—говорилъ Юрій,—я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ..."

„Пускай же ангелы, только не люди".

„Отчего же, мой ангелъ?"

„Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги..."

„Ты прекрасна! что за пустой страхъ!.. ты моя, моя..."

„Не раба, надѣюсь!"

„Больше,—сокровище!"

„О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупого... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... Я счастлива! не правда ли?"

„Ты счастлива! позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче..."

„Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ-нибудь?"

„Это волосы... Прочь ихъ! вотъ такъ... чтобы твой поцѣлуй и мой слились въ одинъ".

„Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!.."

Глава XIII.

„Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье..."

„Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ!"—отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья горной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ, и по веслу было въ рукахъ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ, и потомъ уступала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезли въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ, и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ разсердить, испугать свою подругу; но она умѣла отомстить за это невинное коварство, непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ его усилія дѣлались тщетны, и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что еслибы демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный, кровавый день... и Небо должно было заплатить ей за будущее въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ и по крайней мѣрѣ хотѣла жить, пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

„Будетъ ли конецъ нашей любви?—сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову, нѣтъ, о, нѣтъ! она продолжится на вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и еслибъ наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанья, дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣ-

титъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?"

Вмѣсто отвѣта она запѣла вполголоса слѣдующую пѣсню:

Вѣетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ;
Дѣвушка плачетъ,
Милый въ чужбину скачетъ;

Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ;
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

„Прочь эту пѣсню,—воскликнулъ Юрій,—кто тебя ей выучилъ?"

„Никто, сама".

„Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?"

„Нѣтъ; однако ты слишкомъ обѣщаешь: мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ..."

„О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца..."

„Три мѣсяца! Боже!"—Она содрогнулась, ея сердце облилось холодомъ.

„А потомъ,—сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого „Боже", -потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... Тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!.. онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь милліономъ жизней въ каждой улыбкѣ".

„Три мѣсяца, три мѣсяца, и нѣсколько дней", — повторяла не слушая Ольга. Ея умъ останавливался на этой пагубной, неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и попеременно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и, поровнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса. „Посмотримъ, что такое..."—шепнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

„Да скоро ли?"—спросилъ первый голосъ.

„На-дняхъ; ужъ въ округѣ начинается кутерьма. Да будетъ ли у васъ готово?"—сказалъ другой.

„Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя..."

„Ну, пожалуй..."

„Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ?.."

„Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ..."

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслушалъ.

„Да, Вадимъ былъ у насъ",—сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

„Куда ты?—сказалъ онъ съ удивленіемъ,—что съ тобою?"

„Скорѣй, скорѣй!"—больше она не могла выговорить.

„Это, должно быть, воры!"—подумалъ Юрій и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкою намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ: теперь мужъ ея, вѣрно, не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она, молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову, знаетъ Царь Небесный!

„Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка,—сказала она вошедшему сыну,—Борисъ Петровичъ еще долго пропорскаетъ... куда я рада, что ты не въ него!.."

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной—иные нравы!

Глава XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженнаго лѣсомъ, была деревушка, бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ виденъ издалека, и солнце утра золотило ея соломенныя крыши прежде, нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ, и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленныя по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ, и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котелъ съ кашей, чтобъ нагайками подымать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ; сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба, и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ, слуги, расположившись подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ

бунтахъ, о казни многихъ дворянъ, — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ и сожалѣнію, къ большой приверженности; вино, буйство, охота, ихъ единственныя занятія, не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей; и если между ними и былъ одинъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ то эти слухи до Бориса Петровича. „Вздоръ, — сказалъ онъ, — какъ это можетъ быть?“ — Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ, они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

„Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ разсказывали, что какой то удалецъ, котораго козаки величаютъ *Красной Шапкой*, все ставитъ верхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха!... что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посовѣтоваться... видно, хватъ!“ — Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

„Я его знаю, — отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой, — и вы его скоро увидите!“ Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что поневолѣ старый ловчій вздрогнулъ. „Ты чортъ или Гуммель“, — сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

„Когда?“ — воскликнули многіе; и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ, и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

„Куда? зачѣмъ?“ — О, еслибъ разсказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтера-Скотта и терпѣніе его читателей.

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные, и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... Пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная —
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ этой груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена,
Вольность-волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.
Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья:
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
А братья мои въ лѣсахъ—
Березы да сосны.
Скачу ли я на конѣ—
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли я поздней порой—
Небо свѣтитъ луной;
Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

Такъ пѣлъ козакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ повода и сложа руки; конь привычный не требовалъ принужденія, и молодой козакъ на свободѣ предавался мечтамъ своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ козака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

„Стой",—сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подъѣхавшаго козака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но козакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю. „Не нужно,—продолжалъ Вадимъ,—поѣзжай, скажи Бѣлбородкѣ, что послѣзавтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не трудно прибавить третью... Итакъ, послѣзавтра... Скажи, что *Красная Шапка* ему кланяется. Ступай!"

При имени *Красной Шапки* козакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ головой, ударилъ нагайкой лошадь.. и ускакалъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобы такъ играть жизнью и смертью... Однимъ словомъ, Вадимъ убилъ семейство! И что онъ такое? Вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество? Какая слава, еслибъ онъ избралъ другое поприще, еслибы то, что сдѣлалъ для своей личной мести, еслибы это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ!... Какая слава, еслибы, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида!... А теперь? имѣя въ виду одну цѣль—смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился для ихъ казни? Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось, какъ змѣя, вокругъ

сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (былъ ли то случай?) непримѣтно подъѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услуги Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда, видя конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенесть тягость одной насмѣшки самолюбія; спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко, и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ; — кто же здѣсь? вѣрно, Наталія Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало: одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово — и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи, и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами: свѣжая роса упадала на нихъ и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распуша радужный хвостъ, неподвиженъ, какъ новый памятникъ. Не знаю, съ какой цѣлью, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе—прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя, подобно червямъ, ползаютъ у ногъ богатства, которыя безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!... Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? можетъ быть, чувства святѣйшія—одна привычка, и еслибъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро, а послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько мѣдныхъ грошей, онъ каждому бросалъ по одному; они благодарили нараспѣвъ давно затверженными словами и даже не поднявъ глаза, чтобы раз-

смотрѣть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ идти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плечи. „Постой, постой, кормилецъ", пропищалъ хриплый, женскій голосъ сзади его; а рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся — и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать, повисла на немъ; ея засученные рукава обнажили двѣ руки, похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какой то неизъяснимой низостью, какой то гнилостью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки! Вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами, ни рѣсницъ, ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготѣющій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное стѣсненіе! Вадимъ не былъ суевѣръ, но волосы у него встали дыбомъ; онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ ея чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаяніе; немудрено, если онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя въ высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней—жить!

„Ты позабылъ меня, дорогой, позабылъ, дай копеечку не для Бога, для чорта... дай копеечку... аль позабылъ меня?! Не гордись, что ты холопъ барскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ".

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ,

„Проклятъ! проклятъ! проклятъ! кричала въ бѣшенствѣ старуха,—чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черви твой языкъ подточили, чтобъ вороны глаза проклевали, чтобъ тебѣ ходить спотыкаться, пить — захлебнуться, горбатый уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!..."

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ее стукнула, какъ что то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слыхалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче! И они, крестясь и кланяясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина, и готовы были растерзать на мѣстѣ, но еще не смѣли: еще ни одинъ козакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вызолоченый

иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ, и огромныя паникадила, висящія посреди церкви, бросали сквозь дымъ ладана таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, еслибы голова порою не наклонялась, и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали смѣшеніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣй, чѣмъ исчислить; и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину передъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ; и, озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному, живому, вѣчно-движущемуся существу; однимъ словомъ, это была толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна, и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими вратами и боковыми дверьми, былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ, какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на висящемъ паникадилѣ, кидали красно-

ватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка, — это была милость у ногъ Спасителя, — и надъ ней внизу образа было написано выпуклыми буквами: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы.*

Многіе приближались къ образу и, приложившись, послѣ земного поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упадая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. Немудрено, что завтра, подумалъ Вадимъ, эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ. И, отвернувшись, онъ хотѣлъ идти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ, и... онъ зналъ эту женщину...

Ея кровь была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье не было его счастьемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворство, искреннее *люблю*, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумиръ—свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью... потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и, угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя, это была ея единственная молитва, и еслибъ Богъ былъ человѣкъ, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханія. И когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность; это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула, какъ алмазъ, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобы удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ; его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы, каждая жила ея сердца вздрогнула, дыханье остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяньемъ. (Все это время дьячокъ читалъ козлинымъ голосомъ посланіе апостола Павла, и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... Что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?)

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы.* Что дѣлать! онъ вѣрилъ въ Бога, но также и въ дьявола!

И, выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно, чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизъяснимой муки... Можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстáться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ, и любовь потеряла надежду?..

„Итакъ, она точно его любитъ“,—шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому то судорожному движенію такъ глубоко врѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ молча, стряхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди ихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

„Какой то проходящій толкнулъ ее... мы думали, что онъ шутитъ... она упала, да и окачурилась... чортъ ее зналъ! вольно жъ было не закричать!“—Такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что *онъ* толкнулъ старуху.

„Итакъ, она его любитъ!—бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на нетерпѣливаго коня.—Итакъ, она его любитъ!“

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

Глава XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-гдѣ показывались козацкія шапки, блистали копья и ружья: часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышащія мятежомъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту — поцѣлуй Іуды. Что то ужасное

созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро и въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; понемногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные —такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдемъ; потому что... какъ не посмотрѣть... что́ тамъ дѣлается.

Народъ, столпившійся предъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный безпрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что́ такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но, несмотря на то, сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ, невѣжественный и не чувствующій себя, хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ неблагопристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія, грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ, приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета — душа порока и преступленій; теперь насталъ часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣхаться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи; это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ; чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было обида,—одинъ, но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла, и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ, и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ мятежной,

какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ. И неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подалъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ, не болѣе, который, заграждая путь какой то толстой барынѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно; толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначащій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобъ совершенно обнаружить свою ненависть! Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостью своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово, — и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ. Чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся; онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другою отодвинулъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова... Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой, засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась: странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея; они постепенно возрастали.

„Что то ужасное происходитъ у монастыря,—воскликнула Ольга,—моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій!.. еслибъ ты зналъ... Мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви и замѣтилъ ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились?.. О, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются“.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери, или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ, съ помощью толстыхъ сучьевъ, взобрался почти на самый верхъ.

„Что видишь ты?“—спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвется, но рука

„Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь". („Вадимъ").

Рисун. худ. В. И. Комарова.

Юрія какъ бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ, онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками. „Что видѣлъ ты, — говорила дѣвушка, — отчего твои руки такъ холодны и лицо такъ влажно?“ — „Это роса“, — отвѣчалъ Юрій, отирая хладный потъ съ чела и вставая съ земли.

„Все кончено... Напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... О, Провидѣніе, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій!“ — воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе, и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю возрастающимъ вѣтромъ. Вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались на дорогѣ; они постепенно приближались, и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую то нескладную пѣсню. Поронявшись съ Юріемъ, онъ пріостановилъ свою буланую лошадь. „Что, бояринъ, — сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду, — аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой то... да еще пѣшечкомъ; семъ-ка довезу!..“

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы. „Что ты, что ты, бояринъ! - закричалъ грубо мужикъ, — ужъ не впрямь ли хочешь со мною съѣздить?.. экъ всполошился“, — продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвистнувъ; добрый конь рванулся... Но Юрій, коего силы удвоило отчаніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ вожжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергнулъ его на землю, и сильная рука вырвала вожжи... „Разбой!“ заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи: она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать: „разбой!“ — Колесо переѣхало ему черезъ грудь, и онъ замолкъ, вѣроятно, навѣки.

Ужасна была эта ночь. Толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшные огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялось на полянѣ; иные изъ нихъ ужъ собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣсто угасшаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три, не болѣе... Одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но, обезображенный, онъ едва походилъ на бренные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

Глава XVI.

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ съ своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стремянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка, вдова-солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, — и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, несмотря на серебристую оттѣнку волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужъ давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хлопая крыльями, сбирался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса, и въ избѣ на полатяхъ, рядомъ съ полногрудою хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ непомилованно; вѣроятно, утомленный трудами дня и (вѣроятнѣе) упоенный сладкой водочкой и поцѣлуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, еслибы вдругъ, среди глубокой тишины, сильная, невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота, такъ что они затрещали; собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: „Господи Боже мой! да кто это тамъ?.. наше мѣсто свято!.. да что это какъ стучатъ!..“ Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую, потную грудь, и она, съ досадой высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлеѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. „Отопри проворнѣе“, закричалъ онъ громовымъ голосомъ. „Экой скорый! -пробормотала солдатка, захлопнувъ окно, —подождешь, не замерзнешь!.. Не спится, видно, тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый“. Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника, и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, браня пріѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался на дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

„Батюшка! сказалъ Юрій, котораго вы, вѣроятно, узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы, — проснитесь, гдѣ вы? проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти!..

Послушай, — продолжалъ онъ шопотомъ, обратясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло, — гдѣ мой отецъ? что вы съ нимъ сдѣлали?" — „Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся, што ли... я закричу... да пусти... пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на полатяхъ то храпитъ..." И, задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

„Что за шумъ! кто тамъ развозился? Петрушка, Терешка, Фотька! эй, вы!.." закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая, подобно лютому звѣрю.

„Батюшка! — говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину, — сойдите скорѣе... жизнь и смерть, говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада..."

„Да что ты за человѣкъ?" — бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

„Я! вашъ сынъ... Юрій..."

„Юрій... что это значитъ?... объясни... зачѣмъ ты здѣсь?.. и въ это время!.."

Онъ схватилъ въ испугѣ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ.

„Батюшка! мы погибли!.. народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ деревни толпились кучи народа.. и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня, показываютъ, что они ждутъ если не самого Пугачева... то козаковъ его... Спасайтесь!.."

„А Наталья Сергѣевна?.. а вещи мои?.."

„Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь!" — сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала, какъ искра, на щеку старика и обожгла ее...

„О!.. — завопилъ онъ, — кто бъ могъ подумать, повѣрить! кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ! О, Господи, Господи! куда мнѣ дѣваться? всѣ противъ насъ... Богъ и люди... И кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ губить... кого же? — русское дворянство! простой козакъ... Боже мой! святые отцы!"

„Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться?" — сказалъ быстро Юрій.

„Нѣтъ! нѣтъ! никого нѣтъ!"

„Фотька Атуевъ?"

„Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!"

„Терешка?.."

„Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники, антихристы!.. О, спаси меня, сынъ мой!"

„Мы погибли! — молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу. — Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!.. Молитесь Ему, если можете".

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣна, и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца и унесетъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: я спасу тебя.

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчки.

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стремянной Палицына, и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо; собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони, или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали амбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдькой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ клади, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посерединѣ, то раздался чей то голосъ, вѣроятно, одного изъ пробудившихся псарей. „Кто тамъ?“ спросилъ онъ.—„Развѣ не видишь, что хозяева“, - отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

„А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ?“ — сказалъ, почесывая бока, пьяный псарь и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

„И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работки то не больно разжирѣешь!“

„Ужъ не ломайся, знаемъ мы!.. экая гладкая! У барина, видно, губа не дура... Экъ ты прижила себѣ стараго чорта... да небось! не сдобровать ему... высчитаемъ ему наши слезки... дай срокъ!.. батюшка Пугачевъ ему рыло то обтешетъ... пусть себѣ не вѣритъ... А ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...“

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась, и нашъ проворный рыцарь спьяна наткнулся на оглоблю телѣги, споткнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ,—не знаю, по крайней мѣрѣ, не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожи-

дали конца этой непріятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги. Сильно бились сердца ихъ, стѣсненныя неизъяснимымъ предчувствіемъ; они шли, удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, продираясь между коноплей и низкихъ грядъ, запинаясь поминутно ногами или за кирпичъ, или за хворостъ; огородныя пугала казались имъ людьми, и каждый разъ, когда полевыя крысы кидались изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали; Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за шпагу. . Но, къ счастію, всѣ ихъ страхи были напрасны, и они благополучно приблизились къ темному овину, хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находилось два сусѣка — одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломой.

„Полѣзай сюда, баринъ, — сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенько съ головой въ солому, и кто бы ни приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылѣзай безъ меня, а я, коли жива буду, тебя не выдамъ; что бы ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу“.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій, вмѣсто того чтобы слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: „прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословеніе, можетъ быть, мы больше не увидимся“. Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; войдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различать мѣрный топотъ скачущаго коня, — онъ постепенно становился тише и тише, и, наконецъ, совершенно слился съ шопотомъ листьевъ дубравы.

„Куда этотъ верченый пустился? — подумала удивленная хозяйка, — видно, голова крѣпка на плечахъ, а то, кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, — и поминай, какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!.. спрятала то я стараго, спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить... Ну, ужъ коли на то пошла, такъ берегись, баба! не давши слова, держись, а давши — крѣпись... только бы онъ самъ не оплошалъ!..“

Глава XVII.

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу; но конь, уставъ продираться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу къ селу Палицына.

Задумавшись ѣхалъ мрачный горбачъ, опустивъ руки на гриву и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лукѣ се-

зацкаго сѣдла, и добрый степной конь его, горячій, щекотливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать... Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его, и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

„Куда торопишься? чему обрадовался, лихой товарищъ? — сказалъ Вадимъ, — но тебя ждетъ покой и теплое стойло: ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданіяхъ... О, еслибъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ!“ И онъ, наклонясь, вырвалъ изъ земли высокій стебель полыни. „Но нѣтъ! — продолжалъ онъ, одной капли яда довольно, чтобы отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ“... Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ: невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются, два раза шапка чуть-чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка подталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкнутъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ... Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни - все дышало тогда какой то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго празднества, и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена „Дидо и Ладо“ могли бы ввести въ это заблужденіе неопытнаго чужестранца.

„Ну, Вадимка! — сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной, — какъ слышно?.. скоро ли нашъ батюшка то пожалуетъ?..“

„Завтра въ обѣдъ“, — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

„Ой ли, — подхватилъ другой, — такъ, стало быть, не нонче, а завтра... такъ, такъ! А что, какъ слышно? чай, много съ нимъ рати военной... чай, казаковъ то видимо-невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ то?..“

„Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка, — сказалъ третій, покачивая головой, — эко диво серебряный... чай, не только кафтанъ, да и сапоги то золотые...“

„Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью? чай, все старики...“

„Вѣстимо. Послушай, братъ Вадимъ, — продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами, — гдѣ нашъ баринъ то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить..

ужъ я бы его попотчевалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ...“

„Нѣтъ, нѣтъ!—подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ, —это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня: никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія, кромѣ меня... Онъ мой,- я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіе коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможныя чувства, чтобы подъ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ... подлые рабы!“

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался, позади небольшого сада, господскій домъ съ многочисленными службами; онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу... Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами... Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ.

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противу всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, еслибъ среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: „спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!.. Но къ чему теперь!—развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори... „И онъ, задержавъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай, мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ, еслибъ на этомъ порогѣ было написано судьбою: смерть, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу. я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя? что такое?.. храмъ безъ божества... Зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности?.. развѣ Провидѣніе не настигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть?..

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... Послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай... черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли, и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ, перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ, и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее, защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипомъ распахнулась.. Кто то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ взошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился; на полу стоялъ фонарь, и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ... Ольга.

Убійственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія, и глаза изливали какой то однообразный холодный лучъ, и сжатыя губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ Провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки; ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобы она къ нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положеніи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

„Чего ты отъ меня еще хочешь?..“

„Еще?.. а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?.. говори, Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя произнести клятву... ты помнишь?.. развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?..“

„О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!“

„Ольга... твой отецъ былъ мой отецъ...“

„Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ погибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... Нѣтъ! ты не братъ мой!.. Прочь! я ненавижу, презираю тебя!“

„Ненавидишь, такъ... а презирать не можешь...“

„Презираю...“

„Ты боишься меня...“ Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

„Вадимъ!.. ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣетъ смертнымъ холодомъ...“

„Нѣтъ, Ольга!.. я останусь здѣсь цѣлую ночь...“

„Боже!“ — прошептала вздрогнувъ несчастная дѣвушка; сердце ея сжалось, и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала: ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣна.

„Послушай!—сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру; посадивъ ее на лавку, онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ: —Послушай, было время, когда я думалъ твоей любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня,—тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ.. одинъ... какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ, тебя не любить невозможно... я это знаю... О, да посмотри на меня!.. неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!.. Да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долей твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О, да, это невозможно тебѣ постигнуть... Если бы я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣна... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя умирая!..“

„Проклинай!“—отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

„Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... Это мое последнее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай: между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ, мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно! довольно! Послушай: еслибъ бѣдная собака, издыхающая, полуживая отъ холода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя былъ бы кусокъ хлѣба, одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?...“

„Сердце—не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...“

„А! не въ твоей власти!.. А! но развѣ я это у тебя спрашивалъ?“

„Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...“

„Въ тебѣ нѣтъ жалости!..“

„А въ тебѣ есть жалость?“

„Такъ ты его очень, очень любишь?“

„Больше всего на свѣтѣ...“

„А!.. больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!“

„Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ“.

„Ошибаешься, воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ,— онъ непремѣнно долженъ умереть... и очень скоро!..“

„Я умру вмѣстѣ съ нимъ...“

„О, нѣтъ! ты не умрешь... не надѣйся!..“

„Я надѣюсь на Бога... Онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ Себѣ или спасетъ его, несмотря на всю твою злобу...“

„Не говори мнѣ про Бога!.. Онъ меня не знаетъ; Онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву—Ему все равно... И не думаешь ли ты смягчить Его слезами и просьбами?.. Ха, ха, ха!.. Ольга, Ольга!.. Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ, ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да! —продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—и если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову...“

Онъ отвернулся, хотѣлъ, повидимому, что то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его; онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе...

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери...

Глава XVIII.

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ кромѣ какъ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе „Чортова Логовища“, и суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ идти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высокимъ камышомъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманывала неопытнаго путника, и высокій тростникъ скрывалъ яму и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и, спустясь съ него, поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ; на опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось, простирали огромныя вѣтви, чтобъ заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: „lasciate ogni speranza voi ch'entrate!" Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ, какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ; наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо, и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ снѣга, воздвигнутый трудолюбіемъ какого-нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ея свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до „Чортова Логовища", но тропинки уже нѣтъ нигдѣ, и должно идти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія; лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмель и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; иногда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющомъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, не привыкшій къ степной жизни, воспитанный на булеварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ. Тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокій оврагъ; его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые без

печно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться, придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣлѣе пуха лебяжьяго останавливается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины и, наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна, уставленная нѣсколькими высокими дубами; посерединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ-нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но, войдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверзтій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галлереи: отверзтія такъ малы, что едва на колѣнахъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и, наконецъ, три человѣка могутъ идти рядомъ безъ труда, не задѣвая почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ, повидимому, въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галлерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько саженъ она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачиваетъ направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію: — она оканчивается обрывомъ или, лучше сказать, поворачиваетъ вертикально внизъ; должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобъ спрыгнуть туда; какъ ни говори, — двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искусственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикальной плоскости, потомъ склоняется налѣво и впадаетъ въ широкую круглую залу, куда также примыкаютъ двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посерединѣ одинъ четыреугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ, служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленькій ключъ, который, выходя изъ отверзтія, сдѣланнаго, вѣроятно, съ намѣреніемъ, въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и, наконецъ, скрывается въ другомъ отверзтіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ; немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсня узника оживляетъ

безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля все поросло мохомъ; при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ скромныхъ звѣрьковъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подъѣзжалъ къ нему, хотя ни разу не осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то „Чортово Логовище", несмотря на это адское прозваніе, представилось его мысли, какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, милые слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти. Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ, — но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизиціей упасть въ колючія объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, богохульнаго, страшнаго изображенія святѣйшей святыни... О, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверьми шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти, Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ, — слово смерть, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ; но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая, съ распростертыми руками, какъ висѣлица, то неожиданная, внезапная, какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга. Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?.. молитвой!.. Но напрасно!.. уста его шептали затверженныя слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было, самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій

шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостію большой крысы или другого, столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастіе — женщина: коли полюбитъ вдругъ сначала, такъ разлюбитъ подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понялъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ: онѣ пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы, сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ — и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листья!..

Между тѣмъ дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?.. гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей? — никого, рѣшительно никого!.. Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводитъ? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились?.. и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?..

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывной звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса, наконецъ, все умолкло; прошло еще полчаса, — вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ: „баринъ! баринъ! вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?“

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба, и вылѣзъ изъ сусѣка.

„Это ты, хозяйка?“ — пролепеталъ онъ невнятно.

„Я, я!.. да не бойсь... они всѣ уѣхали: поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...“

„Хозяйка, — прервалъ Палицынъ, — ужъ свѣтаетъ... Послушай... я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ, недоброе... да это все равно... ты знаешь „Чортово Логовище“?..“

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась... и посмотрѣла пристально на Палицына. „Охъ, кормилецъ! бѣда, сатанинское это гнѣздо...“

„Нѣтъ другого!“ — возразилъ онъ въ отчаяніи.

„Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кончу: ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье; скинь-ка свой

балахонъ, а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенекъ, да зато не болтливъ, и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ...“

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малый лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь; онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что то на ухо. Почесывая затылокъ и кивая головой, онъ зѣвалъ безпощадно, и только по временамъ отвѣчалъ: „хорошо, мачька!“ Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ уже былъ готовъ. „Съ Богомъ!“ прошептала имъ вслѣдъ хозяйка. Они вышли въ поле черезъ заднія ворота: Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному „Чортову Логовищу“, обоихъ дрожащихъ, какъ листъ: одинъ — опасаясь погони, другой — боясь духовъ и привидѣній; оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

Глава XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячи предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснились въ умѣ его, но спасти Ольгу или, по крайней мѣрѣ, погибнуть возлѣ нея было первымъ чувствомъ, господствующею мыслію его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслужившая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возросла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь о бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодыя нивы, какъ молодой народъ, онѣ волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими очами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій... Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночного сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часового. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ, который неимовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ было

своротить съ дороги, слѣдуя какому то инстинкту... но гордость превозмогла: онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дому на всякій случай, осмотрѣлъ кремень, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору: скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль, и наконецъ показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

„Стой! — закричалъ Юрій, — не приближайся! или я размозжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?“

„Или ты не узналъ меня, баринъ, — отвѣчалъ хриплый голосъ, — неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?“

„Какъ? Это ты Ѳедосей? — воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его, — но зачѣмъ ты здѣсь? — продолжалъ онъ строго, — мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?... Говори“...

„Эхъ, баринъ, баринъ!... ты грѣшишь! я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ, и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка!... Времена тяжкія... да ужъ Ѳедосей тебя не оставитъ: гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ: Онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: „служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ?...“ А кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать?... Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, да я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной, и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужъ таково дѣло холопское, ты меня поилъ и кормилъ до сей поры, теперь пришла моя очередь... сгибну, а господъ не выдамъ...“

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

„Если ты говоришь правду, Ѳедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою... но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...“

„Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ-одинехонекъ?...“

„Ѳедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ ему скрыться... и ѣду“. — Юрій призадумался, и наконецъ, своротясь, молвилъ отрывисто: „Я хочу видѣться съ Ольгой“.

„Вотъ что! — подумалъ Ѳедосей, поглаживая усы, — время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ!“ „Эй, баринъ, — молвилъ онъ, осмѣлившись, — брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...“

„Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...“

„Плохо“, — пробормоталъ Ѳедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ, ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому

что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ, и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

„Баринъ,— воскликнулъ вдругъ Ѳедосей, посмотри-ка, кажись, наши гумна виднѣются... Такъ, такъ!... остановись-ка, баринъ... Послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу, я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... береженаго Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...“

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. „Какъ!—думалъ онъ, — и я для нея побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью!...“ Но скоро, съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился!... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Ѳедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я... противъ правды словъ нѣтъ. Я уже прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга онъ былъ человѣкъ, какъ и другой—просто добрый, умный юноша.— Что дѣлать?...

Когда Ѳедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю. Напрасно онъ думалъ, что хладный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладятъ кровь, успокоятъ волнующуюся грудь... Всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь зловреднаго генія, заводитъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее; такъ, врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства, - но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ: „Ужели ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ?“ И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ, по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разброшенныя, растерянныя имъ на дорогѣ жизни; но увы! эти чувства не принесли плода: одни, какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны странниками, иныя упали на камень и сгнили отъ дождя безполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колѣнахъ няни, трепещущимъ при словѣ „бука"; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы, и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ насталъ возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдаютъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. Анютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній, какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны и какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ корридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и подъ конецъ преступные поцѣлуи; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста его впивались въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорятъ, что пора служить... онъ спрашиваетъ: зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15-ти лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16. Итакъ... итакъ... заложили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости воля, и рощи, и поля, прости счастье, прости Анюта!... Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за дверей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щечки, онъ, какъ вихрь, промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... „О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня!" думалъ онъ тогда... но что же? Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась дюжей толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... Очарованіе разлетѣлссь, какъ дымъ; настоящее отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и принесъ эту жертву своему самолюбію почти безо всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава вотъ его кумиръ!.. Война — вотъ его на-

слажденіе... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя, низверженныя чалмы поклонниковъ Корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ: „Молодецъ! хватъ! лучше меня... Помилуй Богъ!" О, Суворовъ, вѣрно, ему скажетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, сквозь огонь и градъ пуль турецкихъ, на окровавленный валъ и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя безсильной раны, водрузитъ въ чуждую землю первое знамя съ двуглавымъ орломъ. О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!..

Но войска перешли черезъ границу русскую, пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится черезъ дикія поляны... О! какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо!.. Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и нескромныхъ? Кто она?—О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ, если Богу есть какое-нибудь дѣло до сердца человѣческаго.

Онъ нашелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его, и онъ поднялъ Зару, и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ, незрима и прекрасна, какъ ангелъ. Въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была или чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ эти волосы, разсыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій и предался прекрасной мусульманкѣ, предался и тѣломъ, и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... о, какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь!.. Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу, и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно развѣшанныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ; но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился: на него были устремлены два

черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытимо лобзалъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя; но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно всѣ упреки, всѣ обиды... О, въ ней точно кипѣла южная кровь!

„Неблагодарная, змѣя! — воскликнулъ Юрій, — говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на всѣ мои ласки ты не знала другого отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже! Создатель! такая наружность—и такая душа! О, если всѣ Твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адомъ и раемъ? Нѣтъ, Зара... нѣтъ, это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори! чего ты хочешь?“

„Я хочу свободы!“—отвѣчала Зара.

„Свободы! а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ, но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара... Божій міръ великъ... найди себѣ домъ, друзей... ты видишь: и безъ моей смерти можно получить свободу...“

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое, какъ бѣлый туманъ, обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула и снова скрылась... Прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... Вдругъ, въ одномъ шатрѣ, Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!.. онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителенъ: не злоба, но глубокая печаль проникала въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть—и не умеръ, рѣшился забыть Зару—и, друзья мои, забылъ ее!

Наконецъ, кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной—чрезвычайно похвальная и умная выдумка! Не одна 30 лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку. Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій со злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ, и потомъ, когда онъ

замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней съ этой небрежною ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли... О, какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факелъ, окропленный водою, съ усиліемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножомъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплесть, перерубитъ, подобно Александру.

Глава XX.

Ѳедосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и, наконецъ, спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери, и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь и взошелъ; но, переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся, и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить ея формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что это или злой духъ, или злой человѣкъ. Когда Ѳедосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ: его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія. На полу сидѣла или, лучше сказать, лежала Ольга, преклонивъ голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ; можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневатой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо, а сердце 18-лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманитъ его, какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья; ручей — это надежда: покуда она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены; но если однажды надежда испарилась,

вода утекла, то кому нужда до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда взошелъ Ѳедосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ, и дрожавшій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое, гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и хладные, какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались, какъ прежде: взоръ мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, и ни малѣйшая краска не пробѣгала ни по шеѣ, ни по ланитамъ. Женщина, только потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ ней стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ, онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

„Вставай, вставай—время дорого!“

„Ты опять здѣсь!..“—простонала она, не приподнимая головы.

„Какой чортъ, опять! да ты меня не узнала, што ли? Вставай! время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня съ нимъ что случится...“

„О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...“

„Что ты, матушка, бредишь? Помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Ѳедосей, чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...“

Какъ пробужденная отъ сна, вскочила Ольга, не вѣруя глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдого ловчаго и, наконецъ, воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ: „Такъ онъ меня не забылъ? такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною далеко, далеко...“—И она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника, и смѣялась, и плакала...—„Нѣтъ,—продолжала она, немного успокоившись,—нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили; нѣтъ, онъ мой, мой на землѣ и въ могилѣ, вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня; нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...“

„Я этого ничего не знаю,—прервалъ хладнокровно Ѳедосей,—ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не поздно...“

„Но куда? какъ?“

„Ты видишь", сказалъ, наконецъ, Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ: „я сдержалъ свое обѣщаніе... Это онъ!" („Вадимъ").

Рисун. худ. В. И. Комарова.

„Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?“

„Ѳедосей, если ты обманываешь, оборони Боже...“

„Что я за бусурманъ!.. да скорѣе!.. Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ. чай, глазыньки проглядѣлъ!..“

„Я готова...“

Ѳедосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, вытянулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать—не могла... Передъ нею Ѳедосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и скребъ ее ногтями, а надъ нимъ, съ топоромъ въ рукѣ, на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій. Онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ, побѣдившій змѣя; улыбка, ядовито сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе—да, сожалѣніе палача, который не изъ собственной воли, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

„Ты видишь,—сказалъ, наконецъ, Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ,—я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженныя черты нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!.. тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать, для кого и ты бы ихъ покинула, если бъ имѣла... Это онъ! бѣдный, глупый юноша, который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ льстецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія. Да! что же онъ теперь? окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды...“ И Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: „Какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга; я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ; посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Творецъ небесный!.. кто же все это сдѣлалъ? кто превратилъ прекрасное созданье Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый, чистый мозгъ? кто? я, я, я, ха! ха! ха! ха!—презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ!.. да! да! неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга: не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія... Ты мнѣ не повѣрила: онъ сбѣ

щалъ тебѣ счастіе, мечту; а я обѣщалъ месть — и вѣрную месть! Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнутъ Богомъ, что Онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи!... Я твой братъ, Ольга, братъ, господинъ, повелитель, царь твой; насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства, мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей...“ — Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались, какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала въ воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и, принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ: „Свершилось первое мое желаніе! онъ палъ, — вотъ онъ, убійца моихъ надеждъ: вотъ онъ, губитель моего перваго блаженства, ненавижу тебя и въ могилѣ, и берегись, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга, ты ступай, куда хочешь, — между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ; живи, умри, — мнѣ все равно. Прощай, сестра! прощай и ты, бѣдный юноша!“

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо, вздрогнулъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе, вдругъ закричалъ и отскочилъ, какъ бѣшеный. Голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю, какъ камень; это было мгновеніе, но въ семъ мгновеніи заключалась цѣлая и ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ держаться на ногахъ, блѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью и, — какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ! — да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами!

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертваго. Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что, закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ, казалось, понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ Провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купитъ побѣду. Но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ, то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противостоять твердой волѣ человѣка? Воля заключаетъ въ себѣ всю душу; хотѣть — значитъ нена-

хотѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если бы волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытьи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры. Свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго, и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой, такъ высоко взвивались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой, полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно, и розовый блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большого сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крыльями, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ, и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые, на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто, а въ груди Вадима какая буря!

Глава XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ, и гибкіе верхи деревъ едва колебались, перешептываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка напѣвали странствующія птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина; ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями, и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса... По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умѣ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза, и если въ это

время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучомъ солнца.

„Ты задумчивъ!— сказала она,— но отчего? Опасность прошла, я съ тобою... ничто не противится нашей любви. Небо ясно, Богъ милостивъ!.. зачѣмъ грустить, Юрій?—Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но зато, какъ они, свободны: пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы—нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...“

„Да,— отвѣчалъ Юрій,— счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!..“

„Развѣ лучше, если я буду плакать?..“

„Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О, если бы ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей!.. И какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ? Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? А теперь!—русскіе дворяне гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простого козака, подлаго самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ — о, змѣи! змѣи! Если бы я зналъ, я бы раздавилъ васъ... И вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холодъ, жизнь нищаго, а тамъ—висѣлица, пытки, позоръ... Боже, что мы сдѣлали? О, казни меня Самъ, но зачѣмъ поручить орудіе казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?“

„Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ, и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царицѣ, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери...“—При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею; дѣвственныя груди облились румянцемъ и заволновались, стараясь вырваться изъ-подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

„Ты права!—говорилъ онъ,—чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ! чего болѣе для меня?.. я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно уме-

реть, я умру, не вздрогнувъ, не простонавъ... Клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣна передъ низкими палачами!..“

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листахъ, коими усѣяна была земля.

„Пойдемъ по этому слѣду, Ольга, — сказалъ онъ, подумавъ немного, — онъ приведетъ насъ куда-нибудь... быть можетъ, къ мѣсту спасенія... Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значитъ, что онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...“

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и заброcанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій, они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревами возвышались три намъ уже знакомые кургана.

„Что это значитъ?“ — воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіеся выходы пещеръ.

„Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари Провидѣніе — мы спасены!..“

„Но что такое? я не понимаю тебя?“

„Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались. Но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема“.

„Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто, — если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь или другой негостепріимный пустынникъ“.

Подойдя къ одному изъ отверзтій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма: онъ всунулъ туда голову — точно! но что это значитъ? ужъ не занята ли ихъ квартира? — Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула: „Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты!..“

„Идти... но куда же? ты забыла, что у насъ, кромѣ синяго неба и темнаго лѣса, нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы?.. что намъ за дѣло... Если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять, если изгнанники, подобные намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни. Къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показать свои лица въ народѣ...“

„Но я боюсь, Юрій, твои убѣжденія ничтожны... я боюсь...“

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и, устре-

нувъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

„Ты ребенокъ! стыдись..."

„Я не знаю ни стыда, ничего... Ради любви моей, не ходи въ пещеру; пойдемъ далѣе: это западня... Какъ тамъ темно, какъ страшно..."

„Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то, не зная окрестностей, забредемъ, Богъ знаетъ куда, и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбѣжно погибъ,—развѣ ты хочешь моей смерти?"

„Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?"

„Итакъ, пусти меня... или лучше, пойдемъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ, что суждено!"

Съ сими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣнахъ вползъ въ одно изъ отверзтій, держа передъ собою смертоносное оружіе, и, ощупью подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было идти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь, порою дымъ валилъ ему навстрѣчу; и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи, онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ. Сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвесть какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій взошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четыреугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казалось, не обращалъ на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и, приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

„Кто здѣсь?.. вставай!.. что ты за человѣкъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!"

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и, схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся, не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы, и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался, вѣроятно, несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина

упала на огонь: красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во всѣ стороны.

„Остановись, — сказалъ Юрій, — или я тебя проножу насквозь“.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: „Кто ты?“

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: „Сынъ мой! сынъ мой!“

Они упали другъ другу въ объятія, они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, — по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы... а эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы, грѣшные, наши утреннія и вечернія молитвы, — сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо, имъ совершенно чуждое, существо забытое, но прекрасное, нѣжное, женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой, какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, — но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшотку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ, съ помощью бѣдной, но гостепріимной солдатки, онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: „Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ, — это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобы посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?.. Адъ и проклятіе! кто бы ожидалъ!..“

„Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!“

„Слухи! слухи! а кто имъ вѣрилъ? — напасть Божія на насъ грѣшныхъ, да и только... Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ, и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня поутру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ... чай, солнце уже закатилось. Юрій? а, Юрій?“

Юрій не слыхалъ, не слушалъ: онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить: она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась; какъ восковая кукла, неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ

„Виноватъ! я приказчикъ...“

„А! ты виноватъ!—сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться: въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь!“ Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

„Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше жъ благородіе, помилуй!..“

„Ты у меня запираться!..“

„Виноватъ!—опять заревѣлъ приказчикъ,—сжальтесь... я отъ страху не знаю, что говорю... я приказчикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу... я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...“

„Будто бы! точно ли?“

„Да убей меня Богъ, если бы я хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!“

„Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?“

„Борода?.. да такъ... а что, родимый?“

„Эй, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки...“

„Ваше превосходительство! сказалъ приказчикъ, привставъ съ большею увѣренностью, извольте спросить у всѣхъ мірянъ: любилъ я господъ своихъ?:.“

„Эй, вы! правду ли онъ говоритъ?“

Мужики переминались, почесывали затылокъ, кашляли.

„Видишь, молчатъ!—сказалъ насмѣшливо Орленко.—Да я подозрѣваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ?.. борода то мнѣ подозрительна!.. Эй, мужички! какъ вы думаете? ха, ха, ха!“

Увы! народъ молчалъ.

Приказчикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ и, не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу и, не зная, что дѣлать, закричалъ: „Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не приказчикъ Матвѣй Соколовъ? развѣ въ первый разъ вы меня видите?.. что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы канальи!—развѣ вы забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется?..“

Лукавые мужики покашливали; наконецъ, одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ: „Пороть то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... А теперь... не хочешь ли теперь на себѣ примѣрить?“

„Что же? ты его признаешь за барина своего?“ — спросилъ Орленко.

„Баринъ то онъ не совсѣмъ баринъ, — сказалъ мужикъ, — да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда попъ — туда и попова собака!“

„Что жъ я буду съ нимъ дѣлать?“

„А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь...“ — заговорило нѣсколько голосовъ.

Приказчикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ: „Смилуйся отецъ родной, золотой ты мой, серебряный... что я тебѣ сдѣлалъ? неужто нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ?..“

„А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты? вашею братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ! я вамъ его дарю на животъ и на смерть, дѣлайте изъ него, что хотите!..“

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: „смерть“, „висѣлица“ отдѣлялись, по временамъ, отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались, всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести: сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею!

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту, съ изорванными одеждами, явился предъ казаками. Когда урядникъ его увидалъ, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому; но Вадимъ, — ибо это былъ онъ, — не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ: „Отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...“ — Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чьемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучу.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

„Здравствуй, Орленко, — сказалъ онъ отрывисто, — звѣря я выслѣдилъ, а поймать ваше дѣло“.

„Ужъ ты молодецъ, Красная Шапка... знаемъ мы тебя...“ — Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но сбиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли еще однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

„Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...“

„Только укажи слѣдъ, — сказалъ улыбаясь Орленко, — а ужъ за наградой дѣло не станетъ: сколько бы денегъ на немъ ни нашли, вотъ тебѣ крестъ, — десятую долю тебѣ“.

„Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...“

„Чего жъ ты хочешь... крови?..“

„Да, крови!“ — съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

„Что жъ, и за этимъ дѣло не станетъ!..“

„О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью...

а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть... Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова; чтобъ я насытился его мученіями,—одинъ, слышите ли, одинъ; чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства!.. О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка!.. слышите ли?"

Нѣкоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, на которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей. Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

„Ахъ, ты уродъ,—сказалъ урядникъ,—ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть! ха, ха, ха!"

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на казака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнулъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся, чтобы не могли прочитать его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

„Коня!—закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна,—дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же..." Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ, и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась... и слѣдъ простылъ...

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный приказчикъ на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его, или засѣчь, или уморить съ голоду въ холодномъ амбарѣ. Послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому амбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сіи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобы описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на заваленкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада, съ топотомъ, пылью и блеяньемъ возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ, и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

Глава XXIII.

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ безмолвствовалъ; онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ... онъ

прощался съ этими мечтами навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми казаками; они также молчали: иногда вырывалось шутливое замѣчаніе, за нимъ появлялись три-четыре улыбки — и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ: „Стой, братцы! Кто это намъ ѣдетъ навстрѣчу? слышите топотъ... видите пыль тамъ, за изволокомъ! Ужъ не наши ли это изъ села Краснаго? то то, я думаю, была пожива,— не то, что мы, чай, пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э!.. да посмотрите... вѣдь точно видно — они! Ахъ, разбойники... черти ихъ душу возьми!.. Экъ сколько телѣгъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!“

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ навстрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала. Впереди ѣхало человѣкъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ, сѣдымъ наѣздникомъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человѣкъ десять мужиковъ со связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однѣхъ рубашкахъ; потомъ слѣдовало нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами, и, наконецъ, двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружало сіи кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ сажень на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, пріударилъ коня нагайкой и подскакалъ къ каравану. „Здравствуй, молодецъ, — сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ привѣтливой улыбкой, — откуда и куда путь держишь?“

„А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородкѣ! онъ имъ совьетъ пеньковое ожерелье, — не будутъ въ другой разъ бунтовать!..“

„Я отгадалъ, старый, что ты, вѣрно, въ Красномъ пировалъ... да, кажется, и теперь не съ пустыми руками...“

„Да, нельзя пожаловаться на судьбу!.. бочки три вина веземъ къ Бѣлбородкѣ“.

„Къ Бѣлбородкѣ! Все ему! А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ казачковъ не попотчевать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына, и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся!..“

Старый обратился къ своимъ и молвилъ: „Эй, ребята, какъ вы думаете? вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать привалъ... своихъ обдѣлять не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... а тамъ что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе...“

„Стой!“—раздалось по всему каравану.

Стой! —Скрипучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телѣги, съ завистью слушали разсказы послѣднихъ про богатыя добычи и про упрямыхъ

господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность. Между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгалъ небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала. Вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телѣги и кибитки и, наконецъ, остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ.

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отыскиванія невѣрной добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ миловидныя бочки вина, то, подъѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ: „Итакъ, сегодня нѣтъ надежды?“

„Да, братъ, наврядъ: да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ; скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня“.

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отъѣхалъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ толстой березѣ и сѣлъ на землю: прислонясь къ березѣ, сложа руки на груди, онъ смотрѣлъ на приготовленія казаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, если бъ вы знали, что онъ увидѣлъ! Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности... Но рокъ измѣнилъ. Онъ уже перешагнулъ двѣ ступени гибели: сопротивленіе, плѣнъ, теперь осталась третья — висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченныя когтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, осѣненные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно: ни близость смерти, ни досада, ни ненависть —ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойнаго, всепроникающаго взгляда: но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, — и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова: женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой и

устахъ: она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозою и стопами прохожаго; и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это были отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнокъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасеніе балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта, и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на колѣнахъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпы веселыхъ казаковъ осыпали ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... Они однако не смѣли подойти къ старику, его строгій, пронзительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку, — началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разсказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать, возрастать, какъ грозное кресчендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя, вольныя, какія разноцвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ, согласно съ догорающимъ западомъ, озаряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

„За здравіе пана Бѣлбородки! — говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ, - онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!"

„Чортъ его побери! - отвѣчалъ другой, покачиваясь: — славный малый! пьетъ, какъ бочка, дерется, какъ звѣрь, и умнѣе монаха".

„Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣлѣ зарубкой, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!..."

„Ахъ ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за амбаромъ... ха, ха, ха!"

„А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признавайся, когда старикъ то заперся въ свѣтелкѣ да началъ отстрѣливаться?"

„Я? а гдѣ бишь?... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я, подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна?"

„Да это было прежде... Ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалой повалилъ его сына?"

„Что? ничего".

„Такъ врешь! онъ положилъ его поперекъ окна и, прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго... вотъ повалилъ то! какъ снопъ! Ужъ я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбой

ница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружье, по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ".

„А много вашихъ легло?"

„Да человѣкъ десятокъ есть!... Зато ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покрошили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умереть немолодецкой смертью".

„Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть..."

„Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!"

„Эхъ кабы я былъ старшина!"

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе, и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

„Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить?— развѣ боитесь своихъ старшинъ?"—сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная въ кучу пороха.—„Кто мѣшаетъ?—заревѣли пьяные казаки,—кто смѣетъ намъ мѣшать?... Мы дѣлаемъ, что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми... Убить, да, убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте, ребята!..."—И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понялъ.

„Чего вы хотите?"— сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

„А, старый воронъ! старый филинъ!... мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда!.. Да выходи же!..." — сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпившись обѣими руками за его платье.—„Не бойся,—шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой, — не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же"...—Онъ отвернулся... О, какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки!... сколько прелестей сколько отчаянія!...

„Разнимите ихъ! —закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю,—что они лижутся!"

Ихъ хотѣли растащить... но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку. „Перестань,—сказалъ отецъ твердымъ голосомъ, —ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ безъ покаянія... какъ басурману..."—„Не можетъ быть! не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь..."—„Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ... молись!..."—Она отрывисто качнула головой и заплакала... Боже! какія слезы!

Несмотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ, прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

„Теперь пойдемте", — сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... Ему надѣли на шею

петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ, и раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки: пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился кверху; мученикъ сорвался, ударился о-земь, и нога его хрустнула: онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. „Убійцы,— прохрипѣлъ онъ,— вотъ вамъ мое проклятье, проклятье!" —„Заткни ему горло," — сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика, — и онъ умолкъ.

Когда казаки хотѣли увѣриться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ. . О, это было ужасно... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ, — и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить изотлѣвшая, разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей, рѣзвой, чистой, какъ радужный мотылекъ, невинной, какъ первый вздохъ младенца... Грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! Какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака, дымныя, багряныя, лиловыя, гурьбой собираются на западѣ; сливаются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный, какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ, но дунулъ сѣверный вѣтеръ — и разлетѣлись облака и упадаютъ росою на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты! да ангелъ твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и проценья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ,— онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ, и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка, и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенести никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы раскаянія Палицына, увидать его у ногъ своихъ, грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха, — надежда усладительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно огни догорали: толпа постепенно умолкала, и многіе уже спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя

облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

„Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ сердитъ, задумчивъ, горбачъ?“—сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

„Ты видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ?“ отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

„Вижу“.

„Ну, а какъ ты думаешь, что̀ таится въ глубинѣ его?“

„Что? по-моему, громъ и молнія... вишь, какъ насупилось...“

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Глава XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенныя кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина, и по временамъ раздавался рѣзкій, грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый, — и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту непріятную, пошлую сцену, если бъ она не служила необходимымъ изъясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не почитаю за необходимость долѣе извиняться.

„Ахъ ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть... собачій сынъ!“—говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

„Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду! ревѣлъ длинный балбесъ, утирая глаза кулаками. —Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, я шелъ... шелъ... да меня лѣшій и обошелъ... а я усталъ да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...“

„Ахъ ты разбойникъ!... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти!“ —И удары снова градомъ посыпались ему на голову.— „Чай, онъ, мой голубчикъ,—продолжала солдатка,—тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался въ руки душегубамъ... а ты, нечесаная голова, и не подумалъ объ этомъ! Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живого зажарятъ... Вотъ родила я тебя на горе на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы тво-

ему отцу отъ меня ни к...а!" — И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! бѣдные изгнанники по милости негодяя болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души. И въ самомъ дѣлѣ, какъ выйти, гдѣ искать помощи, когда по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы?

Между тѣмъ, пока солдатка била своего парня, кто то перелѣзъ черезъ частоколъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровнями и колодами, и взошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и, узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь и взошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее лицо; не говоря ни слова, онъ въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незванаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно, узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

„Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ, Матерь Божія! да какъ ты зашелъ сюда.. слава Богу! Я думала, что тебя злодѣи то давнымъ-давно извели!...“

„Случайно я нашелъ батюшку въ Чортсвомъ Логовищѣ, — отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ, — ты его спасла! благодарю... Я пришелъ за хлѣбомъ...“

„Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали... голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный, — закричала она, оборотясь къ сыну, — все это по твоей милости!.. собачій сынъ...“ — И снова удары посыпались на бѣднягу.

„Дай мнѣ чего-нибудь!“—сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное: она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ горшокъ снятого молока, и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу... Въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба; если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца,—онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоцѣнный часъ. Востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выйти изъ гостепріимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ, и кто то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку... Она подбѣжала къ окну, всплеснула руками, и простодушное, загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

„Дѣлать нечего,—сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость,—не правда ли, я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности!...“

Но хозяйка не отвѣчала; она приподняла половицу возлѣ печи и указала на отверзтіе пальцемъ; Юрій понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

„Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили со мной, баринъ, не выходи отсюда прежде двухъ денъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станетъ!...“ -И тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ, и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

„Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками? спросилъ Вадимъ у солдатки,—гдѣ они?“

„На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!“

„Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь“.

„И, помилуйте, отцы родные, да что мнѣ его прятать!... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...“

„Въ томъ то и сила, что не твой“ —подхватилъ Орленко и, ударивъ ее плетью, продолжалъ:

„Ну, живо поворачивайся, укажи, гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...“

„Дѣлайте со мною, что угодно,—сказала хозяйка, повѣсивъ голову,—а я знать не знаю. Вотъ вамъ Христосъ и Святая Богородица! Ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную“.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя: „Онъ здѣсь, непремѣнно здѣсь...“

„Отчего же ты въ этомъ увѣренъ?“—спросилъ Орленко.

„Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь,—я это чувствую... я отдамъ вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!...“

„Хорошъ подарокъ!“—замѣтилъ кто то сзади.

„Но какія доказательства? и какъ его найти?“ —спросилъ Орленко.

Грицко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: „пытка“ она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ, быть можетъ, новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

„Пытать, такъ пытать“,—подхватили казаки и обступили хозяйку: она неподвижно стояла передъ ними, и только иногда губы ея шептали неслышно какую то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку и, перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу, и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились, и съ улыбкой взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

„Что, разбойница, —сказалъ Орленко, —теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?“

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

„Хоть зарѣжьте, не знаю“, —отвѣчала несчастная женщина.

„Тащи выше“ —было приказаніе Орленки и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ... глаза ея налились кровью: стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... Палачи опять остановились, и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ: отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги, и она громко застонала, моля о пощадѣ.

„Ага! такъ, наконецъ, разжала зубы, проклятая... Не бойсь, какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки заговорятъ.., Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?“

„Да, гдѣ онъ?“—повторилъ горбачъ.

„Охъ!... охъ!... батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... отпустите на землю...“

„Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...“

„Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ!... охъ, Господи... спаси... батюшки...“

„Спустите ее“,—сказалъ Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе вопросы.

„Онъ убѣжалъ! сказала она, -въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... Больше, вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю“.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замасленнаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

„Кто ты таковъ?"—спросилъ Орленко.

„Петруха",—отвѣчалъ парень.

„Да, дурачина, кто ты таковъ?"

„А почемъ я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ"...

„Хорошъ! — сказалъ захохотавъ Орленко, — да гдѣ вы его нашли?"

„Зарылся въ соломѣ по уши около амбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отмели".

„Послушай, Орленко,—прервалъ Вадимъ, — мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы, его матери!"

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

„Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ".

„И то правда. Выведите-ка его на дворъ,—сказалъ Орленко, а эту чертовку мы запремъ здѣсь".

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула, глаза ея засверкали.

„Послушай, Петруха,—закричала она звонкимъ голосомъ, — если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью!..."

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса: онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ столькихъ незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздались на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ... Она и молилась, и плакала, и бѣгала по избѣ въ нерѣшимости, что ей дѣлать; даже было игновенье, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ сперва утихли крики, потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за однимъ за ворота и на улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой, остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать, содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ!...

1836
годъ

РОМАНЪ.

Глава I.

„Поди! поди!" раздался крикъ.

Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народу, и между прочимъ шелъ одинъ молодой чиновникъ. Замѣтьте день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе, отъ котораго тянется цѣпь различныхъ приключеній, постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ, по Вознесенской шелъ одинъ молодой чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента, утомленный однообразною работой и мечтая о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузъ неопредѣленной формы и синяя ваточная шинель съ старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось, онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ магазиновъ и кондитерскихъ. Порою, поднявъ глаза кверху съ истинно-поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и, смутившись, извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извиненія. Напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался.

чтобы поглазѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотою, долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы и, опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики, и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ.—„Баринъ! куда изволите?"—„прикажите подавать!"—„подавать-съ?" Это была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: „Берегись, поди!.." Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ, и развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, уже одна оглобля была противъ его груди, и паръ, вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна, обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю, и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: „Задавилъ, задавилъ!" Извозчики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами, и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ; но колѣна у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь прійти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ, и съ этой минуты перенесъ онъ всю ненависть, къ какой только душа его была способна, съ извозчиковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ, бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль по канавѣ, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семіоновскій постъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверьми съ мѣдною блестящею обдѣлкой.

„Ну, сударь,—сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистой рыжей бородой,—Васька нынче показалъ себя!"

Надобно замѣтить, что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не „Ахелъ" и не „Некторъ", а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снялъ шинель, закиданную снѣгомъ, и взошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастью, вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ, вообще нескладенъ и казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты. Хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое

„Берегись, поди...“ („Княгиня Лиговская“).
Рисун. худ. Н. Зарѣцкаго.

теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ, но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты: когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, — и въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что то. Въ заключеніе портрета скажу, что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю, чтобы немного скрасить его наружность во мнѣніи строгихъ читателей. Виноватъ, забылъ включить, что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменьки (папеньки ужъ не было на свѣтѣ), не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощію Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей взошелъ и доложилъ ему, что, дескать, барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволила ужъ откушать. „Я обѣдать не буду, — былъ отвѣтъ: — я завтракалъ“. — Потомъ взошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, быстроглазый, бѣленькій, и съ виду большой плутъ, и подалъ, не говоря ни слова, визитную карточку. Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто принесъ.

„Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ, — отвѣчалъ Ѳедька, — и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ“ (такъ называлась мать Печорина).

„Что жъ ты принесъ ее ко мнѣ?“

„Да я думалъ, что это все равно-съ!.. Можетъ быть, вамъ угодно прочесть?“

„То есть, тебѣ хочется узнать, что тутъ написано?“

„Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были“.

„Я тебя слишкомъ избаловалъ, — сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ. — Набей мнѣ трубку“.

Но эта визитная карточка, видно, имѣла свойство возбуждать любо

пытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчъ – она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и разстроить очаровательный эффектъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло: онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано готическими буквами: Князь Степанъ Степанычъ Лиговской, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ, онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня. Увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать: *Степанъ Степ...* Печоринъ положилъ эти бренные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ лицо руками; и хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физіономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою въ сумракѣ что то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ, на что подумать,—такъ далеко были его мысли, если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ, отъ этой комнаты.

„Кто это?"—спросилъ онъ.

„Я!" – отвѣчалъ принужденный контральто, —и раздался звонкій женскій хохотъ.

„Варенька! какая ты шалунья!".

„А ты спалъ! ужасно весело!.."

„Я бы желалъ спать—оно покойнѣе!"

„Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ такъ скучно?—вы всѣ ищете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!"

„А позвольте спросить,—возразилъ Жоржъ, зѣвая,—изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?.."

„Оттого, что мы дамы".

„Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно..."

„Я почему знаю! И что мы станемъ говорить между собою?"

„Моды, новости, развѣ мало? Повѣряйте другъ другу ваши тайны".

„Какія тайны?—у меня нѣтъ тайнъ... Всѣ молодые люди такъ несносны..."

„Большая часть изъ нихъ не привыкли къ женскому обществу".

„Пускай привыкаютъ,—они и этого не хотятъ попробовать!.."

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливою улыбкой:

„Варвара Александровна, я замѣчаю, что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія“.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ея преспокойно опять опустился въ свои кресла. Между тѣмъ подали свѣчи, и пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ и гостиная и соединялась коридоромъ съ другою частью дома. Свѣтло-голубые французскіе обои покрывали ея стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя сторы, — противоположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый кипою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей; по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткой зеленаго плюща, по другую — кресла, на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ, разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ, находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшены были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы — подарки сослуживцевъ, погулявшихъ когда то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя каррикатурки Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя, кругомъ и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны, обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, — она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ, не знавшимъ своего генія, и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо; казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и, казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ, когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, называлъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ

называлъ, называли ее порядочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ, Варенька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ: въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала, чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руку полусгорѣвшая визитная карточка.

„Что это такое? Степанъ Степ... А! это, вѣрно, у насъ нынче былъ князь Лиговской!.. какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ! Она была такая добрая... Я вчера слышала, что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!“

„Кажется, я,—отвѣчалъ Жоржъ:—раскуривалъ трубку“.

„Прекрасно! я бы желала, чтобы Вѣрочка это узнала:.. ей было бы очень пріятно! Такъ то, сударь, ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу непремѣнно! Впрочемъ, нѣтъ... теперь ей должно быть все равно, она вѣдь замужемъ...“

„Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ!“—отвѣчалъ ей братъ, и зѣвнулъ, не зная, что прибавить.

„Для моихъ лѣтъ! что я за ребенокъ? Маменька говоритъ, что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна, какъ мужчина въ двадцать пять“.

„Ты очень хорошо дѣлаешь, что слушаешься маменьки“.

Эта фраза, повидимому, похожая на похвалу, показалась насмѣшкой; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось, и они замолчали. Мальчикъ взошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

„Какая тоска! воскликнулъ Жоржъ. -Надо ѣхать“.

„Тамъ будетъ mademoiselle Negouroff...—возразила ироническимъ тономъ Варенька.—Она еще вчера объ тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза! прелесть!..“

„Какъ угль, въ горнилѣ раскаленный...“

„Однако, сознайся, что глаза чудесные!“

„Когда хвалятъ глаза, то это значитъ, что остальное никуда не годится“.

„Смѣйся!.. а самъ неравнодушенъ“.

„Положимъ“.

„Я и это разскажу Вѣрочкѣ“.

„Давно ли ты увѣряла, что я для нея—все равно?“.

„Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски,—я не монастырка“.

„О! совсѣмъ нѣтъ! очень далеко...“

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить, что это былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самою нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы ее называть впослѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ,

неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что то писать. Покуда онъ писалъ, самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку, который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ конвертъ и надписалъ: „Милостивой государынѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Негуровой въ собственныя руки“, потомъ кликнулъ Ѳедьку и велѣлъ ему отнесть на городскую почту,—да чтобъ никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великой довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и черезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако, въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

Глава II.

Давали *Фенеллу* (4-е представленіе). Въ узкой лазейкѣ, ведущей къ кассѣ, толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю, продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ лѣвой стороны и съ краю: важное преимущество для тѣхъ, которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще съѣхались. Между прочимъ, прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ была пустая ложа; возлѣ пустой ложи сидѣли Негуровы: отецъ, мать и дочь. Дочка была бы недурна, еслибъ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмевали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушивали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

Видно, еще письмо не дошло по адресу!—подумалъ онъ и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество бальныхъ знакомыхъ, съ которыми иногда кланялся, иногда нѣтъ, смотря по тому, замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ: ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ,—въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки.

Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому, что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ, что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ, гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но увы, друзья мои, зато какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ съ своей невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе—сатира. Стоя внѣ круга мазурки, онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно, и даже ему показалось, что его начали принимать съ бо̀льшимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что, *по кореннымъ законамъ общества, въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается.*

Загремѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень, наконецъ, увидать людей, которые пропустили увертюру *Фенеллы.*

Занавѣсъ взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только пунцовый беретъ и круглую, бѣлую, божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніемъ неизвѣстной, чтобъ разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ, что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ея лица. У него заболѣла шея; онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Фениксъ—ресторація весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало, когда неуклюжіе рыдваны, влекомые парою хромыхъ клячъ, тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юныя нимфы, окутанныя грубыми казенными платками, прыгали на

У Феникса. („Княгиня Лиговская“).
Рисун. худ. Н. Зарѣцкаго.

скрипучія подножки, толпа усастыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни; и тамъ, гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно прогуливаются треугольныя шляпы безъ султановъ: великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой!

Печоринъ взошелъ къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣлъ Печоринъ, сидѣлъ также какой то молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя пахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе, томные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ, разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать, что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и, казалось, не слушая разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разсказывали анекдоты, запивая дымъ трубки скевернымъ чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ. Печоринъ à propos разсказалъ, какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого то франта и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описанъ, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ и, протянувъ руку, чтобъ взять шляпу со стола, сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное; всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали *исторію*. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя.—„Что стоитъ посуда?“ — Ему сказали цѣну втрое дороже.

„Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ, что разбилъ ее, — продолжалъ Жоржъ холодно,—вотъ деньги“.

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

„Скажи ему, что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно“.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику, что онъ все получилъ, и просилъ на водку; но тотъ, ничего не отвѣчая, скрылся. Толпа хохотала ему вослѣдъ; офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника, не запутавшись между тѣмъ въ *исторію*. О! исторія у насъ вещь ужас-

ная! благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли,—но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно. вы теряете все: расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасть въ исторію! ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась! Частная извѣстность ужъ есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ, однако, у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкротство — безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю: въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній, чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Объявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо; его оправдываютъ фразою: „и! кто этого не дѣлаетъ!..“ Трусъ обласканъ вездѣ, потому что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію...— о! ему нѣтъ пощады! Маменьки говорятъ объ немъ: „Богъ его знаетъ, какой онъ человѣкъ“,—а папеньки прибавляютъ: „мерзавецъ!..“

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто то его остановилъ за руку, примолвивъ: „Я имѣю съ вами поговорить!“—По трепету руки онъ отгадалъ, что это его давешній противникъ. Нечего дѣлать: не миновать исторіи.

„Извольте говорить,—отвѣчалъ онъ небрежно.—Только не здѣсь, на морозѣ“.

„Пойдемте въ коридоръ театра“, возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, коридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекой лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

„Я васъ слушаю!..“

„Милостивый государь,—голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись, и губы поблѣднѣли,—милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно“.

„Это для меня не секретъ,—отвѣчалъ Жоржъ, и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадалъ ваше намѣреніе; по крайней мѣрѣ, разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать... и начали очень остроумно“, прибавилъ онъ, насмѣшливо поклонившись.

„Милостивый государь, отвѣчалъ онъ задыхаясь, — вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь, вамъ весело! А по какому праву? Потому, что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотыя эполеты? Развѣ я не такой же

дворянинъ, какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ: хожу пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости, потому что у меня нѣтъ денегъ, которыя бы я могъ бросить на столъ!.. Нѣтъ, никогда! никогда, никогда я вамъ этого не прощу".

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно, какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и, наконецъ, сказалъ:

„Ваши разсужденія немножко длинны; назначьте часъ и разойдемтесь; вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ".

И точно, нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ салопахъ въ коридорѣ перваго яруса, начали подымать головы.

„Какое дѣло мнѣ до нихъ! пускай весь міръ меня слушаетъ!.."

„Я не этого мнѣнія... Если угодно, завтра, въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ".

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

„Драться! я васъ понимаю,—на смерть драться!.. И вы думаете, что я буду достаточно вознагражденъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ!.. Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я бъ желалъ, чтобы вы жили вѣчно, и чтобъ я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться! нѣтъ!.. тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ..."

„Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать",—возразилъ Печоринъ, пожавъ плечами, и хотѣлъ идти.

„Нѣтъ, постойте,—сказалъ чиновникъ, придя нѣсколько въ себя,—и выслушайте меня!.. Вы думаете, что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрьте, что я меньше дорожу жизнью и будущностью, чѣмъ вы. Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ... я бѣденъ, такъ бѣденъ, что хожу въ стулья. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія; я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать, старушка... Я все для нея: я ея провидѣніе и подпора: она для меня и друзья, и семейство. Съ тѣхъ поръ, какъ живу, я еще никого не любилъ, кромѣ ея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду..."

Онъ остановился, глаза его налились слезами и кровью...

„И вы думали, что я съ вами буду драться?.."

„Чего жъ, наконецъ, вы отъ меня хотите?" сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

„Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться".

„Вы, кажется, забыли, что не я началъ ссору".

„А развѣ задавить человѣка ничего?—шутка, потѣха?"

„Я вамъ обѣщаюсь высѣчь моего кучера..."

„О! вы меня выведете изъ терпѣнія.."

„Что жъ, мы тогда будемъ стрѣляться!.."

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ и, наконецъ, онъ воскликнулъ:

„Нѣтъ, не могу, не погублю ее!..“—и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенеллы* ужъ подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другого края, не замѣтили его отсутствія.

Глава III.

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ *Фенеллу*, вы всѣ съ громомъ вызывали Новицкую и Голланда, и поэтому я перескачу черезъ остальные три акта и подыму свой занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался пьесой, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ, и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и папенекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холоду и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали—одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы, смѣялись, говорили громко и наводили золотыя лорнетки на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ. И однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя -красотѣ обыкновенныхъ, обыковенныя—увы! -гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры: у первыхъ почтительные и важные, у вторыхъ услужливые и порой неловкіе. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми, ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы же и простой народъ проходили другими дверями. Это была миніатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу, старался продраться къ дверямъ. Онъ поровнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

„Отчего вы такъ серіозны, monsieur George? вы недовольны спектаклемъ?“

„Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда“.

„Не правда ли, что Новицкая очень мила?“

„Ваша правда“.

„Вы отъ нея въ восторгѣ?..“

„Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ“.

„Вы этимъ никого не ободряете!“ — сказала она съ досадою и стараясь иронически улыбнуться.

„Я не знаю никого, кто бы нуждался въ моемъ ободренiи... — отвѣчалъ Печоринъ небрежно.—И притомъ восторгъ есть что то такое дѣтское...“

„Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

„Право...“

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось, что тамъ, за колонною, мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ, и долговязый лакей повторилъ за нимъ: „Карета князя Лиговскова“.

Съ отчаянными усилiями расталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ, человѣка за четыре, мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящiй купе, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. „На Морскую! пошелъ!“—Интересную карету замѣнила другая, можетъ быть, не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ, какъ вкопанный. Мучительная мысль сверлила его мозгъ. Эта ложа, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней, ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ; ея глаза, можетъ быть, часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнетическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы! О, бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ! Раздосадованный, онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сани, разбудилъ толчкомъ кучера, который лежалъ, свернувшись, покрытый медвѣжьею полостью, и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за ней.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацiю насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

„Вотъ, напримѣръ, Печоринъ,—говорилъ онъ,—нѣтъ того, чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ (Катенька его жена, пятидесяти пяти лѣтъ). Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ!.. Какъ бывало въ наше время? влюбится молодой человѣкъ — старается угодить родителямъ, всей роднѣ... а не то, чтобъ все по угламъ съ дочкой перешептываться да глазки дѣлать... Что это нынче срамъ смотрѣть! И дѣвушки не тѣ стали!.. Бывало, слово лишнее услышатъ покраснѣютъ, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта... А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься... Замужъ захотѣлось!...“

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ, и она не могла произнести ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась:

„Ужъ ты всегда на нее нападаешь понапрасну! Что жъ дѣлать, когда молодые люди не женятся! Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; — чѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... слава Богу... что мнѣ ея наряды то стоятъ!... А ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь... Да кабы замужъ не выходили, такъ что было бы...“

Эти разговоры повторялись въ томъ и другомъ видѣ всякій разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... Дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты, одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Прежнія понятія, полузабытыя, полустертыя новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады или во время спора; они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнилъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ, служившихъ въ канцеляріи ея мужа; женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ; добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька — для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то обѣщаюсь идти пѣшкомъ въ Невскій монастырь — слушать пѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она взошла въ свою спальну и кликнула горничную Маѳушу — толстую, рябую дѣвищу... Дурной знакъ!... Я бы не желалъ, чтобы у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!... Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой, вымазанной чухонскимъ масломъ или приглаженной квасомъ, отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками, шероховатыми, какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами, хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и (что всего хуже) четвероугольной таліей, облѣпленной пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже, чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома, подобна крокодилу на днѣ свѣтлаго американскаго колодца; такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мое мнѣніе, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки и расшнуровать корсетъ, а сама, сѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на

плечи... Но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавой ножкой, жилистой шеею и сухими плечами, на которыхъ обозначились красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій, вѣроятно, на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой то французскій романъ. Марѳуша вышла. Тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размышленіямъ.

Конечно, ни одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушала съ притворной холодностью, притворной улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли никакихъ для нея другихъ слѣдствій, кромѣ лишнихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно: классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобъ легче угадать, о чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, разсказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе, что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанимать ея родители были не въ силахъ, англичанки дороги. Нѣмку взять было также неловко: Богъ знаетъ, какая попадется — здѣсь такъ много всякихъ... Лизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-французски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей, потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она играла... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады, и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто, и стали жить открытѣе. Пятнадцать лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются

сколько угодно, какъ резиновыя помочи. Лизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что француженки блѣдны, а англичанки худощавы... Надобно замѣтить, что прелесть блѣдности и худобы существуетъ только въ дамскомъ воображенiи, и что здѣшнiе мужчины только изъ угожденiя потакаютъ ихъ мнѣнiю, чтобы чѣмъ-нибудь отклонить упреки въ невѣжливости и такъ-называемой „казармности“.

При первомъ вступленiи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ у нея нашлись поклонники... Это все были люди, всегда аплодирующiе новому водевилю, скачущiе слушать новую пѣвицу, читающiе только новыя книги. Ихъ замѣнили другiе: эти волочились за нею, чтобы возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобы кольнуть самолюбiе жестокой красоты. Послѣ этихъ явился третiй родъ обожателей: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобы прiятно провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна прiобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюблялись не на шутку и требовали ея руки, но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... Къ тому же они всѣ были прескучные. Имъ отказали. Одинъ съ отчаянiя долго былъ боленъ, другiе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытной и бойкой дѣвою: смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ нея стали увиваться розовые юноши, пробующiе свои силы въ словесной перестрѣлкѣ и посвящавшiе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчiя. Увы, на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и вмѣстѣ тайнымъ удовольствiемъ убивала ихъ надежды, останавливала ѣдкой насмѣшкой разливы краснорѣчiя,—и вскорѣ они увѣрились, что она непобѣдимая и чудная женщина. Вздыхающiй рой разлетался въ разныя стороны... И, наконецъ, для Лизаветы Николаевны наступилъ перiодъ самый мучительный и опасный сердцу отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный и безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять, шутя, въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ, для смѣху, скомпрометировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ, что она отъ него безъ памяти, и стараться показать, что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ, какъ отъ нея отдѣлаться... говорить ей нѣжности шопотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя, что это ея послѣднiй обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбiя, старается удержать шалуна какъ можно далѣе у ногъ своихъ... Напрасно! она болѣе и болѣе запутывается. Наконецъ... увы... за этимъ перiодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты.

Лизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ; но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобы себя поддержать, пріобрѣсти то, что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то есть прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставши на который онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометировать дѣвушку молодую и невинную онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть?... Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько то репутацій -значитъ почти: онъ выигралъ столько то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально и замѣтилъ, что никто не пригласилъ ее на мазурку. Знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать. Кавалеры шумѣли стульями, устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную, чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дожидался ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

„Гдѣ вы скрывались?—сказалъ онъ,—я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья: такъ я сильно надѣялся, что вы мнѣ не откажете“.

„Какъ вы самоувѣренны“.

И неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

„Однако жъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность?“

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во все время танца, блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже до любовной метафизики. Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что, наконецъ, онъ чуть-чуть ей не сказалъ, что обожаетъ ее до безумія (разумѣется, двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой, довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль кряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется, онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постоянное влеченіе другъ къ

другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но зато дѣйствовалъ весьма открыто. Лизавета Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потомъ, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, ни имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ, безо всякихъ видовъ, пригласили однако же его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣиваться, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона ***. Печоринъ по обыкновенію танцовалъ первую кадриль съ Елизаветою Николаевною.

„Какъ хороша сегодня меньшая Р.“,—замѣтила Елизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча и, наконецъ, отвѣчалъ:

„Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунцовые цвѣты въ ея густыхъ русыхъ локонахъ. Я непремѣнно даю себѣ слово танцовать съ нею сегодня, именно только потому, что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе?“

„О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны“, —отвѣчала она, вспыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р., или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала; но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила, что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ иронической улыбкой:

„Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?“

„Il est très aimable“,—отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего послѣдняго кавалера, ибо остальные молодые люди, видя, что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности, которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался о ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она, напротивъ, вслѣдствіе плохого разсчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно! Онъ только наслаждался

излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало по малу сама увѣрилась, что его точно любитъ. Родители ея, болѣе проницательные въ качествѣ безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: „Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда, что онъ старъ и въ параличѣ,—да что нынѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали, что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволитъ ему жениться! Что жъ вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается“.

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для ней не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться, а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Елизавету Николаевну, пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постели съ книжкой въ рукахъ и съ мыслями, бродящими въ минувшемъ и въ будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло; конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча придвинута, и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись, что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Вмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимыя на лунѣ, которымъ многіе простолюдины придаютъ какое то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

„Милостивая Государыня. Вы меня не знаете, я васъ знаю, мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни такъ же мнѣ знакома, какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слыхали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому, что вы никогда на меня не обращали вниманія, и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно, что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова возжечь въ немъ чувства, которыя ему никогда не снились. Онъ съ вами пошутилъ. Онъ недостоинъ васъ; онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совсѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, то я клянусь вамъ, что вы никогда не узнаете моего имени.

Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга

Каракуля“.

Отъ такого письма съ другою сдѣлась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Елизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы; она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо и сдула на полъ легкій его пепелъ. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось, она плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что еслибъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу, ей встрѣтился лакей.

„Куда ты идешь?“—спросила она.

„Доложить-съ“.

„О комъ?“

„Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...“

„Гдѣ онъ?“

„У крыльца остановился“.

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

„Скажи ему, что дома никого нѣтъ. И когда онъ еще пріѣдетъ, прибавила она, какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу,—то не принимать“.

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

Глава IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ея. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петербурга, проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиною, которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое то болѣзненное замираніе, какая то мутность и неподвижность мыслей,

которыя, подобно тяжелымъ облакамъ, осаждали умъ его, предвѣщали одну близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани его остановились передъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но прежде, чѣмъ онъ отворилъ ее, минувшее, какъ сонъ, проскользнуло въ его воображеніи, и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго біенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночного набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, — извѣстно только Богу, но, повидимому, онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ, дверь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ: „Дома ли княгиня Вѣра Дмитріевна?“

„Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ“.

„А княгиня?“ — повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

„Княгиня также-съ“.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нибудь, по убранству комнатъ, угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но, увы! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою, какъ всѣ улыбки и всѣ привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны; но кабинетъ такъ же непроницаемъ для постороннихъ посѣтителей, какъ сердце. Однако же краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину, что главное лицо въ домѣ былъ князь. „Странно, — подумалъ онъ, — она вышла замужъ за стараго, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно, для того, чтобъ дѣлать свою волю. И что же, если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?... Но нѣтъ, любить она его не можетъ, — за это я ручаюсь головой“.

Въ эту минуту швейцаръ взошелъ и торжественно произнесъ: „Пожалуйте, князь въ гостиной“.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу; онъ почувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда перешелъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея, на креслахъ, въ мундирномъ фракѣ, сидѣлъ какой то толстый, лысый господинъ, съ огромными глазами, налитыми кровью, и безконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами, обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся, когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Сте-

пановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ то очень неяснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

„Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ моего мужа“.

Князь бросилъ газеты на окно, раскланялся, хотѣлъ что то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

„Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама,—я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой“.

„Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе“.

Печоринъ самъ не зналъ, что говорилъ. Опомнившись и думая, что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой то холодный, принужденный видъ. Княгинѣ показалось, вѣроятно, что этой фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ, какъ будто бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: „о, да!“ Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитріевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что придавало лицу ея какую то оригинальную прелесть и такимъ образомъ, рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ, уничтожало сравненія, которыя, можетъ быть, были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттическій и прозрачность кожи необыкновенна. Безпрерывная измѣнчивость ея физіономіи, повидимому, несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но зато человѣкъ, привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны, могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что эта женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принесть счастіе въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавши же ее въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое или, скорѣе, не знали бы вовсе, что сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи, затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ объяснить подробно свои родственныя

„Княгиня“, сказалъ Жоржъ: „извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ титуломъ“. („Княгиня Лиговская“).

Рисун. худ. Н. Зарѣцкаго.

связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою, а Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно, что она не въ своей тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали, губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ быть, домашняя сцена, до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ быть, радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему; можетъ быть, непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и, можетъ быть, готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать, что, подобно ей, забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, то княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверзтымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

„Княгиня,—сказалъ Жоржъ,—извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!... Повѣрьте, однако, что я съ этимъ намѣреніемъ спѣшилъ имѣть честь васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемѣна такъ меня поразила, что признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...“

„Я постарѣла, не правда ли?“—отвѣчала Вѣра, наклонивъ головку къ правому плечу.

„О, вы шутите! Развѣ въ счастьи старѣютъ... напротивъ, вы пополнѣли, вы...“

„О, конечно, я очень счастлива“,—прервала его княгиня.

„Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ, вы такъ благоразумны, что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностію, умомъ и талантами вашего супруга...“ (Баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.) Княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

„Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также перемѣнились къ лучшему“.

„Какъ быть! время всесильно... даже наши одежды, подобно намъ самимъ, подвержены чуднымъ измѣненіямъ: вы теперь носите блондовый чепчикъ, я, вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука, ношу мундиръ съ эполетами,.. Вѣроятно, отъ этого я имѣю счастіе вамъ нравиться больше, чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!“

Княгиня хотѣла отомстить за эпиграмму.

„Прекрасно! — воскликнула она. — Вы отгадали... и точно... намъ, бѣднымъ москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!“

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣсился.

„У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, — сказалъ онъ, — что я долженъ признаться побѣжденнымъ. Я увѣренъ, что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всей своей тяжестью“.

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая, что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастію, князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты:

„Вотъ это до тебя касается, — сказалъ онъ женѣ, — новый магазинъ на-дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, — петербургскій гостинецъ, который я вчера купилъ женѣ; всѣ говорятъ, что серьги самыя модныя, а жена говоритъ, что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?“

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ сафьяную коробочку. Часто повторяемое княземъ слово „жена“ какъ то грубо и непріятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка недалекаго, а теперь убѣдился, что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

„А какъ вы думаете, — спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукою вытаскивая накрахмаленный воротничокъ, — сколько я за нихъ заплатилъ? отгадайте“.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 80 рублей, а были заплачены 75. Печоринъ нарочно сказалъ 150. Это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ размѣномъ городскихъ новостей, московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ очень откровенно, что если бы не тяжебное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и англійскаго клуба, прибавляя, что здѣшній англійскій клубъ ничто передъ московскимъ. Наконецъ, Печоринъ всталъ, раскланялся, и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила со своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вареньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить, что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему той, ничего не выражающей улыбкою, которая разливается на устахъ танцовщицы, оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, онъ обернулся; княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему вслѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

„Странно,—подумалъ Печоринъ, садясь въ сани, было время, когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли такъ же безошибочно, какъ собственную рукопись; а теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю“.

Глава V.

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и, наконецъ, увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если бы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ? Итакъ, всѣ его путешествія ограничились поѣздками съ толпою такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ, чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывши глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство, которое помѣшало ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослыя барышни, и переспѣлыя дѣвы, жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большіе. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р——вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ

Симоновъ монастырь ко всенощной молиться, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ караваномъ. Солнце склонялось къ Воробьевымъ горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкою. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными признаками холодности и черезчуръ приторной сердечной невинности. Кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался, очертя голову, вослѣдъ отцвѣтающимъ кокеткамъ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній, и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи? Наружность ихъ—блескъ очаровательный, внутри смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился со своей сосѣдкою. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ, стыдилась этого, какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны, какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія постоянно развивать свои мысли.

Наконецъ, пріѣхали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую, откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія, и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя [1]). Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было бы уйти, не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ, когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но зато, послѣ этихъ минутъ, разгоряченное воображеніе и чувства, взволнованныя звуками, давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли, и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ, чтобъ поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обоихъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была очень богатая тетушка, которая въ той же степени была родня и Р—вымъ.

[1]) Намекъ на романъ Лажечникова „Послѣдній Новикъ“.

Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ подмосковную недѣли на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ, всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ то всегда находили средство быть вдвоемъ,—средство, впрочемъ, очень легкое, если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда не явился. Разумѣется, онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился, и увѣрилъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли, и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ рокового дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой то невидимый демонъ сблизилъ ихъ уста и руки въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но честь невинной дѣвушки была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись по-прежнему, очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла, и глаза блистали.

Обманъ Жоржа открылся, какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Дмитріевны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все, какъ стоикъ. Но гроза невидимая сбиралась надъ нимъ: въ комитетѣ дядюшекъ и тетушекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другого спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ то время открылась Польская кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2-го класса не должны были идти въ походъ. Онъ почти на колѣнахъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н..... гусарскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Москвы. Послѣ многаго плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось еще ему сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душою, что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однако жъ она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря, чтобъ какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Чрезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р вымъ, чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ чрезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: „Я никогда не буду принадлежать другому". Бѣдная, она дрожала всѣмъ

тѣломъ. Эти ощущенія были для нея такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Дмитріевнѣ просить склянку съ какими то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли, что любовь моихъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но зато впослѣдствіи!.. о! впослѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ, дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ; любезничалъ со многими паннами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ (что почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ). Впрочемъ, Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія, сначала легкія, постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества.

Послѣ взятія Варшавы онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрою переѣхали жить въ Петербургъ. Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла,—ничего больше, какъ поклонъ. Печорина это огорчило: онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ, по которымъ онъ сталъ волочиться за Лизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ, вѣроятно, дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ, что она вышла замужъ; черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская и князь Степанъ Степановичъ.

Тутъ, кажется, мы остановились въ предыдущей главѣ.

Глава VI.

Дня черезъ три послѣ того, какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Дмитріевна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ супругою былъ, разумѣется, въ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться, чтобъ выйти въ гостиную, когда взошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

„А, Браницкій, —воскликнулъ Печоринъ,—я очень радъ, что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непремѣнно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе, останься обѣдать!“

„Ты такъ убѣдительно просишь, — отвѣчалъ Браницкій, — какъ будто предчувствуешь отказъ“.

„Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться“, —сказалъ Печоринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пустъ, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, скажите, о чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей скоро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ пускаться, о службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вокругъ небольшого столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ. Браницкій искусно оживилъ непринужденною болтовней ихъ небольшой кружокъ; Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ, что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру нескромными вопросами. Варенькѣ казалось очень пріятно, что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выѣзжаетъ.

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговской и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варенька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшенная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противоположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все, что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ—одни полунагія, другія живописно завернутыя въ греческія мантіи или одѣтыя въ испанскіе костюмы, въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенныя на этотъ холстъ рукою художника въ самыя блестящія минуты ихъ миѳологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотнею свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ: одни не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетво-

рить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличія или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола, уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, такъ же, какъ въ ихъ понятіяхъ, были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самой послѣдней выдумкой парижской модистки, греческія прически, увитыя гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы, вздернутые къ верху à la chinoise или букли à la Sevigné, пышныя платья, на-подобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мужчинъ прически à la jeune France, à la russe, à la moyen âge, à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньолки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: „Какая смѣсь одеждъ и лицъ!“ Понятія же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую руку былъ какой то рыжій господинъ, увѣшенный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токѣ съ перьями, и съ гордымъ видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ, что Печоринъ, какъ хозяинъ, избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка, разряженная, какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными пуклями; по другую—дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la russe и говорившій по-русски хуже всякаго француза. Послѣ второго блюда разговоръ началъ оживляться.

„Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ, говорилъ дипломатъ княгинѣ, — то, вѣроятно, не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ, какъ все великое, современемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе, и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть лучшаго русской молодежи, какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды“.

Такъ высокопарно и мудрено говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патріотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно:

„Можетъ быть, современемъ я полюблю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ, къ сожалѣнію, о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаніемъ объ ней связана память

объ такомъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ, что, въѣхавши въ петербургскую заставу, люди мѣняются совершенно...“

Эти слова она сказала, улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

„Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ,—воскликнулъ онъ, —а все это старая сплетница Москва, которая изъ зависти клевещетъ на молодую свою соперницу!“

При словѣ „старая сплетница“ разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

„Чтобъ рѣшить нашъ споръ, — продолжалъ дипломатъ, — выберемте посредника, княгиня, вотъ хоть Григорія Александровича: онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?“

„Выбрали судью довольно строгаго“,—отвѣчала она.

„Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды, —возразилъ дипломатъ съ самодовольной улыбкой.—Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшать“.

„Мнѣ очень жаль, — сказалъ Печоринъ, — что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изъ всего вашего спора я слышалъ только то, что сказала княгиня“.

Лицо дипломата вытянулось.

„Однако жъ,—сказалъ онъ,—Москвѣ или Петербургу отдадите вы преимущества?“

„Москва моя родина“,—отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

„Однако жъ, которая?“ —Дипломатъ настаивалъ съ упорствомъ.

„Я думаю, — прервалъ его Печоринъ, — что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастіе и веселость. А мѣняются люди за петербургской заставой и за московскимъ шлагбаумомъ потому, что, еслибъ люди не мѣнялись, было бы очень скучно“.

„Послѣ такого рѣшенія, княгиня,—сказалъ дипломатъ,—я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта, какъ Талейранъ или Меттернихъ“.

„Григорій Александровичъ,—возразила княгиня,—не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку“.

„Это правда, — отвѣчалъ Печоринъ,—я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей, и кто не раскаивался! Теперь, по чести, я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушной любовью для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь граф-

скаго герба на дверцахъ кареты! Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?"

Этотъ неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусочекъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ, она открыла уста и важно молвила:

„Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?"

„Если вы позволите",—отвѣчалъ Печоринъ.

„Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?"

„Я бъ желалъ вамъ передать ее совсѣмъ!"

„Ахъ, избавьте!"

Въ эту минуту ей подали какое то жирное блюдо; она положила себѣ на тарелку и продолжала:

„Вотъ, адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или объ княжескомъ титулѣ".

„Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе,—сказалъ Печоринъ, —и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ".

„Вы не первые, и вамъ это не удастся,—сказала она съ презрительной улыбкой.—Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви".

„Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины!"

Добродѣтель обидѣлась.

„То есть, я слишкомъ стара",— воскликнула она, покраснѣвъ.

„Напротивъ, я хотѣлъ сказать, что вы еще такъ молоды".

„Слава Богу, я ужъ не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно".

„Что дѣлать! Я вижу, что увеличилъ единицею несмѣтное число несчастныхъ, которые вамъ напрасно стараются понравиться..."

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

„Кто эта дама?" —шопотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

„Баронесса Штраль," —отвѣчалъ Печоринъ.

„А-а!"—сдѣлалъ рыжій господинъ.

„Вы, конечно, объ ней много слыхали?"

„Нѣтъ-съ, ничего формально".

„Она уморила двухъ мужей, — продолжалъ Печоринъ, — теперь за третьимъ, который, къ счастію его, нѣмецъ и поэтому, вѣрно, ее переживетъ".

„Ого!" сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ, унизанный трюфелями.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

„Если вы любите искусства,—сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ,—то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова *Послѣдній день Помпеи* ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италія, французы ее разбранили. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика: на сторону истиннаго вкуса или на сторону моды“.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово „картина“ только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того, что краски ея полиняли, и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мужчина, сидя на бархатныхъ креслахъ, обнималъ одною рукою молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины и проливалъ вино ей на платье. Она, какъ бы нехотя повинуясь его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку креселъ и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и, наконецъ, попросила дипломата объяснить ей ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ, что это должна быть копія съ Рембранта или Мурильо.

„Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—хозяинъ ея долженъ лучше знать, что она изображаетъ“.

„Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ“,—сказала Вѣра Дмитріевна и опять устремила глаза на картину.

„Сюжетъ ея очень простъ,—сказалъ Печоринъ, не дожидаясь, чтобы его просили.—Здѣсь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника, для того, чтобы удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту она, кажется, что то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все, что ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ хладнокровною свидѣтельницею убійства“.

„Ахъ, это ужасно!“—воскликнула княгиня.

„Можетъ быть, я ошибаюсь, давъ такой смыслъ этому изображенію,—продолжалъ Печоринъ,—мое истолкованіе совершенно произвольное“.

„Неужели вы думаете, что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?“

„Княгиня,—отвѣчалъ Печоринъ сухо,—я прежде имѣлъ глупость думать, что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей

жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ".

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что то чертить вилкою на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ, слыша такіе ужасы, и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфеля разомъ.

Остальное время обѣда дипломатъ и Печоринъ молчали; княгиня завела разговоръ со старушкою, добродѣтель горячо объ чемъ то спорила со своей сосѣдкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За десертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ, поднявъ бокалъ, обратился къ княгинѣ:

„Такъ какъ я не имѣлъ счастія быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь".

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ, столь измѣнчивомъ, рука, державшая стаканъ съ водою, дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ груди его: за что онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принесть это мелочное мщеніе?.. Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изъ-за стола и пошли въ пріемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мужчины, не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степанычъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня, подъ предлогомъ, что у нея развились локоны, удалилась въ комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Неизъяснимыя чувства стѣснили ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло въ мысль, что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами, которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ скляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала, и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны, забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

Объ чемъ же она плакала? спрашиваете вы; и я васъ спрошу: объ чемъ женщины не плачутъ? слезы ихъ оружіе нападательное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не могла дать отчета, какое изъ этихъ чувствъ было главною причиною ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но странно, она его за это не возненавидѣла. Можетъ быть, если бы въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему колкой насмѣшкой и равнодушіемъ; но, каза-

Вѣра Дмитріевна въ комнатѣ у Вѣрочки.
(„Княгиня Лиговская“).
Рисун. худ. Н. Зарѣцкаго.

лось, въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце, — самая слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахиллеса, — и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызывалъ на бой ея ненависть, чтобы увѣриться, такъ же ли она будетъ недолговременна, какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное; онъ это зналъ, и зналъ также, что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную, какъ вдругъ дверь легонько скрипнула, и взошла Варенька.

„Я тебя искала, chère amie, — воскликнула она, — ты, кажется, нездорова?..“

Вѣра Дмитріевна томно улыбнулась ей и сказала:

„У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко...“

„Я за столомъ часто на тебя взглядывала, — продолжала Варенька, — ты все время молчала. Мнѣ досадно было, что я не сѣла возлѣ тебя, тогда, можетъ быть, тебѣ не было бы такъ скучно“.

„Мнѣ вовсе не было скучно, — отвѣчала княгиня, горько улыбнувшись, — Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ“.

„Послушай, мой ангелъ, я не хочу, чтобы ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ — это такъ важно: точно вы будто вчерась только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, — онъ такой добрый“.

„О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила: онъ мнѣ нынѣ наговорилъ такихъ вещей, которыя бъ другая ему никогда не простила“.

Вѣра Дмитріевна почувствовала, что проговорилась, но успокоилась тѣмъ, что Варенька, вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитріевна, къ несчастью ея, была изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно осторожнѣе и скромнѣе другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны передъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку, и обѣ возвратились въ гостиную, а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей, и гдѣ князь Степанъ Степанычъ съ сигаркою въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги и, какъ пріѣзжій изъ другого города, не могъ разсказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщинѣ, онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему — ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ жен-

щинъ, которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрываться, убилъ свое здоровье на службѣ, потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ, однако, слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги; женился же онъ потому, что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина, куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артилерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ послѣдній былъ одно изъ характеристическихъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его, какъ на вѣшалкѣ. Жесткій, атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверзтіе, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его, впалыя и смугловатыя, мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины по всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода á la St.-Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь, получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошуру, которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучею дѣлъ и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобы докончить портретъ, скажу, что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

„Что вы никогда ко мнѣ не заѣдете?“ — сказалъ ему Браницкій.

„Повѣрите ли, я такъ занятъ,—отвѣчалъ Горшенко,—вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру, потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тьма, не знаешь, какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N., всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ, пожертвую этой зимой, а лѣтомъ опять запрусь въ кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ“.

Браницкій улыбнулся и, насвистывая арію изъ *Фенеллы*, удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своими дѣлами, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человѣкомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое

состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинъ лѣсу. Наконецъ, князь спросилъ у Горшенко, не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбираются дѣла.

„Да, да, — отвѣчалъ Горшенко, — знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать; адресуйтесь къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался“.

Такой отвѣтъ поставилъ втупикъ князя Степана Степановича. Ему показалось, что предъ нимъ въ лицѣ Горшенко стоитъ весь комитетъ министровъ.

„Да, — сказалъ онъ, — нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны“.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя, въ какомъ департаментѣ его дѣло, обѣщался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степанычъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и просилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

Глава VII.

На другой день поутру Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда то ушелъ. Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ, здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.— „Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ“, — былъ отвѣтъ, — „А гдѣ входъ?“ — „Со двора-съ“. — Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! Этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ, который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отыскиваніи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобно числу 666 въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и угловатый дворъ по глубокому снѣгу или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ; тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе; собаки ворчатъ при вашемъ появленіи; блѣдныя лица, хранящія на себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую, какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ, вы летите двѣ ступеньки внизъ и попадаете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться наверхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четырехугольной площадкѣ,

вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы! — ни на одной нѣтъ нумера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальной свѣчой, а изъ-за нея раздается брань или плачъ дѣтей.

„Кого вамъ угодно?“ — „Сорокъ девятый нумеръ“. — „Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ“. — „Кто жъ здѣсь живетъ?“ Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: „Какое вамъ дѣло, ступайте выше“. Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ; чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что человѣкъ, приближаясь къ небу, уподобляется растенію, которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часу, вы, наконецъ, находите желанный сорокъ девятый нумеръ или другой столь же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу, и т. д. Печоринъ претерпѣлъ всѣ эти мученія и, наконецъ, вскарабкавшись на четвертый этажъ, постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: „здѣсь“. Онъ взошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ и хотѣлъ идти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что господинъ Красинскій не воротился еще изъ департамента. „Я подожду“, — отвѣчалъ онъ, и взошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были, повидимому, явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четыреугольную комнату, украшенную единственымъ столомъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, — низенькая и опрятная старушка встала со своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

„Я ищу господина Красинскаго; можетъ быть, я ошибся“.

„Это мой сынъ, — отвѣчала старушка, — онъ скоро будетъ“.

„Если вы позволите подождать ..“ — продолжалъ Печоринъ.

„Сдѣлайте одолженіе“, — прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окинувъ взоромъ комнату и все въ ней находящееся, ему стало какъ то неловко: если бы судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, онъ бы скорѣй нашелся, нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ; хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но раннія печали сгорбили ея станъ, изсушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ, казалось, сосредоточивались всѣ ея жизненныя силы, и въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозму-

тимое спокойствіе. Печоринъ не зналъ, какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: *Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ. Сочиненіе М. П. Москва. Въ тип. И. Глазунова. Цѣна 25 копѣекъ.* Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка, какъ пустой лотерейный билетъ, была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить себѣ въ лучшемъ видѣ печальную существенность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

„Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ".

„Я думаю, — возразилъ Печоринъ, — что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, еслибъ счастіе было наука,— дѣло другое!"

„Разумѣется, —возразила старуха, — утопающій за щепку хватается: мы не всегда были въ такомъ положеніи, какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однако же, я надѣюсь, скоро все поправится. Мой сынъ, —продолжала она съ нѣкоторою гордостію,—имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье."

Послѣ минутнаго молчанья она спросила:

„Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу? Можетъ быть, вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ не угодно ли сказать мнѣ, я ему передамъ".

„Мнѣ препоручилъ,—отвѣчалъ Печоринъ, —князь Лиговской попросить вашего сына, чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе, заѣхалъ къ нему. У князя есть тяжба, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ; я тамъ буду".

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ, Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, сказалъ почти шопотомъ:

„Милостивый государь, вспомните, что я не зналъ, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастія встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ причину моего посѣщенія".

Они разошлись, не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этой встрѣчей,

сѣлъ противъ своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался. Когда мать передала ему препорученія Печорина, стараясь объяснить, какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объяснился самъ, тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста, свѣтлая мысль озарила лицо его, и онъ воскликнулъ, ударивъ рукою по столу: „Да, я пойду къ этому князю!“ — Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому, привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ, онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобы только начать разговоръ. Она его угадала.

„Ну, что, Станиславъ, — сказала она, — скоро ль тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало“.

„Не знаю“,—отвѣчалъ онъ отрывисто.

„Ты, вѣрно, не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, — продолжала она, — ну, что̀ за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ... придетъ и твое время; а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ“.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

„Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ“.

Она подняла къ небу глаза, полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ параграфа, гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастія:

„Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?“

„Не знаю, а что?“

„Мой смертельный врагъ“,—отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло, сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

„Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?“

„Вѣроятно, онъ мнѣ не желаетъ зла, но зато я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть? О, повѣрьте, мы еще не разъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно, какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю, какое то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы“.

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разсказывать, какъ будто боялся, что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одной постоянной мы-

слію, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ быть, въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобъ выучиться подвязывать галстукъ и запомнить, сколько пуговицъ у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге, который безсовѣстно взбилъ его мягкіе и волнистые кудри въ жесткій и неуклюжій хохолъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

Глава VIII.

У князя Лиговскова были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій взошелъ въ лакейскую.

„Князь принимаетъ?"—спросилъ онъ, нерѣшительно взглядывая то на того, то на другого лакея.

„Мы не здѣшніе",—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

„Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?"

„Онъ, вѣрно, сейчасъ самъ выйдетъ,—былъ отвѣтъ, а намъ нельзя!"

Наконецъ, явился швейцаръ.

„Князь Лиговской дома?"

„Пожалуйте-съ".

„Доложи, что пришелъ Красинскій,—онъ меня знаетъ".

Швейцаръ отправился въ гостиную и, подойдя къ Степанъ Степанычу, сказалъ ему тихо:

„Господинъ Красинскій пріѣхалъ-съ; онъ говоритъ, что вы изволите его знать".

„Какой Красинскій?.. Что ты врешь?"—воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись, въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

„Это тотъ самый чиновникъ,—сказалъ онъ,—у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ".

„А! очень обязанъ",—отвѣчалъ Степанъ Степанычъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой то камергеръ и молодой человѣкъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канапе возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свои кресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разсказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденій во время Польской кампаніи. Когда Степанъ

Степанычъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто, чтобъ находиться ближе къ княгинѣ.

„Итакъ, вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню...“ —сказала молодая дама (которую Вѣра называла кузиною), продолжая прерванный разговоръ.

„И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая,—сказалъ Печоринъ.—Мнѣ велѣно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты, и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собою деревню, съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціею.—„А есть ли у вашего пана жена или дочери?“ —спросилъ я.— „Есть, пане капитане“.—„А какъ ихъ зовутъ, графиню, жену вашего Острожскаго?“— „Графиня Рожа“. —Должно быть, красавица, подумалъ я наморщась.— „Ну, а дочки ея такія же рожи, какъ ихъ маменька?“—„Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалія и меньшая Евелина!“—„Это еще ничего не доказываетъ“, подумалъ я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ разспросы:— „А что, сама графиня Рожа старуха?“ „Ни, пане, ей всего тридцать три года“.— „Какое несчастіе!“— Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть, и въ сопровожденіи унтеръ-офицера взошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и, между прочимъ, предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей.—„Помилуйте,—отвѣчалъ я,—что за церемонія...“—Я, признаться, боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и, повидимому, сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отнѣкивался, какъ вдругъ дверь отворилась, и взошла женщина высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ польку, и красавицу польку, въ ту минуту, какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія, или Роза, по простонародному Рожа“.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

„Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу!“—воскликнула, наконецъ, молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиною.

„Это бы случилось,—отвѣчалъ Печоринъ,—еслибъ я уже не любилъ другую“.

„Ого! постоянство,—сказала молодая дама.—Знаете, что этою добродѣтелью не хвастаются?“

„Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь“.

„Вы, однако же, вылѣчились?“

„По крайней мѣрѣ, лѣчусь“,—отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что то похожее на удивленіе и радость Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался неоконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ, подали чай, и взошелъ князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Еслибъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р., если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ или шумный раутъ потолкаться между разнаго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и никакимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

„Мы очень благодарны,—сказала она, наконецъ,—господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться“.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга, и послѣдній отвѣчалъ скоро:

„Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу“.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующею фразою: „ого! нашъ чиновникъ пускается въ комплименты“. Понялъ ли Красинскій эту улыбку, или же самъ испугался своей смѣлости, потому что, вѣроятно, это былъ его первый комплиментъ, сказанный женщинѣ, такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ,—не знаю: но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувѣреннымъ голосомъ:

„Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя позволили вы мнѣ провесть въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться: я исполню все, что будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно правое“.

„Скажите,--спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ, которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ, что сказать незнакомому человѣку,—скажите, вы, я думаю, ужасно замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги, это нестерпимо. Повѣрите ли, что мой мужъ каждый день въ продолженіе года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю“.

„Какой любезный и занимательный супругъ“, — подумалъ Печоринъ.

„Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? — сказалъ Красинскій. — Вашъ удѣлъ — забавы, роскошь, а нашъ — трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: еслибъ не мы, кто бы сталъ трудиться?“

Наконецъ, и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, то кузина княгини замѣтила, что онъ вовсе не такъ неловокъ, какъ бы можно ожидать отъ чиновника, и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: „Et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..“ Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту; онъ увѣрялъ, что никогда не видывалъ такихъ темноголубыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ, и увѣрялъ, что Красинскій, судя по его глубокимъ замѣчаніямъ, непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. „Я непремѣнно узнаю, — прибавилъ онъ очень серіозно, — есть ли у него университетскій аттестатъ“. Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то, выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородной красотою лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе, для него убійственное, и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки, и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться, что самая чистѣйшая любовь наполовину перемѣшана съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружной красотою и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ разсчетомъ или случайностью. То, что казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, пренебрегалъ онъ часто, какъ примѣты обманчивыя, слова, сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки, брошенныя на вѣтеръ, первому, кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружаясь несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому то закону природы, досел̆ѣ необъясненному. Можно было навѣрное сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ, какъ буря, однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка

и стараній. Но это *если*, это ужасное *если*, почти похожее на „если“ Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора...

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлался разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степанычъ разсказывалъ длинную исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкою зѣвали.

„Отчего вы сдѣлались такъ печальны?“ спросила, наконецъ, у Печорина кузина Вѣры Дмитріевны.

„Причину даже совѣстно объявить“, —отвѣчалъ Печоринъ.

„Однако жъ?“

„Зависть!“

„Кому жъ вы завидуете, напримѣръ?..“

„Не мнѣ ли?“—сказалъ князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль, что княгиня разсказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней, какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непримѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшки для супруговъ или жертвою коварнаго заговора. Я удивляюсь, какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ, что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и между тѣмъ отвѣчалъ:

„Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ, и всякій долженъ вамъ завидовать, но признаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый даръ этого Красинскаго—нравиться всѣмъ съ перваго взгляда“.

„Повѣрьте, —отвѣчала княгиня,—кто скоро нравится, объ томъ скоро и забываютъ“.

„Боже мой! что на свѣтѣ не забывается? И если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства, — глядишь: смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія,— и всѣ труды пропали!.. А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Еслибъ меня спросили, чего я хочу: минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или же печали“.

„Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того, что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести...“—сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой то полухолодный, полугрустный видъ, и что то похожее на слезу пробѣжало, блистая, вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща перекатывается по его краямъ, покуда новый порывъ вѣтра не умчитъ его, Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! но онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти! Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ быть, и ей измѣнилъ который-нибудь изъ нихъ, какъ знать!

Кто объяснитъ, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобы уѣзжать, княгиня его спросила, будетъ ли онъ послѣ завтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

„Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, - прибавила она,—я почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣрена, что мнѣ тамъ будетъ скучно“.

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

„Теперь я понимаю, — подумалъ онъ, садясь въ сани, — ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня не звали: тамъ, вѣрно, будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да, кажется, онѣ съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится...“ Тутъ сани его остановились, и мысли также. Взойдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ на столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы...

Глава IX.

Баронесса Р*** была русская, но замужемъ за курляндскимъ барономъ, который какимъ то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11-го часа вечера кареты одна за одною стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе, остановленные любопытствомъ и опасностію быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ, онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей, небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. „Чѣмъ я хуже ихъ?—думалъ онъ. -Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ, которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и однѣ деньги. На что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непремѣнно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость“.

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ, что для этого общества, кромѣ кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), имя, столько уже знакомое

лакейскимъ, чтобъ швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ, когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостиныхъ, спросила бы: „Который это? не родня ли онъ князю В. или графу К.?“ Итакъ, Красинскій стоялъ у подъѣзда, закутанный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брилліанты ярко сверкали между ея локонами. За нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ медвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговской съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ; но увы! его не замѣтили или не узнали, что еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ, видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу, слѣдующему на балъ за хорошенькою женою, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ, мерзнущихъ у подъѣзда. Но Красинскій приписалъ гордости и умышленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная непріязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. „Хорошо, — подумалъ онъ, удаляясь, — будетъ и на нашей улицѣ праздникъ“, жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка, и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все, что есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника съ ихъ заморскою свитою, составленною изъ людей, говорящихъ очень хорошо по-французски (что, впрочемъ, вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествующій изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. Зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая къ классу blue-stockinds и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности, чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморощенныхъ дипломатовъ, путешествовавшихъ на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждавшихъ рѣзко, что Россія — государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому, такъ безпечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены, что эти люди, затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ, неспособны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ, причесанныхъ á la russe, скромныхъ, подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ большею частію дамъ и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или на мазурку, встрѣ-

тить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце, какъ у больного при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящія кадрили и ѣли мороженое, ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ, ни языка, танцовали безъ устали, садились на край стула, обратившись лицомъ къ своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ выраженіемъ лица, скользили небрежно по паркету, какъ бы изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамою своего vis-a-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но зато дамы... о, дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ... Сколько блестящихъ глазъ и бриллiантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ — чудеса природы, и чудеса модной лавки!.. Волшебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлила; звучныя фразы, заимствованныя изъ моднаго романа, бриллiанты, взятые на прокатъ изъ лавки. . Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ со своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то, что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины, протанцовавъ съ нею мазурку, все равно, что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста, прочитавъ одну его статью.

У двери, ведущей изъ залы въ гостиную, сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми, не танцующими. Одна изъ нихъ была Елизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ея блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни, и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣчала на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама дурно одѣтая обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе, — это, впрочемъ, вовсе не значитъ, что онѣ должны дурно одѣваться.) Печоринъ сталъ возлѣ Елизаветы Николаевны, ожидая, чтобъ она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и, наконецъ, она принуждена была сорвать со своихъ устъ печать молчанія.

„Отчего вы не танцуете?“ —спросила она его.

„Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру“.

„Развѣ съ нынѣшняго дня?“

„Что жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Не правда ли?“

„Иногда бываетъ слишкомъ поздно“.

„Боже мой, какое трагическое выраженіе!“

Елизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

„Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю!“

„А нельзя ль узнать, кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?“

„О, это тайна“, –сказала она, взглянувъ на него пристально и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворной нѣжностью шепнулъ ей на ухо:

„Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили; ужели другая важнѣе первой?“

Она покраснѣла, при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминаній, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить современемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли, и отъ такихъ удовольствій, когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серіозный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкою:

„Вы мнѣ напоминаете вещи, объ которыхъ я хочу забыть“.

„Но еще не забыли?“—сказалъ онъ съ нѣжностію.

„О, не продолжайте, я ничему не повѣрю болѣе: вы мнѣ дали такой урокъ...“

„Я?!“

Въ этомъ *я* было больше удивленія, чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ, поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

„Да, сказалъ онъ,—теперь я начинаю понимать: кто-нибудь меня оклеветалъ передъ вами,—у меня столько враговъ и особенно друзей; теперь понимаю, отчего намедни, когда я заѣзжалъ къ вамъ, - это было поутру, и я знаю, что у васъ были гости, -но меня не приняли. О, конечно, я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія“.

„Но вы не знаете, что этому причиною, сказала поспѣшно Елизавета Николаевна,—я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ...“

„Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону,—отвѣчалъ, горько улыбаясь, Печоринъ. О, я догадываюсь, кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однако жъ, прошу васъ, вѣрьте, вѣрьте всему, что тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты“.

Онъ засмѣялся, и хотѣлъ отойти прочь.

„Но если я не вѣрю?“ — воскликнула, испугавшись, Елизавета Николаевна.

„Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему. . одинъ противъ двадцати, что“...

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Елизаветы Николаевны обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская, а за нею князь Степанъ Степанычъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію, что на ней было слишкомъ много брилліантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшуюся передъ нею. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ, озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу, вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выраженію лица, что настала минута, для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора, всходящаго въ первый разъ по ступенямъ каѳедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ... Некстати пришитый бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ, если съ перваго взгляда скажутъ: „Elle a l'air bourgeois...“ Это выраженіе, такъ некстати вкравшееся въ наше чисто дворянское общество, имѣетъ, однако же, ужасную власть надъ умами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности:

„Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера...“

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетной улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что то сказать, но она отвернулась. Глаза ея безпокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями... Потомъ кто то еще высунулся изъ толпы мужчинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать Вѣру, когда она изъ Москвы, и проч. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣе, такъ что можно почти держать пари, что еслибъ она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце... Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобъ возобновить прерванный разговоръ; но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

„Появленіе этой дамы,—сказала она, наконецъ, ему,—сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!.. Вы давно ее знаете?“

„Съ дѣтства“,—отвѣчалъ Печоринъ.

„Я также ее когда то знала... За кѣмъ она замужемъ?“

Печоринъ сказалъ.

„Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ?.. Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то при-

няла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ".

„По крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать!.."

„Однако, она счастлива..."

„Развѣ вы не замѣтили, сколько на ней брилліантовъ..."

„Богатство не есть счастіе!.."

„Все-таки оно ближе къ нему, нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольну своей судьбою въ скромной хижинѣ... за чашкою гречневой каши".

„Кто жъ вамъ говоритъ о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину..."

„Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ".

Онъ отошелъ. Кадрили кончались, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканье сапоговъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія; немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая, что они лишніе, и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговоръ...

Герой нашего времени.

1839~1841.

Печоринъ. Рис. худ. М. А. Врубеля.

ПРЕДИСЛОВІЕ [1].

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь: оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

---

[1]) Ко второму изданію (при второй части романа).

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ Герой нашего времени; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?...

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ... Извините. Довольно людей кормили сластями; у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить —это ужъ Богъ знаетъ!

БЭЛА

I.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Бòльшая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна; а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко-высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чамоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

„Мы съ вами попутчики, кажется?"

Онъ молча опять поклонился.

„Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?"

„Такъ-съ точно... съ казенными вещами."

„Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?"

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

„Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?"

„Съ годъ,"—отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

„А что жъ?"

„Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ! Быки то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!"

„А вы давно здѣсь служите?"

„Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ [1]),—отвѣчалъ онъ пріосанившись.—Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ,—прибавилъ онъ,—и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ."

„А теперь вы?..."

„Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?..."

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить бы-

1) Ермоловъ.

ковъ лошадьми и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину: но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку, но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.

„Вѣдь этакій народъ! —сказалъ онъ, — и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!“ Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...“

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и, странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

„Завтра будетъ славная погода!“—сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

„Что жъ это?“— спросилъ я.

„Гудъ-Гора.“

„Ну, такъ что жъ?“

„Посмотрите, какъ курится.“

И въ самомъ дѣлѣ, Гудъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

„Намъ придется здѣсь ночевать,—сказалъ онъ съ досадою,—въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой?“—спросилъ онъ извозчика.

„Не было, господинъ,—отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ, — а виситъ много, много.“

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія,

мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверзтіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посерединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ; и дымъ, выталкиваемый обратно изъ отверзтія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

„Жалкіе люди!“—сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ то остолбенѣніи.

„Преглупый народъ!—отвѣчалъ онъ.—Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!“

„А вы долго были въ Чечнѣ?“

„Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою у Каменнаго Брода,—знаете?“

„Слыхалъ.“

„Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...“

„А, чай, много съ вами бывало приключеній?“—сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

„Какъ не бывать! бывало...“

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову, призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку,—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ, чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ будто про себя: „да, бывало!“ Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается; другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ съ ротой, или цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: *здравствуйте* (потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю)*. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ. Грузинка.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

„Не хотите ли подбавить рому?—сказалъ я моему собесѣднику,—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно."

„Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью."

„Что такъ?"

„Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ; да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ!"

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

„Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ, — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирно́ва князя былъ въ гостяхъ."

„Какъ же это случилось?"

„Вотъ—(онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать),— вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой,—этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. „Вы, вѣрно,— спросилъ я его,— переведены сюда изъ Россіи?“ — „Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ,“—отвѣчалъ онъ.—Я взялъ его за руку и сказалъ: „Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня Максимъ Максимычъ, и пожалуйста, къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.“ Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.“

„А какъ его звали?“—спросилъ я Максима Максимыча.

„Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..„

„А долго онъ съ вами жилъ?“—спросилъ я опять.

„Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!.. Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!“

„Необыкновенныя?“ — воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

„А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ мирной князь. Сынишка его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно, избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ не хорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада, и что жъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. „Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы,—говорилъ я ему,— яманъ будетъ твоя башка!“

„И вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать въ родѣ комплимента.“ („Бэла.“)

Рис. худ. В. А. Сѣрова.

Разъ пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки,—такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть

въ лицо, были далеко не красавицы. „Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ,“ — сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ.— „Погодите!“ — отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіатовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я однако жъ не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей,—знаете, для непредвидимаго случая.“

„Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу?“ — спросилъ я штабсъ-капитана.

„Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу; потомъ начинается джигитовка, и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной, хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по-ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ, и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать... въ родѣ комплимента...“

„А что жъ она пропѣла, не помните ли?“

„Да, кажется, вотъ такъ: Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними, только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду. Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю по-ихнему и перевелъ его отвѣтъ.

Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорью Александровичу: „Ну что, какова?“ — „Прелесть! — отвѣчалъ онъ,—а какъ ее зовутъ?“ — „Ее зовутъ Бэлою,“ — отвѣчалъ я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжкой: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ не мирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ ихъ де-

Эльборусъ.

шево, только никогда не торговался: что запроситъ, давай,—хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ то, ловокъ то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Не даромъ ему завидовали всѣ наѣздники и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная, какъ смоль, ноги—струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака, бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. Не даромъ на немъ эта кольчуга,—подумалъ я,—ужъ онъ, вѣрно, что-нибудь замышляетъ.

Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: якши тхе, чекъ якши!

Пробираюсь вдоль забора и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. О чемъ они тутъ толкуютъ?—подумалъ я,—ужъ не о моей ли лошадкѣ? Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

„Славная у тебя лошадь! — говорилъ Азаматъ; — еслибъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!“

„А! Казбичъ!“—подумалъ я и вспомнилъ кольчугу.

„Да,—отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія,—въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ,—это было за Терекомъ,—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ, и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица, нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться,—и Пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался— и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ, я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они, вѣрно, думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу, смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагезъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ и вижу: мой Карагезъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный, какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагеза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.“

И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названія.

„Сильная рука оттолкнула его прочь, и онъ ударился о плетень такъ, что плетень зашатался". („Бэла".)
Рис. худ. М. А. Врубеля.

„Еслибъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ,—сказалъ Азаматъ,—то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагеза."

„Йокъ, не хочу,"—отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

„Послушай, Казбичъ,—говорилъ, ласкаясь къ нему, Азаматъ,—ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и ясдѣлаю все, что ты хочешь: украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь,—а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется, а кольчуга, такая, какъ твоя, нипочемъ."

Казбичъ молчалъ.

„Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня,—продолжалъ Азаматъ,—когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!"—сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что то въ родѣ смѣха.

„Послушай,—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ,—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью тамъ, въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ,—и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?“

Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса [1]):

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля,
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться,—и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ, Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

„Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.“

„Меня!“—крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и онъ ударился о плетень такъ, что плетень зашатался. Будетъ потѣха! подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой.—„Плохое дѣло въ чужомъ пиру похмелье,—сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку,—не лучше ли намъ поскорѣй убраться?“

„Да погодите, чѣмъ кончится?“

„Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіатовъ все такъ: натянулись бузы, и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.“

„А что Казбичъ?“—спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

„Да что этому народу дѣлается!—отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая,—вѣдь ускользнулъ!“

„И не раненъ?“—спросилъ я.

---

[1]) Я прошу прощенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется, прозой; но привычка—вторая натура.

Кавказскіе типы. Моздокскій казакъ.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

„А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.“—Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

„Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.“

„А что такое? Разскажите пожалуйста.“

„Ну, ужъ нечего дѣлать! началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорью Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая то она рѣзвая, красивая, словно серна, — ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

Засверкали глазенки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Что за диво?...

Вотъ, видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ онъ ему и скажи: — „Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, что бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?“

„Все, что онъ захочетъ,“ — отвѣчалъ Азаматъ.

„Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...“

„Клянусь... Клянись и ты!“

„Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу; Карагезъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.“

Азаматъ молчалъ.

„Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...“

Азаматъ вспыхнулъ. — „А мой отецъ?“ — сказалъ онъ.

„Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?“

„Правда...“

„Согласенъ?...“

„Согласенъ, — прошепталъ Азаматъ, блѣдный, какъ смерть. — Когда же?“

„Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное — мое дѣло. Смотри же, Азаматъ!“

Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ и говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по-ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ — разбойникъ, котораго надо было наказать. Сами посудите, что жъ я могъ отвѣчать противъ этого?... Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привести на другой день. — „Азаматъ! — сказалъ Григорій Александровичъ, — завтра Карагезъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...“

„Хорошо!"—сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости; какъ они сладили это дѣло—не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперекъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

„А лошадь?"—спросилъ я у штабсъ-капитана.

„Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я потчевалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ [1]).

Стали мы болтать о томъ, о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье.—„Что съ тобой?"—спросилъ я.

„Моя лошадь!... лошадь!"—сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: „Это, вѣрно, какой-нибудь казакъ пріѣхалъ..."

„Нѣтъ! Урусъ — яманъ, яманъ!" — заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль,—Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагезѣ; на бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его вдребезги, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости, онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ; онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, онъ такъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь... Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата".

„Что жъ отецъ?"

„Да въ томъ то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось бы Азамату увезти сестру?

А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, еслибъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ или за Кубанью; туда и дорога!...

Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только

[1]) Кунакъ значитъ пріятель.

провѣдалъ, что черкешенка у Григорія Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ, только онъ притворялся, будто не слышитъ.

„Господинъ прапорщикъ! — сказалъ я какъ можно строже, — развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?"

„Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку?" — отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

„Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ".

„Все равно. Не хотите ли чаю? Еслибъ вы знали, какая мучитъ меня забота!"

„Я все знаю", — отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

„Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать".

„Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать..."

„И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ все пополамъ".

„Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!"

„Митька, шпагу!"

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: „Послушай, Григорій Александровичъ: признайся, что нехорошо".

„Что нехорошо?"

„Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся", — сказалъ я ему.

„Да когда она мнѣ нравится?..."

Ну, что прикажете отвѣчать на это?... Я сталъ втупикъ. Однако жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

„Вовсе не надо!"

„Да онъ узнаетъ, что она здѣсь..."

„А какъ онъ узнаетъ?"

Я опять сталъ втупикъ. — „Послушайте, Максимъ Максимычъ! — сказалъ Печоринъ, приподнявшись: — вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ".

„Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу..."

„Да покажите мнѣ ее", — сказалъ я.

„Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее

Сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. („Бэла“.)

Рис. худ. В. А. Сѣрова.

къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня!“—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться“.

„А что, — спросилъ я у Максима Максимыча: — въ самомъ ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?“

„Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости были видны тѣ же горы, что изъ аула, а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что-нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!.., Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ; между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу она пріучилась на него смотрѣть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно,

когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею.—„Послушай, моя пери,—говорилъ онъ,—вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею, отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой“.— Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой. — „Или,— продолжалъ онъ,—я тебѣ совершенно ненавистенъ?“ — Она вздохнула. — „Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?“ — Она поблѣднѣла и молчала. — „Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?“—Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслью; въ глазахъ ея выразилась недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

„Послушай, милая, добрая Бэла!—продолжалъ Печоринъ:—ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить: я хочу, чтобы ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?“—Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала, она слабо защищалась и только повторяла: „пожалуста, пожалуста, не нада, не нада“.—Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала.—„Я твоя плѣнница,—говорила она,—твоя раба, конечно, ты можешь меня принудить“,—и опять слезы.

Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему, онъ сложа руки прохаживался, угрюмый, взадъ и впередъ. „Что батюшка?“—сказалъ я ему.—„Дьяволъ, а не женщина!—отвѣчалъ онъ,—только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...“—Я покачалъ головою.— „Хотите пари? — сказалъ онъ, — черезъ недѣлю!“ — „Извольте!“ — Мы ударили по рукамъ и разошлись.

На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

„Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, — сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки:—устоитъ ли азіатская красавица противъ такой батареи?“—„Вы черкашенокъ не знаете,—отвѣчалъ я:—это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки, совсѣмъ не то. У нихъ свои правила, онѣ иначе воспитаны“.—Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

А вѣдь вышло, что я былъ правъ; подарки подѣйствовали только вполовину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе—да и только; такъ что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣд-

Владикавказъ Лермонтовскихъ временъ.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

лать лошадь, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней.— „Бэла! — сказалъ онъ, —ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:— прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу,—ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай! Я ѣду... куда?— почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки: тогда вспомни обо мнѣ и прости меня".—Онъ отвернулся и подалъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль—такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ — и, сказать ли вамъ? — я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то чтобъ заплакалъ, а такъ... глупость!..."

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

„Да, признаюсь,—сказалъ отъ потомъ, теребя усы: — мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила".

„И продолжительно было ихъ счастіе?"—спросилъ я.

„Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія. Да, и они были счастливы!“

„Какъ это скучно!“—воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!..—„Да неужели,—продолжалъ я,—отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?“

„То-есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ, какъ это случилось...“

Вниманіе мое пробудилось снова.

„Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали,—это было въ сумерки,—онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади на его лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его наземь, схватилъ его поводья и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка: они бросились догонять, только не догнали“.

„Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отомстилъ“,—сказалъ я, чтобы вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

„Конечно, по-ихнему, — сказалъ штабсъ-капитанъ, — онъ былъ совершенно правъ“.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно ли порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ, чай былъ выпитъ: давно запряженные кони продрогли на снѣгу, мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ, и одна за другою гасли, по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши

А. П. Ермоловъ.

повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-Гору; мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-Горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитой въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гудъ-Гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, тоесть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ

сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто-кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

„Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?"— сказалъ я ему.

„Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то-есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца."

„Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна."

„Разумѣется, если хотите, оно и пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите,— прибавилъ онъ, указывая на востокъ,—что за край!"

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую; и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе.—„Я говорилъ вамъ,— воскликнулъ онъ,— что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!"—закричалъ онъ ямщикамъ.

Положили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормозовъ, чтобы они не раскатывались, взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ: осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ, а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка. Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ, не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые,"—и онъ былъ правъ; мы точно могли бы не доѣхать, однако жъ все-таки доѣхали; и еслибъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы?—

Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки, слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ; только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору (или, какъ называетъ ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гудъ-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами,—не тутъ то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова „черта", а не „чортъ", ибо здѣсь когда то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія *милыя* мѣста нашего отечества.

„Вотъ и Крестовая!"—сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ; наши извозчики объявили, что обваловъ еще не было, и, сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частью была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору,—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, несмотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобы достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли, мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, изгнанница,—думалъ я,—плачешь о своихъ

широкихъ раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшотку желѣзной своей клѣтки.“

„Плохо! -говорилъ штабсъ-капитанъ,—посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ: того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться.“

Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что на свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ.— „Ваше благородіе,—сказалъ, наконецъ, одинъ,—вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что то на косогорѣ чернѣется, вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку“,—прибавилъ онъ, указывая на осетина.

„Знаю, братецъ, знаю безъ тебя!—сказалъ штабсъ-капитанъ:—ужъ эти бестіи рады придраться, чтобы сорвать на водку.“

„Признайтесь, однако,—сказалъ я,—что безъ нихъ намъ было бы хуже.“

„Все такъ, все такъ, — пробормоталъ онъ,—ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.“

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобы они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею.— „Все къ лучшему!—сказалъ я, присѣвъ у огня,—теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось.“

„А почему жъ вы такъ увѣрены?“ — отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, подмигивая съ хитрой улыбкою.

„Оттого, что это не въ порядкѣ вещей; что началось необыкновеннымъ образомъ, то должно такъ же и кончиться.“

„Вѣдь вы угадали...“

„Очень радъ.“

„Хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка эта Бэла! Я къ ней, наконецъ, такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше, такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу! я и радъ былъ, что нашелъ, кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни или пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ

двадцать тому назадъ,—только куда имъ! совсѣмъ не то!... Григорій Александровичъ наряжалъ ее, какъ куколку, холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ похорошѣла, что чудо; съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!..“

„А что, когда вы ей объявили о смерти отца?“

„Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла. Мѣсяца четыре все шло, какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ,—я ужъ, кажется, говорилъ,—страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами или козами,—а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ, однако жъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться, ходитъ по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять, цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... Нехорошо, подумалъ я: вѣрно, между ними черная кошка проскочила. Одно утро захожу къ нимъ, — какъ теперь предъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ, блѣдненькая, такая печальная, что я испугался.—„А гдѣ Печоринъ?“—спросилъ я.

„На охотѣ.“

„Сегодня ушелъ?“—Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

„Нѣтъ, еще вчера,“—наконецъ, сказала она, тяжело вздохнувъ.

„Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?“

„Я вчера цѣлый день думала, думала, — отвѣчала она сквозь слезы,—придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.“

„Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!“—Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

„Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!...“

Я сталъ ее уговаривать.—„Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью, походитъ да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь“.

„Правда, правда!—отвѣчала она, —я буду весела“.—И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Наконецъ, я ей сказалъ: „Хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ? погода славная!“—Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чу-

десный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были, какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ молча; наконецъ, она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками [1]), оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и, наконецъ, остановился по ту сторону рѣчки, саженяхъ во ста отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою, какъ бѣшеный. Что за притча!—„Посмотри-ка, Бэла, сказалъ я,—у тебя глаза молодые, что это за джигитъ, кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?...“

Она взглянула и вскрикнула: „это Казбичъ!“

„Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что ли пріѣхалъ надъ нами?“— Всматриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный, какъ всегда.—„Это лошадь отца моего“,—сказала Бэла, схвативъ меня за руку. Она дрожала, какъ листъ, и глаза ея сверкали.— Ага! подумалъ я: и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

„Подойди-ка сюда,—сказалъ я часовому,—осмотри ружье, да ссади мнѣ этого молодца,—получишь рубль серебромъ“.—„Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ...“—„Прикажи!“—сказалъ я, смѣясь...—„Эй, любезный!—закричалъ часовой, махая ему рукой,—подожди маленько, что ты крутишься, какъ волчокъ?“—Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно, думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры,—какъ не такъ!... Мой гренадеръ приложился... бацъ!... мимо;—только что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачокъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что то по-своему, погрозилъ нагайкой—и былъ таковъ.

„Какъ тебѣ не стыдно!“—сказалъ я часовому.

„Ваше высокоблагородіе! умирать отправился,—отвѣчалъ онъ,— такой проклятый народъ, сразу не убьешь“.

Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился.—„Помилуйте,— говорилъ я,—вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкой Казбичъ, и мы по немъ стрѣляли; ну, долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный: вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче

[1]) Овраги. *Прим. автора.*

онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что, годъ тому назадъ, она ему больно нравилась,—онъ мнѣ самъ говорилъ,—и еслибъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то, вѣрно бы, посватался...“—Тутъ Печоринъ задумался.—„Да,—отвѣчалъ онъ,—надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ.“

Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе; мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало, спросишь: „О чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна?“—„Нѣтъ“.—„Тебѣ чего-нибудь хочется?“—„Нѣтъ“.—„Ты тоскуешь по роднымъ?“—„У меня нѣтъ родныхъ“.—Случалось, по цѣлымъ днямъ, кромѣ „да“ да „нѣтъ“, отъ нея ничего больше не добьешься.

Вотъ объ этомъ то я и сталъ ему говорить.—„Послушайте, Максимъ Максимычъ,—отвѣчалъ онъ,—у меня несчастный характеръ; воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ—не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями,—напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ,—и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть, больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное;

мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь, —только не въ Европу, избави Боже! —поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, — авось, гдѣ-нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ".—Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипятилѣтняго человѣка и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что̀ за диво! Скажите-ка, пожалуйста,—продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ,—вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?"

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ.—Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

„А все, чай, французы ввели моду скучать?"

„Нѣтъ, англичане".

„Ага, вотъ что!...—отвѣчалъ онъ,—да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!..."

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздерживаться отъ вина, онъ, конечно, старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

„Казбичъ не являлся снова. Только, не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

Вотъ разъ, уговариваетъ немя Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался; ну, что мнѣ былъ за диковинка кабанъ! Однако жъ утащилъ таки онъ меня съ собою. Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу,—нѣтъ звѣря. „Эй, не воротиться ли?—говорилъ я.—Къ чему упрямиться? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!"—Только Григорій Александровичъ, несмотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ—подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ, въ полдень отыскали проклятаго кабана — пафъ! пафъ!... не тутъ то было: ушелъ въ камыши... такой ужъ былъ несчастный день!... Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости: только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ,—смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла—и туда; я за нимъ.

Къ счастію, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла, и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И, наконецъ, я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поровнялся съ Печоринымъ и кричу ему: „это Казбичъ!"...— Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою и ударилъ коня плетью.

Вотъ, наконецъ, мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, несмотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагеза...

Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... „Не стрѣляйте!—кричу я ему,—берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ".— Ужъ эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣна. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бѣдная Бэла!—Онъ что то намъ закричалъ по-своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку... Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь, и возлѣ нея Бэла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ; хотѣлось мнѣ его снять оттуда—да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй: хоть бы въ сердце ударилъ, ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже; напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы,—ничто не могло привести ее въ себя.

Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ:—„Послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую".—„Правда!"—сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ. Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лѣкаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану

и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...“

„Выздоровѣла?“—спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

„Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—а ошибся лѣкарь тѣмъ, что она еще два дня прожила“.

„Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?“

„А вотъ какъ: несмотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался,—цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу! Она между тѣмъ успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли“.

„Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?“

„Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно таки нравилась“.

„И Бэла умерла?“

„Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина.—„Я здѣсь, возлѣ тебя, моя джанечка“ (то есть, по нашему, душенька),—отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—„Я умру!“—сказала она. Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно; она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давала ему разныя нѣжныя названія или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.

Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижно, блѣдная и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышитъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только, какъ вы думаете, о чемъ?... Этакая мысль придетъ вѣдь только умирающему!... Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорія Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертью: я ей это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ,

въ какой родилась.—Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе, губы горѣли. Она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней лежало раскаленное желѣзо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣна возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ; она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, что бы съ ней сталось, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ! А это бы случилось рано или поздно...

Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лѣкарь припарками и микстурой.—„Помилуйте!—говорилъ я ему,—вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты?“—„Все-таки лучше, Максимъ Максимычъ,—отвѣчалъ онъ,—чтобъ совѣсть была спокойна“.—Хороша совѣсть!

Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ, поставили льду около кровати—ничего не помогло. Я зналъ, что эта невыносимая жажда—признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.—„Воды, воды!..“—говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню, какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ гошпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а, кажется, я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить: что жъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!.. Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя.—Наконецъ, онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить

его, началъ говорить; онъ поднялъ голову—и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

Признаться, я частью для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея же.

На другой день, рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...“

„А что Печоринъ?“—спросилъ я.

„Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ же!—Мѣсяца три спустя, его назначили въ Е—й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ“.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже,—вѣроятно, для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; мятель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и о Печоринѣ.

„А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ?“—спросилъ я.

„Съ Казбичемъ? А право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко; да врядъ ли это тотъ самый!..“

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ: я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ, по причинѣ тяжелой поклажи, не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и если хотите, разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однако жъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія!... Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой, можетъ быть, слишкомъ длинный разсказъ.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ

Разставшись съ Максимъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостиницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ между тѣмъ некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо „оказія“ изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!.. Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей; видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!.. А вы, можетъ быть, не знаете, что такое „оказія?“ Это—прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ въѣзжаетъ во дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!.. Мы встрѣтились, какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату. Онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!..

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ; онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно по-

лилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись: я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?.. Онъ уже разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы, и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой кардинальской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался, мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостиницы, и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина, нѣчто въ родѣ русскаго Фигаро.—„Скажи, любезный,—закричалъ я ему въ окно,—что это, оказія пришла, что ли?“—Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстукъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно.—„Слава Богу!“—сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. „Экая чудная коляска!—прибавилъ онъ,—вѣрно, какой-нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно, не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую!—А кто бы это такой былъ, подойдемте-ка узнать...“—Мы вышли въ коридоръ. Въ концѣ коридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извозчикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

„Послушай, братецъ,—спросилъ у него штабсъ-капитанъ,—чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..“—Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился; онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: „Я тебѣ говорю, любезный...“

„Чья коляска?.. Моего господина...“

„А кто твой господинъ?“

„Печоринъ...“

„Что ты? что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!... да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?...“ — воскликнулъ Макимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него на глазахъ сверкала радость.

Владикавказъ Лермонтовскихъ временъ.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

„Служилъ, кажется,—да я у нихъ недавно“.

„Ну, такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ?... Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели“,—прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

„Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете“,—сказалъ тотъ, нахмурившись.

„Экой ты, братецъ!... да знаешь ли? мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?...“

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

„Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?—сказалъ Максимъ Максимычъ,—или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему зачѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...“

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

„Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!...—сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ,—пойду за ворота его дожидаться... Эхъ, жалко, что я незнакомъ съ Н...“

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя, по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. — „Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?“ — закричалъ я ему въ окно.

„Благодарствуйте; что то не хочется“.

„Эй, выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно“.

„Ничего; благодарствуйте...“

„Ну, какъ угодно!“ — Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ. — „А вѣдь вы правы; все лучше выпить чайку, — да я все ждалъ... Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да, видно, что-нибудь задержало!“

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе, онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, еслибъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ, легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

„Не клопы ли васъ кусаютъ?“ — спросилъ я.

„Да, клопы...“ — отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. — „Мнѣ надо сходить къ коменданту, — сказалъ онъ, — такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...“

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ, я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

Максимъ Максимычъ на лавочкѣ у воротъ.

Рисун. худ. В. И. Комарова.

Навстрѣчу Печорину вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать; подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, не побѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва или душевнаго безпокойства. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные—признакъ породы въ человѣкѣ, такъ, какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся.—Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?... Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый—оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ. Всѣ

эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другого видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то поневолѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивось, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему.—„Если вы захотите еще немного подождать,—сказалъ я,—то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...“

„Ахъ, точно!—быстро отвѣчалъ онъ,—мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?“—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго, что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣна его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

„Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете?“—сказалъ Печоринъ.

„А... ты?... а вы?...—пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ...—сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...“

„Ѣду въ Персію—и дальше...“

„Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Сколько времени не видались...“

„Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ“,—былъ отвѣтъ.

„Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?... что подѣлывали?...“

„Скучалъ!“—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

„А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охоты!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?...“

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

„Да помню!“—сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ...

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два.—„Мы славно пообѣдаемъ,—говорилъ онъ,—у меня есть два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?...“

„Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ...

... „Бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости“... („Максимъ Максимычъ“).

Рисун. худ. В. И. Комарова.

Однако, прощайте, мнѣ пора, я спѣшу... Благодарю, что не забыли...“ — прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть!— проворчалъ онъ,— я то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...“

„Ну, полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески,— неужели я не тотъ же? Что дѣлать?... всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!...“—Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ ужъ началъ подбирать вожжи.

„Постой, постой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски,—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что мнѣ съ ними дѣлать?...“

„Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте...“

„Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?...“—кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли, да и не зачѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

„Да,—сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ,— конечно, мы были пріятели, ну, да что̀ пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь, какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи... и лакей какой гордый!...“—Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. — „Скажите,—продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ,—ну, что вы объ этомъ думаете?... ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей Богу, смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!... Ужъ я всегда говорилъ, что нѣту проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ...“ Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

„Максимъ Максимычъ,—сказалъ я, подошедши къ нему,—а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?“

„А Богъ его знаетъ! какія то записки“...

„Что вы изъ нихъ сдѣлаете?“

„Что? Я велю надѣлать патроновъ“.

„Отдайте ихъ лучше мнѣ.“

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что то

сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь. Въ его досадѣ было что то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

„Вотъ онѣ всѣ,—сказалъ онъ,—поздравляю васъ съ находкою...“

„И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?“

„Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...“

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду: у него былъ какой то принужденный, холодный видъ.

„А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?“

„Нѣтъ-съ“.

„А что такъ?“

„Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...“

„Да вѣдь вы же были у него?“

„Былъ, конечно, — сказалъ онъ, заминаясь, — да его дома не было... а я не дождался.“

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы *для собственной надобности,* говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

„Очень жаль, — сказалъ я ему, — очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться“.

„Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться... Вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату“...

„Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ“.

„Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а, впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги“.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флеръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе преходящими, но зато не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ, и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни, на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственные слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно, когда она слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою и когда

она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ; и, можетъ быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. „Да это злая иронія!“ — скажутъ они. — Не знаю.

ТАМАНЬ

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще вдобавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной телѣжкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ спросонья дикимъ голосомъ: „Кто идетъ?“—Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ—занята. Было холодно, я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться. „Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту“,—закричалъ я.—„Есть еще одна фатера,—отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ, — только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!“—Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышу и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла избочась другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темно-синія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея далеко отъ берега два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. „Суда въ пристани есть,—подумалъ я,—завтра отправлюсь въ Геленджикъ“.

При мнѣ исправлялъ должность денщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина—молчатъ; стучу—молчатъ... что это? Наконецъ, изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

„Гдѣ хозяинъ?“ — „Нема“. — „Какъ, совсѣмъ нѣту?“ — „Совсимъ“. — „А хозяйка?“—„Побигла въ слободку“. — „Кто же мнѣ отопретъ дверь?“—сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно, и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою: какъ будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ, я началъ разсматривать лицо слѣпого; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?... Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

„Ты хозяйскій сынъ?“—спросилъ я его, наконецъ. — „Ни“.— „Кто же ты?“—„Сирота убогій“.—„А у хозяйки есть дѣти?“—„Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ“.—„Съ какимъ татариномъ?“—„А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи“.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа— дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи: поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во миракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ, на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно; кто то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся, Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; навстрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осто-

Кавказскiе типы Лермонтовскихъ временъ. Кубанскiй казакъ.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

рожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. „Въ тотъ день нѣмые возопiютъ, и слѣпые прозрятъ“,—подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстоянiи, чтобъ не потерять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начала одѣваться тучами, и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой прiостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его

схватитъ и унесетъ; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ, онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

„Что, слѣпой?—сказалъ женскій голосъ,—буря сильна; Янко не будетъ".—„Янко не боится бури",—отвѣчалъ тотъ.—„Туманъ густѣетъ",—возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.—„Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ",—былъ отвѣтъ.—„А если онъ утонетъ?"—„Ну, что жъ! въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты!"

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

„Видишь, я правъ,—сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши,—Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь,—это его длинныя весла".

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

„Ты бредишь, слѣпой!—сказала она,—я ничего не вижу".

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь наподобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять, и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься черезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая! Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ, быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится вдребезги; но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою, и всѣ трое принялись вытаскивать что то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему однако жъ не сказалъ причины. Полю-

бовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но, увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоявшія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться. „Можетъ быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно,—сказалъ комендантъ,—и тогда мы увидимъ“. Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

„Плохо, ваше благородіе!“—сказалъ онъ мнѣ.

„Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!“—Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ: „Здѣсь нечисто! я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ, былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: „Здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!...“ Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой! ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ за хлѣбомъ, и за водой... ужъ, видно, здѣсь къ этому привыкли“.

„Да что жъ? по крайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?...“

„Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь“.

„Какая дочь? у нея нѣтъ дочери“.—„А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ“.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ, довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. „Ну-ка, слѣпой чертенокъ,—сказалъ я, взявъ его за ухо,—говори, куда ты ночью таскался съ узломъ, а?“—Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: „Куды я ходивъ?... никуды не ходивъ... съ узломъ?... якимъ узломъ?“—Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: „Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! за что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?“—Мнѣ это надоѣло, и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мною тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа, можетъ быть, и болѣе... Вдругъ, что то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно, это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ,—но откуда?... Прислушиваюсь—напѣвъ стройный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ

неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, — настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ,
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики,
Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка неснащеная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподнимутъ крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
„Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка“.

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностію останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и насчетъ красоты. Въ ней было много породы... Порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло; это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ. Гребенской казакъ.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ и особенно правильный носъ, — все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума,—я вообразилъ, что нашелъ Гётеву Миньону, это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и

точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

„Скажи-ка мнѣ, красавица,—спросилъ я,—что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?“—„А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.“—„Зачѣмъ тебѣ?“—„Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье.“ — „Что же? развѣ ты пѣснею зазывала счастье?“—„Гдѣ поется, тамъ и счастливится.“— „А какъ, неравно, напоешь себѣ горе?“—„Ну, что жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко“—„Кто жъ тебя выучилъ этой пѣснѣ?“ — „Никто не выучилъ; вздумается — запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ“.—„А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?“ — „Кто крестилъ, тотъ знаетъ.“ — „А кто крестилъ?“ — „Почему я знаю.“—„Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ (она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло). Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ“. — И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло.—„Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ“.—„А если бъ я, например, вздумалъ донести коменданту?“—и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не у мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по-походному, засвѣтилъ свѣчу и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся,—то была она, моя ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ: онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса; но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія мнѣ начинала надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: „Нынче ночью, когда всѣ уснутъ,

Кавказскіе типы. Гребенскіе казакъ и казачка.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

выходи на берегъ“,—и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу.—„Экой бѣсъ-дѣвка!“—закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака. „Если я выстрѣлю изъ пистолета,—сказалъ я ему,—то бѣги на берегъ“. Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: „Слушаю, ваше благородіе“.—Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе, нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

„Идите за мной!“—сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали

спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ, и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темно-синемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. — „Войдемъ въ лодку", — сказала моя спутница. Я колебался: я не охотникъ до сентиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. — „Что это значитъ?" сказалъ я сердито.— „Это значитъ,—отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками,—это значитъ, что я тебя люблю..." — И щека ея прижалась къ моей, я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что то шумно упало въ воду: я хвать за поясъ,—пистолета нѣтъ. О, тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь,—мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя,—она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости... „Чего ты хочешь?" — закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

„Ты видѣлъ, — отвѣчала она, — ты донесешь!" — и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мнѣ показалось, что кто то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ, мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. „Янко,—сказала она,—все пропало!"

„И не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ“. („Тамань“).
Рисун. худ. В. И. Комарова.

Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслышать. „А гдѣ же слѣпой?"—сказалъ, наконецъ, Янко, возвыся голосъ. —„Я его послала",—былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

„Послушай, слѣпой! — сказалъ Янко, — ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи (имени я не разслушалъ), что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ, и море шумитъ!"—Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: — „Она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо и честь знать. Насъ же больше не увидитъ".

„А я?"—сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

„На что мнѣ тебя?"—былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукою; онъ что то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: „На, купи себѣ пряниковъ". — „Только?" — сказалъ слѣпой. — „Ну, вотъ тебѣ еще",—и упавшая монета зазвенѣла, ударяясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ *честныхъ контрабандистовъ*? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и, какъ камень, едва самъ не пошелъ ко дну!

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой вопреки приказанію спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ, подарокъ пріятеля, — все исчезло. Тутъ то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восемнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось со старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ — не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!...

11 мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури"; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако, пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору; то были большею частью семейства степныхъ помѣщиковъ: объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся *водяная* молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскія эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать, хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты, онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ, онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ то, можетъ быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ

людей между чающими движенія воды. Они пьютъ, однако, не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ; они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ, вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлей надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли,—блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпа любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лѣчиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

„Печоринъ! давно ли здѣсь?“

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воду съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ на службѣ, носитъ, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно: онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производить эффектъ — ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только что вы остановитесь, онъ

начинаетъ длинную тираду, повидимому, имѣющую какую то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остеръ: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль—сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо, не созданное для міра, обреченное какимъ то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого то онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что то не русская храбрость!...

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ,—и одному изъ насъ не сдобровать.

Пріѣздъ его на Кавказъ — также слѣдствіе его романтическаго фанатизма; я увѣренъ, что, наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: „нѣтъ, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете ли вы меня?...“ и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

„Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую,—сказалъ онъ, вздохнувъ:—пьющіе утромъ воду—вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру—несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ. Моя солдатская шинель—какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня“.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лицъ за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье *gris de perles*; легкая шелковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки *couleur puce* стягивали у щиколки ея сухощавую ножку такъ

мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дишитъ иногда записка милой женщины.

„Вотъ княгиня Лиговская, — сказалъ Грушницкій, — и съ нею дочь ея, Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня“.

„Однако, ты ужъ знаешь ея имя?“

„Да, я случайно слышалъ, — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ, — признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?“

„Бѣдная шинель! — сказалъ я, усмѣхаясь. — А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?“

„О! это московскій франтъ Раевичъ! Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ. Да и борода кстати, и прическа *à la moujik*“.

„Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго.“

„И есть за что“.

„О! право?“

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по-французски:

„Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante“.

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

„Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказалъ я ему. — У нея такіе бархатные глаза, именно бархатные; я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ: нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго!... А что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу“.

„Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади“, — сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

„Mon cher, — отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ, — je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule“.

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ. Грузинка.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по виноградныимъ аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между ними кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галлереи, чтобы вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ въ крытой галлереѣ, и оба были заняты, кажется, серьезнымъ разговоромъ; княжна, вѣроятно, допивъ уже послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца; Грушницкій стоялъ у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галлереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобы его поднять: больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой

прелести; потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галлерею и, убѣдившись, что ея маменька ничего не видѣла, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галлереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный, даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу; она вбѣжала въ ворота одного изъ лучшихъ домовъ Пятигорска. За нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

„Ты видѣлъ?—сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку,—это просто ангелъ!“

„Отчего?“—спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

„Развѣ ты не видалъ?“

„Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу“.

„И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?“

„Нѣтъ“.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу: это чувство было зависть; я говорю смѣло „зависть“, потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другого, ей равно незнакомаго,—врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ (разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе), который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару, мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?...

„Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему". („Княжна Мери").
Рисун. худ. М. А. Врубеля.

13 мая.

Нынче поутру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ поэтъ—и не на шутку: поэтъ на дѣлѣ всегда и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки! Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага; онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ; подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ; больные взбѣленились, почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упадшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ; надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной; оттого то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстукъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердится за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро

поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да притомъ у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ; каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

„Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ...“—сказалъ докторъ.

„Въ чемъ это?“—спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

„Въ—томъ, отвѣчалъ онъ,—что рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру“.

„Я богаче васъ!—сказалъ я,—у меня, кромѣ этого, есть еще убѣжденіе—именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться“.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а, право, изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьезно, пока не замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились, довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи,—и мы оба замолчали.

„Замѣтьте, любезный докторъ,—сказалъ я,—что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать, и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите же мнѣ какую-нибудь новость“.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ.

Онъ отвѣчалъ, подумавши: „Въ вашей галиматьѣ, однако жъ, есть идея“.

„Двѣ“,—отвѣчалъ я.

„Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую“.

„Хорошо, начинайте!“ — сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

„Вамъ хочется знать какія-нибудь подробности насчетъ кого-нибудь изъ пріѣхавшихъ на воды, и я ужъ догадываюсь, о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали“.

„Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга“.

„Теперь другая...“

„Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что-нибудь; во-первыхъ, потому, что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ-третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ-четвертыхъ, потому, что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ разсказчиковъ. Теперь къ дѣлу: что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?“

„Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?..“

„Совершенно убѣжденъ“.

„Почему?“

„Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ“.

„У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...“

„Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи“.

„Разумѣется...“

„Завязка есть!—закричалъ я въ восхищеніи,—объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно, судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно“.

„Я предчувствую,—сказалъ докторъ,—что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой...“

„Дальше, докторъ“.

„Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей замѣтилъ, что, вѣрно, она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шума... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя, вѣроятно, къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ“.

„Достойный другъ!“—сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

„Если вы хотите, я васъ представлю...“

„Помилуйте!—сказалъ я, всплеснувъ руками,—развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную“.

„И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?..“

Кавказскіе типы лермонтовскихъ временъ. Грузинки.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

„Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!.. Докторъ, наконецъ, я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ,—продолжалъ я послѣ минуты молчанія:—я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу при случаѣ отъ нихъ отпереться. Однако жъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?"

„Во-первыхъ, княгиня—женщина сорока-пяти лѣтъ,—отвѣчалъ Вернеръ,—у нея прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ, и тутъ на покоѣ растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна, какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?.. Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лѣчится отъ ревматизма, а дочь, Богъ знаетъ отъ чего; я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать; она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ нелюбезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна

смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ — московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками“.

„А вы были въ Москвѣ, докторъ?“

„Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику“.

„Продолжайте“.

„Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч... она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли“.

„Вы никого у нихъ не видали сегодня?“

„Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужу, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили ль вы ее у колодца?—она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью“.

„Родинка?—пробормоталъ я сквозь зубы.—Неужели?“

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: — „Она вамъ знакома!..“ — Мое сердце билось сильнѣе обыкновеннаго.

„Теперь ваша очередь торжествовать!—сказалъ я,—только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ въ старину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнеситесь обо мнѣ дурно“.

„Пожалуй!“—сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?.. и какъ мы встрѣтимся?.. и потомъ, она ли это?.. Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю—ничего!

Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, я пошелъ на бульваръ: тамъ была толпа; княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ и началъ имъ что то разсказывать; видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать, какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало-по-малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько

разъ княжна подъ-ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

„Что онъ вамъ разсказывалъ?— спросила она у одного изъ молодыхъ людей, возвратившихся къ ней изъ вѣжливости,——вѣрно, очень занимательную исторію—-свои подвиги въ сраженіяхъ?..“ —Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня.—„А-га! — подумалъ я,— вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!“

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ. Бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто-нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца, на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ,—и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ—и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ.

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!.. Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ; ходитъ, закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла; онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкою.

„Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими?“— сказалъ онъ мнѣ вчера.

„Рѣшительно“.

„Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...“

„Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее общество ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?“

„Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...“

„Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты просто не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ...“

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

„Какой вздоръ!“—сказалъ онъ.

„Я увѣренъ,—продолжалъ я,—что княжна въ тебя ужъ влюблена“.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!..

„У тебя все шутки,—сказалъ онъ, показывая, будто сердится,—во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...“

„Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.“

„Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться; я просто хочу познакомиться съ пріятнымъ домомъ, и было бы очень смѣшно, если бъ я имѣлъ какія-нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло!—вы, побѣдители петербургскіе: только посмòтрите, такъ женщины таютъ... А знаешь ли, Печоринъ, что княжна о тебѣ говорила?..“

„Какъ? Она тебѣ ужъ говорила обо мнѣ?..“

„Не радуйся, однако. Я какъ то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было: „Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный, тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда...“ Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку.—„Вамъ не нужно сказывать дня,—отвѣчалъ я ей:—онъ вѣчно будетъ мнѣ памятенъ..“—Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!..“

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее *моя Мери, моя Sophie*, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серьезный видъ и отвѣчалъ ему:

„Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей бу-

детъ возлѣ тебя скучно, ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и, чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить,—а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобой накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой, сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...“

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы: оно мнѣ показалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя *Мери* было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобъ онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные,—и тутъ то я буду наслаждаться!..

. . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя, мохнатыя тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ? Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ? Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ, сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрывала ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

„Вѣра!“—вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

„Я знала, что вы здѣсь“,—сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами: въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что то похожее на упрекъ.

„Мы давно не видались“,—сказалъ я.

„Давно, и перемѣнились оба во многомъ!“

„Стало быть, ужъ ты меня не любишь?..“

„Я замужемъ!..“—сказала она.

„Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...“

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

„Можетъ быть, ты любишь своего второго мужа?..“

Она не отвѣчала и отвернулась.

„Или онъ очень ревнивъ?“

Молчаніе.

„Что жъ? онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься...“—Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

„Скажи мнѣ,—наконецъ прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій...“— Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

„Можетъ быть,—подумалъ я,—ты оттого то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...“

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ, губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй, ея руки были холодны, какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мелькомъ на бульварѣ: она вышла за него для сына. Онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки; она его уважаетъ, какъ отца, и будетъ обманывать, какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ; Вѣра часто бываетъ у княгини; я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ мои планы нимало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!... Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть

любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!...

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины; напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь.

Отчего это?—Оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я точно не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!...

Правда, теперь вспомнилъ; одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердой волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами,—и то, можетъ быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки или той болѣзни, которую называютъ fièvre lente—болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставляла меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью,—и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ быть, навѣки; оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей,—я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ, мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ,—на память?... А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль,—все въ минуту разсѣется, на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ,

при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвающіе на своихъ *вышкахъ*, видя меня, скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо, вѣрно, по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго, оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій, ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью, бешметъ бѣлый, черкеска темно-бурая. Я долго изучалъ горскую посадку; ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобы не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ — и никогда со мной не ѣздятъ вмѣстѣ. Было ужъ шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать; лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ *en piquenique*. Дорога идетъ, извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ овраговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи *балками*, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь *черкесскаго съ нижегородскимъ*; впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ: онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрывалъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сентиментальный. Наконецъ, они приблизились къ спуску: Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

„И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?“ — говорила княжна.

„Что для меня Россія? — отвѣчалъ ея кавалеръ. — Страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь, — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...“

„Напротивъ...“ — сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

„Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ

пулями дикарей, и если бъ Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ, подобный тому...“

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

„Mon Dieu, en circassien!...“—вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобы ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

„Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier...“

Она смутилась; но отчего? отъ своей ошибки или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т. е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ, только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ ногайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался. Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?... Что дѣлаетъ теперь Вѣра? думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобы въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно, Грушницкій... Такъ и есть!

„Откуда?“

„Отъ княгини Лиговской,—сказалъ онъ очень важно.—Какъ Мери поетъ!...“

„Знаешь ли что?—сказалъ я ему,—я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...“

„Можетъ быть! Какое мнѣ дѣло!...“—сказалъ онъ разсѣянно.

„Нѣтъ, я только такъ это говорю...“

„А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самаго высокаго мнѣнія“.

„Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?“

„Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...“

„Ого!—подумалъ я,—у него, видно, есть уже надежды...“

„Впрочемъ, для тебя же хуже—продолжалъ Грушницкій.—Теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними,—а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...“

Я внутренно улыбнулся.

„Самый пріятный домъ для меня теперь мой“,—сказалъ я зѣвая, и всталъ, чтобъ идти.

„Однако, признайся, ты раскаиваешься?...“

„Какой вздоръ! Если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...“

„Посмотримъ...“

„Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной...“

„Да, если она захочетъ говорить съ тобой...“

„Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...“

„А я пойду шататься, я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...“

„Желаю тебѣ проиграться...“

Я пошелъ домой.

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій, какъ тѣнь, слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда же онъ ей наскучитъ?... Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ *не женихъ*. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два-три нѣжныхъ взгляда,— надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ появилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы, и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

„Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?... Мы только тамъ можемъ видѣться...“

Упрекъ!... скучно! но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ ресторацiи, и я буду танцовать мазурку съ княжной.

29-го мая.

Зала ресторацiи превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явились изъ послѣднихъ: многія дамы посмотрѣли на нее съ завистью и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократами, утаивъ зависть, примкнули къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкій, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская глазъ съ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула головой. Онъ просіялъ, какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи—счастливую эпоху мушекъ изъ черный тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

„Эта княжна Лиговская пренесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... C'est impayable... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо бы проучить...“

„За этимъ дѣло не станетъ!“—отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на-бокъ, и мы пустились. Я не знаю таліи болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура (она вальсируетъ удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое: merci, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

„Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... неужели это правда?“

„И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи?“—отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

„Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ-нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще бо̀льшую дерзость: просить у васъ прощенья... И, право, я бы очень желалъ доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...“

„Вамъ это будетъ довольно трудно...“

„Отчего же?...“

„Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы, вѣроятно, не часто будутъ повторяться“.

„Это значитъ, подумалъ я, что ихъ двери для меня навѣки закрыты“.

„Знаете, княжна,—сказалъ я съ нѣкоторой досадой,—никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...“

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обер-

нуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъявившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ то очень доволенъ, потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руку за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

„Пермете... ну, да что тутъ!... просто, ангажирую васъ на мазурку...“

„Что вамъ угодно?“ — произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

„Что же?- сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками.—Развѣ вамъ не угодно?... Я таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!... Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...“

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться, потому,—прибавилъ я, -что княжна давно ужъ обѣщалась танцовать мазурку со мною.

„Ну, нечего дѣлать!... въ другой разъ!“ сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

„Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, прибавила она.—Но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что̀ не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда ли?“

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ, съ хоръ загремѣла мазурка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало-по-малу разсѣялось; личико

ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

„Вы странный человѣкъ!“—сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

„Я не хотѣлъ съ вами знакомиться, продолжалъ я, потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно“.

„Вы напрасно боялись! Они всѣ прескучные...“

„Всѣ! Неужели всѣ?“

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что то, потомъ опять слегка покраснѣла и, наконецъ, произнесла рѣшительно: *„всѣ!“*

„Даже мой другъ Грушницкій?“

„А онъ вашъ другъ?“—сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

„Да.“

„Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...“

„Но въ разрядъ несчастныхъ“,—сказалъ я, смѣясь.

„Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...“

„Что жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ, и, право, это самое лучшее время моей жизни!“

„А развѣ онъ юнкеръ?..—сказала она быстро и потомъ прибавила:—а я думала...“

„Что вы думали?..“

„Ничего!.. Кто эта дама?“

Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались—до свиданія. Дамы разъѣхались... Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

„А-га!—сказалъ онъ,—такъ то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти“.

„Я сдѣлалъ лучше,—отвѣчалъ я ему:—спасъ ее отъ обморока на балѣ...“

„Какъ это? Разскажите!“

„Нѣтъ, отгадайте,—о, вы, отгадывающій все на свѣтѣ!“

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ: какой то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

„Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?..“

„Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стоитъ благодарности“,—отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

„Какъ? А вчера? ты развѣ забылъ?.. Мери мнѣ все разсказала...“

„А что? развѣ у васъ уже нынче все общее? и благодарность?..“

„Послушай, — сказалъ Грушницкій очень важно, — пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю... я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны...“

„Это, можетъ быть, слѣдствіе дѣйствія водъ“, — отвѣчалъ я.

„Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ!—прибавилъ онъ презрительно.—Впрочемъ, перемѣнимъ матерію“...—и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. - Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобы не выйти изъ принятой роли: она находитъ, что томность къ ней идетъ, и, можетъ быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

„Довольна ли ты моимъ послушаніемъ, Вѣра?“—сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ, но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; всѣ просили ее спѣть что-нибудь; я молчалъ и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что то очень важное для насъ обоихъ... Вышло—вздоръ...

Между тѣмъ, княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!

Она запѣла: ея голосъ былъ недуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. Зато Грушницкій, облокотясь на рояль про-

тивъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: „charmant! délicieux!“

„Послушай,—говорила мнѣ Вѣра,—я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ мужемъ, но ты долженъ непремѣнно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...“

„Только?..“

Она покраснѣла и продолжала:—„Ты знаешь, что я твоя раба, я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя,—ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь ты меня по-прежнему пустыми сомнѣніями и притворной холодностью: я, можетъ быть, скоро умру, я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его“.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что то насчетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

„Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно,—сказала она,—что вы меня не слушали; но вы, можетъ быть, не любите музыки?..“

„Напротивъ... послѣ обѣда особенно“.

„Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи“.

„Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастрономъ; у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово, слѣдовательно,—я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно, или слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ, грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...“

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой то сентиментальный разговоръ: кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе, – вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой, наконецъ, удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!.. Какъ быть? у меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и досыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ, право, не знаю! тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?..

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и, послѣ долгаго молчанія, сказалъ:

„Ну, что?“

„Ты глупъ“,—хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечомъ.

6-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами,—это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сентиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій—на Грушницкаго.

„У васъ очень мало самолюбія!—сказала она мнѣ вчера.—Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?“

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

„И моимъ“,—прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива, нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой; но только что завидѣла меня, она стала хохотать (очень не кстати), показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить.

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ. Грузинскій священникъ.
Кн. Г. Г. Гагаринъ.

11-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство?—Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ничуть не бывало! слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство — истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности — только въ невозможности достигнуть цѣли, то есть конца.

Изъ чего же я хлопочу?—Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквер-

наго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

„Мой другъ, со мной было то же самое, и ты видишь, однако, что я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!“

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до-сыта, бросить на дорогѣ: авось, кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права,—не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданія органическія, сказалъ кто то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться; многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаютъ бѣшеныхъ порывовъ; душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью — лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго

ребенка. Только въ этомъ высшемъ состоянiи самопознанiя человѣкъ можетъ оцѣнить правосудiе Божiе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?... Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя, и, слѣдовательно, все, что я въ него ни брошу, будетъ со-временемъ для меня драгоцѣнннымъ воспоминанiемъ.

. . . .

Пришелъ Грушницкiй и бросился мнѣ на шею,—онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

„Я васъ не поздравляю“,—сказалъ онъ Грушницкому.

„Отчего?“

„Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ; и признайтесь, что армейскiй пѣхотный мундиръ, сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключенiемъ, а теперь пойдете подъ общее правило“.

„Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться. Онъ не знаетъ,—прибавилъ Грушницкiй мнѣ на ухо, — сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О, эполеты, эполеты! ваши звѣздочки — путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ, я теперь совершенно счастливъ“.

„Ты идешь съ нами гулять къ провалу?“—спросилъ я его.

„Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ“.

„Прикажешь ей объявить о твоей радости?“

„Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...“

„Скажи мнѣ, однако, какъ твои дѣла съ нею?“

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать,—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

„Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?...“

„Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какiя у тебя понятiя!... какъ можно такъ скоро?... Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...“

„Хорошо! И, вѣроятно, по-твоему порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...“

„Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...“

„Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкiй, она тебя надуваетъ...“

„Она?...—отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись.—Мнѣ жаль тебя, Печоринъ!...“

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ, сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя, и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

„Вы опасный человѣкъ!—сказала она мнѣ,—я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычокъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня,—я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно“.

„Развѣ я похожъ на убійцу?...“

„Вы хуже...“

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко тронутый видъ:

„Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали, — и они родились. Я былъ скроменъ,—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ, — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ,—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду,—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ;—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины. Но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна—пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало“.

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза,—въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали: ей было жаль меня! Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала, — а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу; дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора; но на пустые мои вопросы, шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

„Любили ли вы?"—спросилъ я ее, наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что то сказать, но она не знала, съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня, а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

„Не правда ли, я была очень любезна сегодня?"—сказала мнѣ княжна, съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой; она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно.

12-го іюня.

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

„Я отгадываю, къ чему все это клонится,—говорила мнѣ Вѣра,—лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь".

„Но если я ее не люблю?"

„То зачѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображеніе?... О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ; мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ, внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?. ."

Я обѣщалъ и въ тотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

„Наконецъ, я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь!"—прибавилъ онъ.

„Когда же балъ?"

„Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить..."

„Пойдемъ на бульваръ..."

„Ни за что, въ этой гадкой шинели..."

„Какъ, ты ее разлюбилъ?..."

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

„Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ",—сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

„Вы будете завтра пріятно удивлены“,—сказалъ я ей.

„Чѣмъ?...“

„Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь“.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ!...

Вѣра все это замѣтила: на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви,—разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты неимовѣрной величины были загнуты кверху, въ видѣ крылышекъ амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а празою взбивалъ ежеминутно въ мелкіе кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ: его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстушникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъза воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху до ушей; отъ этой трудной работы,—ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ,—лицо его налилось кровью.

„Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моей княжной?“—сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

„Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!“—отвѣчалъ я ему, повторяя лю-

бимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

„Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?... Охъ, проклятый жидъ!... какъ подъ мышками рѣжетъ!... Нѣтъ ли у тебя духовъ?“

„Помилуй, чего тебѣ еще; отъ тебя и такъ уже несетъ розовой помадой“.

„Ничего. Дай-ка сюда“...

Онъ налилъ себѣ полсклянки за галстукъ, въ носовой платокъ, на рукава.

„Ты будешь танцовать?“—спросилъ онъ.

„Не думаю“.

„Я боюсь, что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку, я не знаю почти ни одной фигуры...“

„А ты звалъ ее на мазурку?“

„Нѣтъ еще“...

„Смотри, чтобъ тебя не предупредили...“

„Въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. — Прощай... пойду дожидаться ея у подъѣзда“. — Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба? Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія“?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что то говорилъ съ большимъ жаромъ; она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

„Вы меня мучите, княжна! — говорилъ Грушницкій. — Вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ“...

„Вы также перемѣнились“,—отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

„Я? я перемѣнился?... О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ“...

„Перестаньте...“

„Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?..“

„Потому что я не люблю повтореній“,—отвѣчала она, смѣясь.

„О, я горько ошибся!... Я думалъ, безумный, что, по крайней мѣрѣ, эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ“...

„Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу“...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ; она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

„Не правда ли, мсье Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсье Грушницкому?...“

„Я съ вами не согласенъ,—отвѣчалъ я,—въ мундирѣ онъ еще моложавѣе“.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчишки, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

„А признайтесь,—сказалъ я княжнѣ,—что, хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интересенъ... въ сѣрой шинели?...“

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

„Я этого не ожидалъ отъ тебя“,—сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

„Чего?“

„Ты съ нею танцуешь мазурку?—спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.—Она мнѣ призналась...“

„Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?“

„Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!“

„Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

„Зачѣмъ же подавать надежды?“

„Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто жъ надѣется?“

„Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ,“—сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну,

другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня. Тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ,—ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ея руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

„Я дурно буду спать эту ночь“,—сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

„Этому виноватъ Грушницкій“.

„О, нѣтъ!“—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ замолчали: видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ, а теперь, кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ, однимъ толчкомъ, опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ,—вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шептался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой; во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто жъ виноватъ? зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ ней наединѣ? Любовь, какъ огонь,—безъ пищи гаснетъ. Авось, ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла,—больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла, въ самомъ дѣлѣ, грозный видъ.—Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ; онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!..

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего то недостаетъ. *Я не видалъ ее! Она больна!* Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вздоръ!

Кисловодскъ. „Грибы". Красные камни.

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра—часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ,—я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю; людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку креселъ; эта рука чуть-чуть дрожала; я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

„Вы на меня сердитесь?.."

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала голо-

вой; ея губы хотѣли проговорить что то и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

„Что съ вами?“—сказалъ я, взявъ ея руку.

„Вы меня не уважаете!.. О, оставьте меня!..“

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ, глаза ея засверкали...

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

„Простите меня, княжна! Я поступилъ, какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится, я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете, и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте!“

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

„Правда ли,—спросилъ онъ,—что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?“

„А что?“

„Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью, а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!“

„Это штуки Грушницкаго!“—подумалъ я.

„Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...“

„И княжна также?..“

„Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...“

„Такъ вы не женитесь?..“

„Докторъ, докторъ! посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на что-нибудь подобное?“

„Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи...—прибавилъ онъ, хитро улыбаясь,—въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя, по крайней мѣрѣ, не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь на водахъ преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе—пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.“

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ его словъ я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распущены въ городѣ разные дурные слухи; это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

18-го іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключомъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышитъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно: и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами; и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны; и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи; и постоянный, сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно взапуски и, наконецъ, кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ, а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ ресторації, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа.

Грушницкій со своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну; рѣшительно — несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

22-го іюня.

Наконецъ, онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты; у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?.. Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать.

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно и не отходитъ отъ дочери... плохо! — Зато Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ: добился же я этого благополучія! Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь, надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами; порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

Этотъ человѣкъ любитъ меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ, слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ уже ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется.

Что̀ если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ?—„Клевета!"—закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ, и женщины ихъ читаютъ (за что имъ глубочайшая благодарность), ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ...

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью,— мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ,—мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнью... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати, Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ „Освобожденномъ Іерусалимѣ". „Только приступи,—говорилъ онъ,—на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а идти прямо; мало-по-малу чудовища исчезаютъ, и

Кисловодскъ. Кольцо-гора въ синихъ скалахъ.

открывается передъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. Зато бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ, и обернешься назадъ!“

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельѣ, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала, называемая *Кольцомъ*; это—ворота, образованныя природой; они подымаются на высокомъ холмѣ, и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній, пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки, самыя мелкія, опасны, особенно тѣмъ, что дно ихъ—совершенный калейдоскопъ; каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется: гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что, переѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на серединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. „Мнѣ дурно!“—проговорила она слабымъ голосомъ... Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

„Смотрите наверхъ!—шепнулъ я ей,—это ничего, только не бойтесь; я съ вами“.

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки; отъ нея вѣяло пламенемъ.

„Что вы со мною дѣлаете?... Боже мой!...“

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ѣхали сзади; никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова—изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

„Или вы меня презираете, или очень любите!—сказала она, наконецъ, голосомъ, въ которомъ были слезы.—Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности,—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!...“—Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

„Вы молчите?—продолжала она,—вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...“

Я молчалъ.

„Хотите ли этого?“—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что то страшное.

„Зачѣмъ?“—отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку, а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной

„Смотрите наверхъ!“ шепнулъ я ей: „это ничего, только не бойтесь; я съ вами“... („Княжна Мери“).

Рисун. худ. В. А. Сѣрова.

лошади глухо раздавался въ молчанiи ущелiй; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя два раза свѣжiй воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались.

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщенiе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшiе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскiй капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманiя.

„Господа!—сказалъ онъ,—это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскiе слётки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги“.

„И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ,—да, трусъ!“

„Я думаю то же,—сказалъ Грушницкiй.—Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...“

„Грушницкiй на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну“,—сказалъ кто то.

„Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ“.

„Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшiй трусъ, то есть Печоринъ, а не Грушницкiй,—а Грушницкiй молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ!—сказалъ опять драгунскiй капитанъ.—Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? тѣмъ лучше! Хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...“

„Хотимъ; только какъ?“

„А вотъ слушайте: Грушницкiй на него особенно сердитъ—ему первая роль! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ то и штука... Вызоветъ на дуэль... хорошо! Все это: вызовъ, приготовленiя, условiя—будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе; я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ,—на шести шагахъ ихъ поставлю. чортъ возьми! Согласны ли, господа?“

„Славно придумано!... Согласны!... Почему же нѣтъ?...“—раздалось со всѣхъ сторонъ.

„А ты, Грушницкiй?“

Окрестности Кисловодска. Пещера синихъ горъ. Г. Эльбрусъ.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ со своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „Хорошо, я согласенъ!“

Трудно описать восторгъ всей честнòй компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. „За что они всѣ меня ненавидятъ? — думалъ я.— За что? Обидѣлъ ли я кого-нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?“ И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. „Берегитесь, господинъ Грушницкій! — говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, — со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!“

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ.

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

„Вы больны?“ — сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

„Я не спалъ всю ночь“.

„И я также... я васъ обвиняла... можетъ быть, напрасно? — Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...“

„Все ли?...“

„Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я

много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего... когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?"

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

„Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжнѣ, — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ. Я васъ не люблю".

Ея губы слегка поблѣднѣли.

„Оставьте меня", — сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и другихъ?... Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы на моемъ мѣстѣ предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово *жениться* имѣетъ какую то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?... Право, ровно ничего. Это какой то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли?... Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ *смерть отъ злой жены*; это меня тогда глубоко поразило; въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ, что то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ, буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже.

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ *Апфельбаумъ*. На дверяхъ рестораціи явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія (иначе—въ рестораціи); билеты по два рубля съ полтиной.

Кисловодскъ. Крестъ на Крестовой горѣ.

Всѣ собираются идти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

„Сегодня, въ десятомъ часу вечера, приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ: я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини.—Я жду тебя; приходи непремѣнно“.

„А-га!—подумалъ я,—наконецъ таки вышло по-моему“.

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинѣ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ

ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако, я изъ осторожности обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою: человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако, я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась, маленькая ручка схватила мою руку...

„Никто тебя не видалъ?" — сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

„Никто".

„Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О, я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь".

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

„Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?... А она думаетъ... знаешь ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!..."

. . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣна руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо. — „А-га! — сказалъ грубый голосъ, — попался!... будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!"

„Держи его крѣпче!" — закричалъ другой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

„Воры! караулъ!..." — кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ.

Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

„Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?...“— закричалъ капитанъ.

„Сплю“,—отвѣчалъ я сердито.

„Вставайте!—воры... черкесы...“

„У меня насморкъ,—отвѣчалъ я,—боюсь простудиться“.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бъ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога между тѣмъ сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. „Какъ она перепугалась нынче ночью!—говорилъ онъ:—вѣдь надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи“. Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ, и, слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла, но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

„Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы?—сказалъ кто-то,—видѣлъ ли ихъ кто нибудь?“

„Я вамъ разскажу всю истину,—отвѣчалъ Грушницкій,—только, пожалуйста, не выдавайте меня; вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца“.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи, для себя довольно непріятныя, если бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но, ослѣпленный ревностью, онъ и не подозрѣвалъ ея.

„Вотъ видите ли,—продолжалъ Грушницкій,—мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ, ужъ Богъ знаетъ, откуда онъ явился, только не изъ окна, потому

что оно не отворялось, а, должно быть, онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что̀ за колонной,—наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто то съ балкона... Какова княжна? а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ".

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

„Вы не вѣрите?—продолжалъ онъ,—даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина".

„Скажи, скажи, кто жъ онъ!"—раздалось со всѣхъ сторонъ.

„Печоринъ",—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза: я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

„Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости".

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

„Прошу васъ,—продолжалъ я тѣмъ же тономъ,—прошу васъ сейчасъ же отказаться отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка и рискуете жизнью".

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій вослѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

„Милостивый государь, когда я что говорю, такъ я это думаю и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все".

„Послѣднее вы ужъ доказали",—отвѣчалъ я ему холодно и, взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

„Что вамъ угодно?"—спросилъ капитанъ.

„Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?"

Капитанъ поклонился очень важно.

„Вы отгадали,—отвѣчалъ онъ,—я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью",—прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

„А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?"...

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

„Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта",—прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ рестораціи я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

„Благородный молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, со слезами на глазахъ.—Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!... Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры, до времени,—продолжалъ онъ.—Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте“.

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и разсказалъ ему все—отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но нимало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

„Противъ васъ, точно, есть заговоръ,—сказалъ онъ.—Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ...—„Ни за что не соглашусь!—говорилъ Грушницкій;—онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое“...—„Какое тебѣ дѣло? отвѣчалъ капитанъ:—я все беру на себя. Я былъ секундантомъ въ пяти дуэляхъ и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Постращать не худо. А зачѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?...“—Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ, мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полчаса послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ,—этого требовалъ самъ Грушницкій. Убитаго—на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіатской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете? должны ли мы показать имъ, что догадались?“

„Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся“.

„Что же вы хотите дѣлать?“

„Это моя тайна“.

„Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ!“

„Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте“.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей звать меня къ княгинѣ,—я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать въ вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій!... и тогда... тогда... что если его счастье перетянетъ? если моя звѣзда, наконецъ, мнѣ измѣнитъ?... И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что жъ? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я—какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!...

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія,—и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ передъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни ска-

Окр. Кисловодска. Карачаевская долина и г. Эльбрусъ.

жутъ: онъ былъ добрый малый, другiе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь—изъ любопытства: ожидаешь чего то новаго... Смѣшно и досадно.

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно, вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!.. Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событiями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно!—Я думалъ умереть; это было невозможно; я еще не осушилъ чаши страданiй и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

А помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго: тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ; потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были „Шотландскіе Пуритане"; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ, разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!..

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ его маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой; у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

„Отчего вы такъ печальны, докторъ? – сказалъ я ему.—Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня, какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?"

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ; Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились,—мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубого и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню—въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я

въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился ỳже, утесы синѣе и страшнѣе, и, наконецъ, они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

„Написали ли вы свое завѣщаніе?“—вдругъ спросилъ Вернеръ.

„Нѣтъ“.

„А если будете убиты?“

„Наслѣдники отыщутся сами“.

„Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?..“

Я покачалъ головой.

„Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..“

„Хотите ли, докторъ,—отвѣчалъ я ему,—чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочокъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ, или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему,—Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй... Посмотрите, докторъ: видите ли вы, на скалѣ направо чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники“...

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

„Мы давно ужъ васъ ожидаемъ“,—сказалъ драгунскій капитанъ съ иронической улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ, докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому:

„Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно“.

„Я готовъ“,—сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ его было какое то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

„Объясните ваши условія,—сказалъ онъ,—и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены“...

„Вотъ мои условія: вы нынче же публично откажетесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія“...

„Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?..“

„Что жъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?..“

„Мы будемъ стрѣляться“.

Я пожалъ плечами.—„Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ“.

„Я желаю, чтобы это были вы“...

„А я такъ увѣренъ въ противномъ“...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

„Послушайте,—сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ,—вы, вѣрно, забыли про ихъ заговоръ?.. Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе, и они не посмѣютъ... Что̀ за охота! подстрѣлятъ васъ, какъ птицу“...

„Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться“...

„Господа, это становится скучно!—сказалъ я имъ громко.—Драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться“...

„Мы готовы,—отвѣчалъ капитанъ.—Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ“...

„Становитесь!“—повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

„Позвольте!—сказалъ я,—еще одно условіе: такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною, и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?..“

„Совершенно согласны“.

„Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже

Владикавказъ Лермонтовскихъ временъ.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно въ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется вдребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться".

„Пожалуй!"—сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или, наконецъ, оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали; но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой.—„Ты дуракъ!—сказалъ онъ Грушницкому довольно громко,—ничего не понимаешь!.. Отправимтесь же, господа".

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки

скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

„Я вамъ удивляюсь, — сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку.—Дайте пощупать пульсъ!.. Ого! лихорадочный!.. но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго“.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, еслибъ его секунданты не поддержали.

„Берегитесь!—закричалъ я ему.—Не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря!“

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыхъ ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ; голова чуть-чуть у меня не закружилась: тамъ внизу казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣрили шесть шаговъ и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія, и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

„Бросьте жребій, докторъ!“—сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

„Рѣшотка!“—закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

„Орелъ!“—сказалъ я.

Монета взвилась и упала звеня; всѣ бросились къ ней.

„Вы счастливы,—сказалъ я Грушницкому:—вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь, даю вамъ честное слово“.

Онъ покраснѣлъ: ему было стыдно убить человѣка безоружнаго, я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ

Кисловодскъ. Медовый водопадъ въ Орѣховой балкѣ.

бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощенiи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?.. Ему оставалось одно средство—выстрѣлить на воздухъ; я былъ увѣренъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ! Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

„Пора,—шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ;—если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренiя, то все пропало. Посмотрите, онъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...“

„Ни за что на свѣтѣ, докторъ!—отвѣчалъ я, удерживая его за руку.—Вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитымъ“...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленiемъ.

„О, это другое!.. только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...“

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнулъ ему что то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣна его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ...

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ, какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

„Не могу",—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

„Трусъ!"—отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣй удалиться отъ края.

„Ну, братъ, Грушницкій, жаль, что промахнулся!—сказалъ капитанъ,—теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужъ не увидимся!" Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха. „Не бойся!—прибавилъ, онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго:—все вздоръ на свѣтѣ!.. Натура—дура, судьба—индѣйка, а жизнь—копейка!"

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто; Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить, какъ собаку, ибо, раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

„Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу,"—сказалъ я ему тогда.

„Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ прошу: стрѣляйте скорѣе".

„И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?.. Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего-нибудь совѣсть?"

„Господинъ Печоринъ!—закричалъ драгунскій капитанъ,—вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе; неравно кто-нибудь проѣдетъ по ущелью, и насъ увидятъ".

Кисловодскъ. Кольцо гора.

„Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ“.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ.

„Докторъ, эти господа, вѣроятно, второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ, прошу васъ зарядить его снова—и хорошенько!“

„Не можетъ быть!—кричалъ капитанъ,—не можетъ быть! я зарядилъ оба пистолета; развѣ что изъ вашего выкатилась... Это не моя вина!—А. вы не имѣете права переряжать... никакого права... это совершенно противъ правилъ; я не позволяю...“

„Хорошо!—сказалъ я капитану,—если такъ, то мы будемъ съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ“.

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

„Оставь ихъ!—сказалъ онъ, наконецъ, капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора.—Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы“.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки,—Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ. Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой:

„Дуракъ же ты, братецъ,—сказалъ онъ,—пошлый дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По-дѣломъ же

тебѣ! околѣвай себѣ, какъ муха...“—Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ:—„А все-таки это совершенно противъ правилъ“.

„Грушницкій! — сказалъ я, — еще есть время; откажись отъ своей клеветы, и я тебѣ прощу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено; вспомни,—мы были когда то друзьями...“

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

„Стрѣляйте! — отвѣчалъ онъ. — Я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...“

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю обрыва.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

„Finita la commedia!“—сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза...

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой. У меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло, лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая до слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ: я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ, очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный, на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки; одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

„Все устроено какъ можно лучше; тѣло привезено обезображенное; пуля изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...“

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?.. Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

„Я пишу тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда съ тобой не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью:

..."Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было". ("Княжна Мери").
Рисун. худ. М. А. Врубеля.

я обязана сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя: ты поступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчина; ты любилъ меня, какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, не зависящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени, я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась съ душой моей; она потемнѣла, но не угасла.

„Мы разстаемся навѣки; однако, ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что то особенное, тебѣ одному свойственное, что то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

„Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего поспѣшнаго отъѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

„Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про твою ссору съ Грушницкимъ. Видно, я очень перемѣнилась въ лицѣ, потому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза; я едва не упала безъ памяти при мысли, что ты нынче долженъ драться, и что я этому причиной; мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Но теперь, когда я могу разсуждать, я увѣрена, что ты останешься живъ: невозможно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой мужъ долго ходилъ по комнатѣ; я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что подъ конецъ нашего разговора онъ оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала, какъ онъ велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужъ три часа, какъ сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда? Еслибъ я могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю ужъ любить, — нѣтъ, только помнить... Прощай; идутъ... я должна спрятать письмо...

„Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней?—

Кисловодскъ. Лермонтова скала.

Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...“

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнія. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!..

При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ, я все скакалъ, погоняя безпощадно.—И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два ужъ споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ—казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лощадь.

Все было бы спасено, если бъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ. Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергая за поводъ,—напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; чрезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ идти пѣшкомъ—ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и, какъ ребенокъ, заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову, и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно?—ее видѣть?—зачѣмъ?—не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ, однако, пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! Это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, еслибъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ, и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще не успокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеніяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ, лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ противъ обыкновенія не протянулъ мнѣ руки.

„Откуда вы, докторъ?“

Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

„Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна — разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако, я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочъ. Ей все этотъ старичокъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ ресторации. Я пришелъ васъ предупредить. — Прощайте. Можетъ быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда-нибудь".

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и еслибъ я показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился бы мнѣ на шею; но я остался холоденъ, какъ камень, — и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другого средства, — а потомъ умываютъ руки и отво-

рачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тягость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я сказать что-нибудь особенно важное? я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

„А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьезно."

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала, съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ, она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

„Послушайте, мсье Печоринъ; я думаю, что вы благородный человѣкъ".

Я поклонился.

„Я даже въ этомъ увѣрена,—продолжала она,—хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно; но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее,—слѣдственно, рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкій убитъ (она перекрестилась). Богъ ему проститъ—и, надѣюсь, вамъ также!.. Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей (тутъ княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она не признается, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства,—разувѣрьтесь: я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться; вы имѣете состояніе; васъ любитъ дочь моя, она воспитана такъ, что составитъ счастіе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?.. Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните, у меня одна дочь... одна"...

Она заплакала.

„Княгиня,—сказалъ я,— мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ"...

„Никогда!" —воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

„Какъ хотите",—отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

... „Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея...“ („Княжна Мери“).

Рисун. худ. В. А. Сѣрова.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее,—а давно ли!

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣнахъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

„Княжна,—сказалъ я,—вы знаете, что я надъ вами смѣялся?.. Вы должны презирать меня“.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: „Слѣдственно, вы меня любить не можете“...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

„Боже мой!“—произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута,—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

„Итакъ, вы сами видите,—сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою,—вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Еслибъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи; вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..“

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

„Я васъ ненавижу...“—сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ я узналъ близъ дороги трупъ моего лихого коня; сѣдло было снято—вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ,—и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбой-

ничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

ФАТАЛИСТЪ

Мнѣ какъ то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ раньше необыкновенные случаи pro или contra.

„Все это, господа, ничего не доказываетъ, — сказалъ старый майоръ,—вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми подтверждаете свои мнѣнія?"

„Конечно, никто,—сказали многіе,—но мы слышали отъ вѣрныхъ людей..."

„Все это вздоръ!—сказалъ кто то.—Гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?.. И если, точно, есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?"

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные про-

ницательные глаза, большой, но правильный носъ—принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его,—все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми казачками,—которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ,—онъ никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. „Поставь ва-банкъ!“—кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтеровъ. — „Идетъ семерка“, — отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ; онъ отыскивалъ своего счастливаго понтера.

„Семерка дана!“ — закричалъ онъ, увидѣвъ его, наконецъ, въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля; и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ и отдалъ ихъ счастливцу, несмотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

„Господа!—сказалъ онъ (голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго),—господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ; я вамъ предлагаю испробовать на себѣ, можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?“

„Не мнѣ, не мнѣ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!..“

„Предлагаю пари“,—сказалъ я шутя.

„Какое?“

„Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія“,—сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ, — все, что было у меня въ карманѣ.

„Держу, — отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ. — Майоръ, вы будете судьею; вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу—прибавить ихъ къ этимъ“.

А. П. Ермоловъ.

„Хорошо, — сказалъ майоръ, — только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?..“

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и наудачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

„Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе!“—закричали ему.

„Господа,—сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку,—кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?“

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ, и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе, что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

„Вы нынче умрете!“—сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

„Можетъ быть,—да, можетъ быть,—нѣтъ...“—Потомъ, обратясь къ майору, спросилъ, заряженъ ли пистолетъ. Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

„Да полно, Вуличъ!—закричалъ кто то,—ужъ, вѣрно, заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!..“

„Глупая шутка!“—подхватилъ другой.

„Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ!“—закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія. „Послушайте, — сказалъ я, — или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать“.

„Разумѣется,—воскликнули многіе,—пойдемте спать“.

„Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста!“—сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли. — „Господинъ Печоринъ, — прибавилъ онъ,—возьмите карту и бросьте вверхъ“.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно: въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... осѣчка!

„Слава Богу!—вскрикнули многіе,—не заряженъ...“

„Посмотримъ, однако жъ“,—сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ; выстрѣлъ раздался, дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ, и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

„Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста!“—сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу... („Фаталистъ“).

Рисун. худ. К. Н. Савицкаго.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что, вѣроятно, полка была засорена; другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой, и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

„Вы счастливы въ игрѣ!“—сказалъ я Вуличу.

„Въ первый разъ отъ роду,—отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь,—это лучше банка и штосса“.

„Зато немножко опаснѣе“.

„А что? вы начали вѣрить предопредѣленію?“

„Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...“

Этотъ же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

„Однако жъ, довольно! — сказалъ онъ, вставая — пари наше кончилось, и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...“— Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочокъ земли или за какія-нибудь вымышленныя права. И что жъ? эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!.. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, —мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія

къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?.. Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь предопредѣленію или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею; но я остановилъ себя во-время на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не ввѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что то толстое и мягкое, но, повидимому, не живое. Наклоняюсь—мѣсяцъ уже свѣтилъ прямо на дорогу—и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка; одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

„Экій разбойникъ!—сказалъ второй казакъ.—Какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ, Еремеичъ; надо его связать, а то...“

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ бо̀льшей осторожностью и, наконецъ, счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. „Прощай, Настя!“ —сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя

ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?..—„Вставай, одѣвайся!“ —кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ.

„Знаешь, что случилось?“ сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть. „Что?“ —„Вуличъ убитъ“. —Я остолбенѣлъ.—„Да, убитъ, — продолжали они.—Пойдемъ скорѣе“. —„Да куда же?“ —„Дорогой узнаешь“.

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью, и, можетъ быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, еслибъ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказалъ: — „Кого ты, братецъ, ищешь?“—„*Тебя*!“—отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи и сказалъ только два слова: „Онъ правъ!“ — Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы; мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по-временамъ опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди нихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по-временамъ шевелились... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ, надо было на что-нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня; блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

„Согрѣшилъ, братъ, Ефимычъ,—сказалъ есаулъ,—такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!“

„Не покорюсь!“—отвѣчалъ казакъ.

„Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать; своей судьбы не минуешь!“

„Не покорюсь“,—закричалъ казакъ грозно, и слышно было, какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

„Эй, тетка!—сказалъ есаулъ старухѣ,—поговори сыну; авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются“.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

„Василій Петровичъ,—сказалъ есаулъ, подойдя къ майору,—онъ не сдастся—я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? въ ставнѣ есть щель широкая“.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль; подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

„Погодите,—сказалъ я майору,—я его возьму живого“. Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

„Ахъ, ты, окаянный!—кричалъ есаулъ.—Что ты надъ нами смѣешься, что ли? али думаешь, что мы съ тобою не совладаемъ?“— Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія,—и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ. Но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались, и не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся, офицеры меня поздравляли,—и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?.. И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ или промахъ разсудка!.. Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать

его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

„Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!.. Впрочемъ, эти азіатскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ; онѣ какъ то нашему брату неприличны: прикладъ маленькій—того и гляди, носъ обожжетъ... Зато ужъ шашки у нихъ—просто мое почтеніе!“

Потомъ онъ примолвилъ, нѣсколько подумавъ:

„Да, жаль бѣднягу... Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!.. Впрочемъ, видно, ужъ такъ у него на роду было написано!..“

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

АШИКЪ КЕРИБЪ

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Давно тому назадъ въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ богатый турокъ. Много Аллахъ далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ; играя на саазѣ [1]) и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидалъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и, наконецъ, заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидавъ спящаго ашика [2]), отстала и подошла къ нему, — „Что ты спишь подъ виноградникомъ, — запѣла она, вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо".—Онъ проснулся, дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить.—„Еслибъ ты знала,—отвѣчала та,—кому я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила; это твой Ашикъ-Керибъ". „Веди меня къ нему!"—сказала Магуль-Мегери,

[1]) балалайка. [2]) балалаечникъ.

и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — „Какъ мнѣ не грустить, — отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ,—я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею!" „Проси мою руку у отца моего,—говорила она,—и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ".—„Хорошо, — отвѣчалъ онъ, — положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ; если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею".—Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который давно уже за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ страннічій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. — „Добрый путь!—кричалъ ему бекъ,—куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ".—Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ; наконецъ, завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни брода.—„Плыви впередъ,—сказалъ Куршудъ-бекъ,—я за тобою послѣдую".—Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ—о горе! о всемогущій Аллахъ!—Куршудъ-бекъ, взявъ его одежды, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ; только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. „Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ,—говоритъ онъ,—вотъ его одежды".—Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери. „Мой сынъ утонулъ,—сказала она ей,—Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна".—Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала: „Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека; прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ".—Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ, странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ, наконецъ, въ Халафъ. По обыкновенію, взошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили,—ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая

по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ. Они туда.—„Иди съ нами къ великому пашѣ,— закричали они,—или ты отвѣчаешь намъ головою“.—„Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса,—говоритъ Ашикъ-Керибъ:—хочу—пойду, хочу—нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ“. Однако, несмотря на то, его схватили и привели къ пашѣ.—„Пой!“—сказалъ паша; и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ нравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблистали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ,—не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ и не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ то время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо.—„Возьми ты это блюдо,—говоритъ она,—и въ какой бы то городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его и, вдобавокъ, вѣсъ его золотомъ“.— Отправился купецъ, вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери; но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца.—„Это мое!“—сказалъ онъ, схвативъ его рукою.—„Точно, твое,—сказалъ купецъ:—я узналъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай же скорѣе въ Тифлисъ; твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другого“.—Въ отчаяніи Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако, онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ, измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня.—„Аллахъ всемогущій!—воскликнулъ онъ,—если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!“—И хочетъ онъ броситься съ высокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ и слышитъ громкій голосъ: „Огланъ [1]), что ты хочешь дѣлать?“—„Хочу умереть“, отвѣчалъ Ашикъ.—„Слѣзай же сюда, если такъ, я тебя убью“.—Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса.—„Ступай за мной“,— сказалъ грозно всадникъ.—„Какъ я могу за тобою слѣдовать,—от-

[1]) юноша.

„Какъ я могу за тобою слѣдовать“, отвѣчалъ Ашикъ: „Твой конь летитъ, какъ вѣтеръ“. („Ашикъ-Керибъ“).

Рис. худ. Е. Лансере.

вѣчалъ Ашикъ,—твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою". — „Правда; повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй". Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать.—„Что жъ ты отстаешь?"—спросилъ всадникъ.—„Какъ же я могу слѣдовать: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ".—„Правда: садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?"— „Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче", отвѣчалъ Ашикъ. „Закрой же глаза".—Онъ закрылъ.—„Теперь открой".—Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны, и блещутъ минареты Арзерума.—„Виноватъ, Ага,—сказалъ Ашикъ,—я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо въ Карсъ".—„То то же,—отвѣчалъ всадникъ,—я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой".—Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣна и сказалъ: „Виноватъ, Ага, трижды виноватъ твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ, по-настоящему, надо въ Тифлисъ".—„Экой ты невѣрный!—сказалъ сердито всадникъ,—но нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой",—прибавилъ онъ по прошествiи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: „Ага, конечно, благодѣянiе твое велико, но сдѣлай еще больше; если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое-нибудь доказательство".—„Наклонись,—сказалъ тотъ, улыбнувшись,—возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху; и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положенiи, помажь ей глаза,—и она увидитъ".—Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову,—всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель былъ не кто иной, какъ Хадерилiазъ [1]).

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря: „Ана, ана [2]), отвори! я Божiй гость, и холоденъ и голоденъ; прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня".—Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: „Для ночлега путниковъ есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы; ступай туда! тамъ можешь провести ночь въ удовольствiи".—„Ана,—отвѣчалъ онъ,—я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына, впусти меня!"—Тогда сестра его говоритъ матери: „Мать, я встану и отворю ему двери".—„Негодная!—отвѣчала старуха,—ты рада принимать молодыхъ людей и угощать

---

1) св. Георгiй. 2) мать.

ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе".—Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила двери и впустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: „Что виситъ у тебя на стѣнѣ?" „Любопытный ты гость,—отвѣчала она,—будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ". „Я ужъ сказалъ тебѣ,—возразилъ онъ,—что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?"—„Это саазъ, саазъ",—отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему.—„А что значитъ саазъ?"—„Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни".—И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. — „Нельзя, — отвѣчала старуха: — это саазъ моего несчастнаго сына; вотъ ужъ семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ, и ничья живая рука до нея не дотрогивалась".—Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву: „О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ такъ же стройна, какъ и въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней!"—И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ, и струны согласно заговорили, и онъ началъ пѣть; „Я бѣдный керибъ [1]), и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутого утеса. Хотя я бѣденъ, и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника". — Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: „Какъ тебя зовутъ?" —„Рашидъ" [2]), отвѣчалъ онъ.—„Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ,—сказала она,—своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ уже семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ; скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?"—И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сынамъ, но она не вѣрила. И спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: „Позвольте, матушка, взять саазъ и идти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба, сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами".—„Не позволю,—отвѣчала старуха.—Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому".—Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны.—„А если хоть одна струна порвется, — продолжалъ ашикъ, — то отвѣчаю моимъ имуществомъ".—Старуха ощупала его суму и, узнавъ, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна

[1]) странникъ. [2]) простодушный.

„Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ", отвѣчала Магуль-Мегери и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. („Ашикъ-Керибъ").

Рисун. худ. Е. Лансере.

была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой [1]) со своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опустить голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: „Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ позвольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами; и за то я спою вамъ пѣсню". —Почему же нѣтъ,—сказалъ Куршудъ-бекъ.—Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, потому что здѣсь свадьба: спой же что-нибудь, ашикъ [2]), и я отпущу тебя съ полной горстью золота".

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его: „А какъ тебя зовутъ, путникъ?" — „Шинди-герурсезъ" [3]).— Что это за имя! — воскликнулъ тотъ со смѣхомъ,—я въ первый разъ такое слышу".—„Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: „шинди-герурсезъ". И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя".—Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

„Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья, и я прилетѣлъ сюда въ три дня".

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ кинжалъ, воскликнулъ: „Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня!"

„За что жъ ты меня хочешь убить,—сказалъ ашикъ,—пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру,—вѣрьте мнѣ или не вѣрьте".

„Пускай продолжаетъ",—сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

„Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской долинѣ, полуденный намазъ въ городѣ Арзерумѣ, предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ и вечерній намазъ—въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья, и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ [4]) далъ Ашику крылья, и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери".

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую.—„Такъ то ты сдержала свою клятву,—сказала ея подруга,—стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?"—„Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ",—отвѣчала Магуль-Мегери, и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею, и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, промолвивъ:

1) занавѣсъ. 2) пѣвецъ. 3) скоро узнаете. 4) Господь нашъ.

„Успокойся и знай: что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ“.

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

„Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ,—сказалъ женихъ.— Но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?“—„Въ доказательство истины,—отвѣчалъ ашикъ,—сабля моя перерубитъ камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видала свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе“. Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери.—„Матушка!—закричала она,—это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ!“— И, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя:—„Знайте, всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадериліазъ!“ И мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашикъ-Керибъ, сказалъ ему: „Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу! Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя—и будьте такъ же счастливы, какъ я съ моей дорогою Магуль-Мегери“.

Отрывокъ изъ начатой повѣсти.

(1841 г.)

I.

У граф. В*** былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три модныя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ и одинъ гвардейскій офицеръ. Около десятка доморощенныхъ львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ, было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ, пришпиленный къ голубому банту, сверкалъ брилліантовый вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на этомъ лицѣ сіяла печать мысли.

„Здравствуйте, мсье Лугинъ, — сказала Минская кому то. — Я устала... Скажите что-нибудь“. — И она опустилась въ широкое пате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало ясно, что онъ не принадлежалъ къ числу ея обожателей.

„Скучно! — сказала Минская и снова зѣвнула. — Вы видите, я съ вами не церемонюсь,“ — прибавила она.

„И у меня сплинъ!..“ — отвѣчалъ Лугинъ.

„Вамъ опять хочется въ Италію, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, — не правда ли?“ — Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

„Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи! Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми,—и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галлереѣ испанской школы, такъ нѣтъ! все остальное, какъ и прежде; одни лица измѣнились: мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны".

Минская улыбнулась.

„Призовите доктора",—сказала она.

„Доктора не помогутъ: это сплинъ!"

„Влюбитесь!"

(Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что то похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить).

„Въ кого?"

„Хоть въ меня!"

„Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно; и потомъ, скажу вамъ откровенно, ни одна женщина не можетъ любить меня".

„А эта... какъ бишь ее, итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?.."

„Вотъ видите,—отвѣчалъ задумчиво Лугинъ,—я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ, точно, случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти; но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло—нѣтъ; я дуренъ, и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ. Это ясно. Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости; все это грустно, а правда!.."

„Какой вздоръ!"—сказала Минская; но, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ничуть не привлекательна. Несмотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія, во всемъ его существѣ вы бы не встрѣтили ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ; говорилъ рѣзко и отрывисто; больные и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица—признаки постояннаго и тайнаго недуга—дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три

года лѣчился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылѣчился, но, по крайней мѣрѣ, нашелъ средство развлекаться съ пользой: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ дышало всегда какое то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ иногда изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской: ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился, и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гёте: „Лѣсной царь". Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

„Куда вы?"—спросила Минская.

„Прощайте".

„Еще рано".

Онъ опять сѣлъ.

„Знаете ли,—сказалъ онъ съ какою то важностью,—что я начинаю сходить съ ума?"

„Право?"

„Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ: кто то мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и—какъ вы думаете, что?—адресъ. Вотъ и теперь слышу: въ Столярномъ переулкѣ, у Кокушкина моста, домъ титулярнаго совѣтника Штосса, квартира нумеръ 27, —и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!.."

Онъ поблѣднѣлъ; но Минская этого не замѣтила.

„Вы, однако, не видите того, кто говоритъ?"—спросила она разсѣянно.

„Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ".

„Когда же это началось?"

„Признаться ли? я не могу сказать навѣрное... не знаю... Вотъ что, право, презабавно!"—сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

„У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ушахъ звенитъ".

„Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться."

„Самое лучшее средство,—сказала Минская, подумавъ съ минуту,—идти къ Кокушкину мосту, отыскать этотъ нумеръ и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой-нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то, для приличія, закажите ему работу и, возвратясь домой,

ложитесь спать, потому что... Вы, въ самомъ дѣлѣ, нездоровы...“ — прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

. „Вы правы, — отвѣчалъ угрюмо Лугинъ, — я непремѣнно пойду“. Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему вослѣдъ съ удивленіемъ.

II.

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; дома казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извозчики на биржахъ дремали подъ рыжими полостями своихъ саней; мокрая длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ какой то сѣро-лиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ, напримѣръ, у Кокушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, не стройный, но съ широкими плечами, въ пальто и, вообще, одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство. „Гдѣ Столярный переулокъ?“ — спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извозчика, который въ эту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извозчикъ посмотрѣлъ на него, хлестнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. „Ужъ, полно, есть ли Столярный переулокъ?“ Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

„Столярный? — сказалъ мальчикъ, — а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо: первый переулокъ и будетъ Столярный“.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидалъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ: „Гдѣ домъ Штосса?“

„Штосса? Не знаю, баринъ, здѣсь эдакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...“

„Да мнѣ надо Штосса...“

„Ну, не знаю... Штосса, сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ; и потомъ прибавилъ:—нѣтъ, не слыхать-съ!“

Лугинъ пошелъ самъ смотрѣть надписи; что то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка, и ни одна надпись ничѣмъ не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи; онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и, сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи: доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно не бритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

„Эй, дворникъ!“—закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что то проворчалъ сквозь зубы.

„Чей это домъ?“

„Проданъ!“—отвѣчалъ грубо дворникъ.

„Да чей онъ былъ?“

„Чей?—Кифейкина, купца“.

„Не можетъ быть! вѣрно, Штосса!“ — воскликнулъ невольно Лугинъ.

„Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса“,—отвѣчалъ дворникъ, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ будто предчувствуя несчастіе. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои изслѣдованія? Не лучше ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя видимъ насъ ожидающую бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами; наконецъ, обратился къ дворнику съ вопросомъ:

„Новый хозяинъ здѣсь живетъ?“

„Нѣтъ“.

„А гдѣ же?“

„А чортъ его знаетъ!“

„Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?“

„Давно“.

„А есть въ этомъ домѣ жильцы?“

„Есть“.

„Скажи, пожалуйста,—сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый,—кто живетъ въ 27 нумерѣ?“

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

„Въ 27 нумерѣ?.. Да кому тамъ жить! онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой“.

„Развѣ его не нанимали?“

„Какъ не нанимать, сударь, нанимали!“

„Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...“

„А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ“.

„Ну, а кто его послѣдній нанималъ?“

„Полковникъ, изъ анжинеровъ, что ли“.

„Отчего же онъ не жилъ?“

„Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его послали въ Вятку,— такъ нумеръ пустой за нимъ и остался“.

„А прежде полковника?“

„Прежде его было нанялъ какой то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣхалъ: слышно, умеръ“.

„А прежде барона?“

„Нанималъ купецъ для какой то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...“

„Странно!“—подумалъ Лугинъ.

„А можно посмотрѣть нумеръ?“

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

„Какъ нельзя? можно!“—отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ, по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ, и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно, въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще, комнаты имѣли какую то странную, несовременную наружность. Она, не знаю почему, понравилась Лугину.

„Я беру эту квартиру,—сказалъ онъ. -Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри, сколько паутины... да надо хорошенько вытопить“. Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перстни—все было очень плохо сдѣ-

лано; зато въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое, попеременно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ-нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу, — вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашомъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій,—и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе — и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только генію или случаю.

„Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру!"—подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресла, опустилъ голову на руки и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

„Что жъ, баринъ?"—проговорилъ онъ наконецъ.

„А?"

„Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ".

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостиницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

„Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить!—думалъ Лугинъ.—Моимъ предшественникамъ, видно, не суждено было въ нее перебраться; это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!.. Что жъ?—ничего".

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... Надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, чтобъ лечь въ постель, онъ подошелъ со свѣчой къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: *середа*.

„Какой нынче день?"—спросилъ онъ Никиту.

„Понедѣльникъ, сударь..."

„Послѣзавтра середа",—сказалъ разсѣянно Лугинъ.

„Точно такъ-съ".

Богъ знаетъ почему, Лугинъ на него разсердился.

„Пошелъ вонъ!"—закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головой и вышелъ. Послѣ этого Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частью маленькихъ, была одна размѣра довольно значительнаго. Посреди холста, исчерченнаго углемъ, мѣломъ и загрунтованнаго зелено-коричневой краской, эскизъ женской головки остановилъ бы вниманіе знатока; но, несмотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ—женщину-ангела,—причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько-нибудь испыталъ жизнь. Однако, есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ жалкихъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ,—это правда, однако, въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили даже выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія посторонniя и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ; но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу—любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, съ Лугинымъ ничего особеннаго не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ рисовать—кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать—взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и въ холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчъ и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой то старинный нѣмецкій вальсъ. Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно.

Онъ началъ ходить по комнатѣ; небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло, именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки. И онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной и истинной, и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился; сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ кѣмъ то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него,— сходство было разительное: онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери. „Кто тамъ?"— вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто хлопали туфли: известка посыпалась съ печи на полъ. „Кто это?"—повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежь, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сгорбленный старичокъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ Лугина, другую передъ собой и улыбнулся.

„Что вамъ надобно?"—сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались, и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незванаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

„Это несносно!"—сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичокъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съеживался; наконецъ, принялъ прежній видъ.

„Хорошо,—подумалъ Лугинъ,—если это привидѣніе, то я ему не поддамся".

„Не угодно ли, я вамъ промечу штоссъ?"—сказалъ старичокъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

„А на что же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе). А если хотите,—продолжалъ онъ,—я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ".

Старика эта шутка нимало не сконфузила.

„У меня въ банкѣ вотъ это!"—отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

„Это? сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво. Что̀ это?"

Возлѣ него колыхалось что то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

„Мечите!—сказалъ онъ потомъ, оправившись; и, вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту.—Идетъ, темная".

Старичокъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она съ оника была убита; старичокъ протянулъ руку и взялъ золотой.

„Еще талью!"—сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

„Что же это значитъ?"

„Въ середу,"—сказалъ старичокъ.

„А, въ середу,—вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ.—Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу!—завтра или никогда! Слышишь ли?"

Глаза страннаго гостя пронзительно засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

„Хорошо!"—наконецъ, сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась; въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли, и мало-по-малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молоткомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. „Однако жъ я не поддался ему! говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить.—Переупрямилъ! Въ среду! какъ бы не такъ! что я за сумасшедшій! Это хорошо, очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается. А какъ похожъ на этотъ портретъ!.. ужасно, ужасно похожъ!.. А! теперь я понимаю!.."

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера. „Однако, я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ!—думалъ онъ. Вѣрно, что-нибудь необыкновенное!" Когда наступила полночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичокъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому, не ожидая отъ Лугина никакого

сопротивленія; въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнетическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

„Позвольте!..“—сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду.

Старичокъ сидѣлъ неподвиженъ.

„Что бишь я хотѣлъ сказать?.. Позвольте... да!..“

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

„Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?“

Старичокъ улыбнулся.

„Я иначе не играю“,—проговорилъ Лугинъ; а между тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

„Что-съ?“— проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

„Штоссъ?—это.. “ У Лугина руки опустились; онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье то свѣжее, ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновеніе. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: онъ на мгновеніе обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобъ заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное видѣніе: склонясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнаты, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства; то не былъ также пустой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда; то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ на колѣнахъ, и плачемъ, и молимъ, и радуемся, Богъ знаетъ чему,—одно изъ тѣхъ божественныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ для себя новую природу, лучше и полнѣе той, къ которой она прикована.

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичокъ сталъ метать; карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

„Завтра!“—сказалъ Лугинъ.

Старичокъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась. Всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ: онъ былъ увѣренъ, что, наконецъ, хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ свиданія, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она—не знаю, какъ назвать ее—она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ; казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: „Смѣлѣе, не упадай духомъ, подожди: я буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю!“—и жестокая, молчаливая печаль покрывала своею тѣнью ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что-нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился...

Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти.

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видали, и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большого свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли,—и слава Богу! потому что иначе я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая; пріятельницы—что она преглупенькая; соперницы—что она предобрая; молодыя женщины—что она кокетка; а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ недостаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. Притомъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются, и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными; но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень,—да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на-дняхъ.

тогда какъ съ большею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни и забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволнованну сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнью, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже, вѣрно, другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они то самыя важныя и есть; они то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ—возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской; а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась во-

кругъ нихъ, и порой двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать, -и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора – признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!..

Мужики Арбенина, большею частью, занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи; и еслибъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный

возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но увы! никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію...

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія къ IV тому.

Вадимъ. Автографъ Лерм. музея (XVI). Впервые напеч. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1873, X, 458—557.

Черновые варіанты:

Стран. 3, строка 1. Весенній день угасалъ; лиловыя тучи...

Строка 2. ...красныя полосы...

Строки 6—7. ...съ такимъ важнымъ видомъ, что иные, можетъ быть, изъ усердія (не знаю, къ чернымъ клобукамъ или къ религіи) были готовы слѣдовать Евангельскому предписанію и, вѣрно, потому оборачивались къ нимъ то правымъ, то лѣвымъ бокомъ.

Строка 13. ...милости прохожихъ.

Стран. 4. Послѣ строки 4: Ничего. Дайте имъ денегъ, (богатство, сокровище), дайте придворному (корону) королевство, хоть рай—это все равно. Всѣ они проводятъ подлую жизнь у ногъ своего кумира и всѣ останутся навѣки у ногъ его. (У нихъ одна только страсть—деньги; но они никогда не удовлетворятъ страсть: эта страсть есть желаніе безъ твердой воли; они не жрецы своего кумира—они рабы его!) Никто не получаетъ своего счастья; но великія души, стремясь къ великой цѣли, попираютъ мелкія блага людей ничтожныхъ; и эти завидуютъ—глупцы. Ихъ престолъ дѣлается подножникомъ, и они этого не замѣчаютъ; (они увѣрены, что если другой имѣетъ все, что они желаютъ получить, то ему невозможно желать еще болѣе!...). Они не вѣруютъ генію, пока онъ не причинитъ имъ столько зла, что превзойдетъ всѣхъ соперниковъ; ибо добромъ ни до чего не достигнешь: въ добрѣ будешь имѣть соперникомъ Бога,—а развѣ люди признаютъ Его благодѣянія?—нѣтъ! Терзай человѣчество, но докажи ему своимъ презрѣніемъ, что оно достойно казни (но самъ творецъ въ каждомъ сердцѣ находитъ какую-нибудь неблагодарность).

Строка 10. ...желтъ и мраченъ, какъ лобъ ученаго.

Строка 19. ...столько ангельскаго, божественнаго...

Строка 24. ...чтобы наполнить жизнь до краевъ.

Строка 25. ...разсматривалъ нарисованнаго чорта, героя страшнаго суда.

Строка 26. ...сожалѣлъ объ немъ: чортъ держалъ въ рукахъ цѣпь, которою окружилъ грѣшниковъ, и занятіе мучить глупцовъ казалось для него, наблюдателя, такъ...

Строки 37—38. Что же увидалъ онъ? чудо?—нѣтъ...

Строка 39. ...еще крѣпкаго...

Строки 40—41. ...одѣтаго въ мундиръ...

Стран. 3, строка 4. ...положилъ цѣлковый...

Строка 11. ...яркіе и большіе глаза...

Строка 12. ...окаменѣвшая молнія: онъ узналъ... узналъ! Этотъ человѣкъ (былъ для него) составлялъ (половину) главную роль его существованія.

Строка 13. ...не могъ измѣнить его сверхъестественной власти...

Строка 19. ... Палицынъ остановился.
Строка 23. ...вылила холодную воду...
Строка 27. Если ты, баринъ, сомнѣваешься...
Строка 31. Нищій согнулся...
Строка 34. ...за годъ до Пугачева.
Строки 40—43 ...нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и они замолчали; низкія души завидуютъ...
Строка 44. ...сказалъ Палицынъ; онъ сѣлъ въ одноколку.
Стран. 6, строка 8. ...возвратился Борисъ Петровичъ...
Строки 10—11. ...можно было узнать, съ которой стороны строеніе; шумный вѣтеръ качалъ ветлы, которыми былъ обсаженъ господскій дворъ.
Строка 12. ...слуги вышли съ принужденной улыбкой удовольствія...
Строка 15. ...оконницы дрожали отъ вѣтра и мелкаго да рѣдкаго дождя.
Строки 16—17. ...во вкусѣ того вѣка...
Строка 24. ...Жирѣть, спать, раскладывать карты, бранить...
Строка 32. Настасьи Сергѣевны...
Строка 33. ...молодая дѣвушка 17 лѣтъ.
Стран. 7, строка 6. Эй, Вадимка,—онъ свиснулъ,—живо...
Строка 12. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? Смотрѣлъ на земного ангела и думалъ, что самъ онъ демонъ, и со всѣмъ тѣмъ онъ любилъ ангела, молодую дѣвушку; онъ открылъ...
Строка 13. ... новую цѣль своему существованію: величайшее зло и величайшее добро часто очень близки другъ къ другу.
Строка 18. Охота приводить такую пугалу...
Строка 25. ...какъ ты хороша!
Строки 39—40. ...что былъ Наполеонъ для всего человѣчества.
Стран. 8, строка 6. Хочешь ли знать, куда? — и горькая улыбка озарила мрачныя черты.
Строка 9. ...на днѣ которыхъ кровь...
Послѣ строки 17: Глава IV (домъ на берегу Волги).
Послѣ строки 40: Такъ разговоръ этотъ прекратился.
Стран. 9, строка 9. ...парень веселый...
Строка 25. ...тонкія, свѣжія дерева...
Строка 31. ...жестокость помѣщика...
Строка 42. ...чѣмъ недостатокъ добродѣтелей, и какъ онъ терпѣливъ въ великихъ несчастіяхъ и благороденъ въ счастіи (довольствѣ)—непосредственность его портитъ.
Строки 42—43. Въ 1774 году дворянство...
Стран. 10, строка 2. Домъ Бориса Петровича стоитъ на берегу Суры.
Строка 3. ...по скату берега стоятъ избы...
Строка 7. ...и еще далѣе большая дорога и противный берегъ...
Строка 25. ...уѣхалъ на охоту...
Строка 41. ...былъ богатъ всѣми чувствами, кромѣ одного... нѣтъ...
Строка 42. ...былъ доволенъ, но мысль убила чувства.
Стран. 11, строка 7. Этотъ человѣкъ, чужой, отчужденный отъ всего человѣчества самою природой...
Строка 33. ...кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами, кто одной клеветой уничтожилъ цѣлое семейство!...
Строка 34. ...тяжбу о земляхъ и проигралъ ее; написалъ ужасный доносъ—и твой отецъ былъ сосланъ. Первый неудачный опытъ мести подстрекнулъ его злобу... и твой отецъ погибъ—неповинной.
Стран. 12, строка 23. ...давно извѣстной...
Строка 25. ...цѣлая поэма.
Стран. 13, строка 1. которыя тѣснились...
Строка 16. ...полураскрытыя уста...

Стран. 14, послѣ строки 19: Величайшее добро и величайшее зло иногда очень близки другъ къ другу.

Стран. 15, послѣ строки 26: Глава VII (Ольгу заставляютъ плясать, а потомъ захотятъ насилія, она придетъ къ Вадиму).

Стран. 17, послѣ строки 33: Между тѣмъ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ; и Борисъ Петровичъ сердится.

Строка 36. ...эта улыбка имѣла въ себѣ что то нечеловѣческое...

Стран. 18, послѣ строки 18: ...и гордость хотѣла проснуться, но мщеніе холодной рукой удержало ее, сказавъ: еще рано!...

Строка 20. ...то трудно было бы повѣрить...

Строка 25. ...надѣясь встрѣтить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! рабы улыбались.

Стран. 20, строка 4. ...изломанныхъ соломинокъ...

Строка 21. Точно?—сказала Ольга, но голосъ былъ страненъ.

Строка 43. ...сокрушить божество.

Стран. 21, строка 3. ...не позволю низкому, бездушному человѣку отравить жизнь свою.

Стран. 21, строка 13. ...такъ сильно...

Строка 23. ...я тебѣ открою все мое сердце, и ты поймешь эту адскую, странную душу...

Строка 46. ...ужасный голосъ...

Стран. 22, строка 5. ...однажды у игумена въ кельѣ посмотрѣлся я въ зеркало.

Строка 18. ...сидѣлъ на крыльцѣ храма...

Послѣ строки 25: ...вольный или рабъ?

Послѣ строки 38: ...насмѣшка надъ самимъ собою...

Послѣ строки 45: ...и прижалъ къ губамъ ея полную руку.

Стран. 25, строки 13—22. Два года ждала красавица своего суженаго; разъ на святки, ночью, когда она смотрѣла въ зеркало, явился женихъ, но на мѣстѣ сердца у него была глубокая рана; (и) и его разговоръ былъ не что иное какъ свистъ вѣтра, который гулялъ въ его пустомъ черепѣ; и, вмѣсто слезъ, песокъ сыпался изъ открытыхъ глазъ его... Это преданіе народное. Пожалуй, не вѣрьте.

Стран. 26, строка 6. ...и зашипѣлъ самоваръ.

Строка 7. ...не знала, какъ угостить милаго пріѣзжаго; они всѣ составляли семейственную картину.

Строка 20. ...щеки его горѣли, и онъ казался героемъ.

Строка 30. ...гордость дышала въ этомъ желаніи съ тѣхъ поръ, какъ братъ открылъ ей, что ея родители были дворяне, онъ и въ ея сердцѣ пробудилъ новыя пружины ...она видала равныхъ себѣ въ господахъ и...

Стран. 27, строка 43. Она молча склонила голову на грудь и удалилась.

Стран. 28, строка 4. ...туманной пеленой...

Строка 8. ...восторгомъ свиданья.

Строка 28. ...минутнымъ отсутствіемъ...

Строка 29. ...встрѣтилъ на стѣнѣ...

Стран. 29, строка 2. ...ищетъ разсѣянія и встрѣчаетъ пустоту, однообразіе...

Строки 10—14. ...этого очарованнаго воздуха, который окружалъ его Ангела и превращалъ въ новый міръ эту небольшую комнату, обвѣшанную платьями и украшенную одной постелью, которую не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета.

Стран. 30, строки 14—19. Не сердись! Я, право, добрый малой, который любитъ вино и войну, какъ всякой честный солдатъ... говорю безъ осторожности все... ты мила, мила... зажми мнѣ губы своей рукою... я всетаки объяснюсь этой рукѣ... я до тѣхъ поръ зацѣлую ее, что она покраснѣетъ и устанетъ...

Стран. 31, строка 42. ...говорить ему...

Стран. 32, строка 19. ...я погибъ для тебя...

Строка 22. ...стѣны должны бы были рушиться, какъ сказалъ одинъ извѣстный писатель.

Строка 31. Полуслова въ безпорядкѣ вырывались...
Строка 32. ...каждое слово стоило цѣлой поэмы.
Строка 33. ...одушевленное звукомъ голоса, теплотой души...
Стран. 33, строка 20. ...зеленый берегъ...
Стран. 34, строка 19. ...ты будешь моею, никто не помѣшаетъ мнѣ.
Строка 31. „Послушаемъ, что такое"...
Стран. 35, строка 8. Какая радость этой доброй женщинѣ: мужъ избавился отъ грѣха, а сынъ...
Строки 18—19. ...оно не было слишкомъ взыскательно, какъ въ нашемъ 19-томъ.
Стран. 36, строка 14. ...какой то удалецъ подъ названіемъ Красной Шапки.
Строка 17. Федосей, по прозванію Атуевъ...
Строка 19. Я его видѣлъ,—отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой,—и вы его скоро увидите. Клянитесь, что его слово будетъ для васъ свято. Деньги и вино—это его дѣло и также потѣшитъ онъ васъ. Ужъ одинъ человѣкъ попляшетъ по-казацки... знаешь, тамъ, гдѣ полу нѣтъ... съ воронами вмѣстѣ... Клянитесь!...
Стран. 37, строка 13. ...онъ ѣхалъ беззаботно, какъ южная птица...
Послѣ строки 19: въ эту минуту онъ имѣлъ въ своей власти жизнь и смерть, и онъ выбралъ смерть.
Строка 28... казакъ съ почтеніемъ съѣхалъ съ дороги...
Строка 35. Одно дыханіе бога могло разрушить зданіе, построенное на старинномъ закоренѣломъ чувствѣ мести.
Строки 35—47. ...такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ въ этотъ ужасный разными мечтами мигъ, остановилъ бы свое мщеніе, еслибъ возможно было остановить стрѣлу (сорвавшуюся съ тетивы), которая сорвалась съ тетивы и до половины уже свершила путь свой.
Строка 46. ...уничтожить труды многихъ дней...
Стран. 38, строка 5. ...прикрытый нищенскимъ рубищемъ, кипящій, воспламененный...
Строка 39. ...можетъ быть, не только жизнь, но и чувства святѣйшія...
Стран. 39, строка 2. ...гдѣ онъ и съ кѣмъ; вспыхнувшее чувство оледенѣло въ его груди...
Стран. 40, строка 18. ...рождались непріятныя, отвратительныя мысли.
Строка 25. ...цѣлое произвело бы на васъ непріятное вліяніе...
Строка 31. ...каждаго богомольца по движенію губъ и глазъ и другимъ...
Строка 37. ...бродящій взоръ...
Стран. 41, строка 9. Разъ госпожа и крестьянка...
Строка 27. ...и со всѣмъ тѣмъ его страданья не могли убить любви.
Стран. 42, строка 14. ...суждено покинуть его навсегда.
Строка 29. ...слова съ крикомъ...
Стран. 43, строка 11. ...ежеминутно приходили...
Строка 20. ...мелкія презрительныя страсти.
Строка 27. ...больше всѣхъ смѣялись.
Стран. 44, строка 27. ...на полутемномъ...
Стран. 45, строка 46. Настасью Сергѣевну.
Стран. 46, строка 33. Отопри скорѣе.
Строка 34. ...пробормотала Ульяна...
Стран. 47, строка 20. ...стараясь убѣдиться, точно ли это онъ. Хозяйка, выпуча глаза, смотрѣла на обоихъ въ недоумѣньи.
Стран. 49, строка 37. Держись, баба!
Стран. 52, строка 11. ...медленно заперъ дверь.
Стран. 53, строка 23. ...сказала она холодно.
Стран. 54, строка 7 ...не надѣйся! я тебя заставлю жить.
Строка 21. ...скрыть смущеніе...
Стран. 55, строка 27. ... отклоняться отъ сего направленія, чтобъ надѣяться когда-нибудь достигнуть цѣли своего странствованія...

Строки 32—33. ... колоды, обросшія зеленью и плющемъ, какъ неумолимый шлагбаумъ, преграждаютъ путь.

Строка 37. ...глухимъ шепотомъ...

Стран. 56, строка 4. ...пѣною, которая, какъ взбитое мыло.

Строка 12. ... поляна, усѣянная...

Строка 23. ...каждая галлерея ведетъ...

Строка 37. ...земляной сводъ ея...

Стран. 59, строка 24. ...чрезвычайно обыкновенная...

Строка 27. ...несмѣлые кустарники...

Стран. 60, строка 8. ...останавливать ретиваго коня...

Стран. 61, строки 13—14. Но скоро, посредствомъ нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ убѣдилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился, какъ разумный человѣкъ...

Строка 32. ...отвратить свою мысль...

Строка 34. ...сильныя средства...

Строки 43—44. ...растерянныя имъ на пути жизни...

Строка 45. ...были расхищены жадными птицами...

Стран. 62, строка 25. ...дали сто рублей...

Стран. 63, строка 11. ...вдали пылаютъ села...

Стран. 63, строка 29. Страсть была во всемъ, въ слезѣ, въ улыбкѣ...

Строки 34—35. ...разсыпающіеся каскадомъ...

Строки 36—37. ...не удостоивъ будущаго даже мгновенной мыслью.

Стран. 64, послѣ строки 39. Война кончилась. Юрій вернулся на родину; новый воздухъ возбудилъ въ немъ новыя чувства.

Строка 47. ...своихъ любезныхъ...

Стран. 65, послѣ строки 11: Онъ сидѣлъ на травѣ. Но кто объяснитъ таинственную загадку страсти?..

Строка 30. ...лѣвою рукою.

Стран. 66, строка 66. ...лежала бѣдная Ольга...

Строка 40. ...мольбами, тоскою, я рождена для него.

Стран. 67, строка 8. ...все ли безопасно...

Строка 13. ...вскрикнула и отскочила...

Строка 14. ...грызъ землю и стоналъ...

Строка 32. ...кидалъ деньги...

Строка 34. ...въ его страстныя, коварныя объятья...

Строка 37. ...онъ долженъ быть съ этими выкатившимися, бѣлыми...

Стран. 68, строка 17. ...ступай, куда хочешь, я и тебя ненавижу!

Строка 19. ...высокомѣрный юноша!

Стран. 69, строка 34. Молодая женщина, продрогнувъ и снявъ чулки, обтирала...

Стран. 70, строка 1. ...опускались, какъ будто бы стыдясь...

Строка 16. ...все поднялось... о змѣи!

Строка 43. ...я былъ счастливъ. А двумъ смертямъ не быть!

Стран. 71, строка 1. ...клянусь, ты не узнаешь, что...

Стран. 72, строки 14—15. ...держа передъ собою вострое оружіе и ощупывая стѣны передъ собою.

Строка 23. ...этого жилища мрака...

Стран. 73, строка 17. ...отецъ и сынъ плакали, цѣлуя другъ друга...

Стран. 74, строка 1. ...тысячу чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ, и часто дѣйствія противоположныхъ причинъ...

Строки 12—13. ...ты блѣдна, похудѣла...

Строка 24. Вадимъ не былъ въ праздности!..

Строка 32. И вдругъ глаза его упали на что то цвѣтное...

Стран. 75, строка 20... они не хотѣли вѣрить. .

Строка 35. ...безъ палки...

Стран. 78, строка 14. ...отвернулся, чтобы не могли замѣтить его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ, и отошелъ прочь.

Строка 43. Онъ безмолвствовалъ, тысячу средствъ являлось его уму...

Стран. 79, строка 12. ...отрядъ вольныхъ казаковъ.

Строка 15. ...шло нѣсколько мужиковъ...

Строка 21. Когда Орленко поровнялся съ ними, то велѣлъ...

Строка 36. ..горло засохло, какъ Уральская степь, и сердце остыло...

Строки 44—45. ...казаки Орленки смѣшались съ новыми и подняли веселый разговоръ.

Стран. 81, строка 21. ...шумъ началъ возрастать, и тутъ то пошла потѣха...

Строка 30. ...и умнѣе попа...

Стран. 82, строка 33. ...дѣвушка, не помня себя, укусила...

Строка 46. ...ему накинули на шею петлю...

Стран. 83. строка 1. ...черезъ толстый сукъ и вздернули...

Строка 5. ...онъ захрипѣлъ...

Строка 25. ...мечта сумасшедшаго...

Стран. 84, строка 6. ... сказалъ онъ съ пьяной улыбкой, ударивъ его по плечу.

Строка 12. Зачѣмъ же ты меня спрашиваешь, почему я утромъ и молчаливъ.

Строка 13. ...съ видомъ презрѣнія пожалъ плечами...

Послѣ строки 12: Скоро все утихло, и Вадимъ спокойно заснулъ, прислонясь къ сучковатой березѣ.

Строка 26. ...то оканчиваю свои извиненія.

Строка 28. ...ревѣлъ несчастный...

Стран. 85, строка 3. ...вовсе не человѣческіе...

Строка 19. Хозяйка вскрикнула, когда открылась дверь, но, узнавъ вошедшаго гостя...

Строка 43. ...края утреннихъ облаковъ...

Стран. 86, строка 37 ...минутъ черезъ 10 возвратились...

Стран. 88, строка 4. А Богъ знаетъ, баринъ...

Повѣсть не окончена.

Товарищъ Л-ва, *А. Меринскій*, передаетъ, что М. Ю. не переставалъ интересоваться этимъ сюжетомъ и въ Юнкерской школѣ. „Въ то время Л—въ писалъ не одни шаловливыя стихотворенія; но только не многимъ и не многое показывалъ изъ написаннаго. Разъ, въ откровенномъ разговорѣ со мной, онъ мнѣ разсказалъ планъ романа, который задумалъ писать прозой и три главы котораго были тогда уже имъ написаны. Романъ этотъ былъ изъ временъ Екатерины II, основанный на истинномъ происшествіи, по разсказамъ его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой то нищій игралъ значительную роль въ этомъ романѣ; въ немъ также описывалась первая любовь, не вполнѣ раздѣленная, и встрѣча одного изъ лицъ романа съ женщиной съ сильнымъ характеромъ [1]), что разъ случилось и съ самимъ поэтомъ въ его ранней юности, какъ онъ мнѣ самъ о томъ разсказывалъ и о чемъ, кажется, намекаетъ въ одномъ мѣстѣ записокъ Печорина... Романъ, о которомъ я говорилъ, мало кому извѣстенъ, и нигдѣ о немъ не упоминается; онъ не былъ оконченъ Лермонтовымъ и, вѣроятно, имъ уничтоженъ“... („Атеней“ 1858 г., № 48, стр. 300).

Въ письмѣ къ М. А. Лопухиной Лермонтовъ писалъ объ этомъ романѣ: „J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman devient une oeuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!..

Въ этой повѣсти видны слѣды вліянія Гюго.

---

[1]) Лопухина-Бахметева?

Княгиня Лиговская. Автографъ Имп. Публ. Библіот. Впервые напеч. въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1882 г., кн. I, стр. 120—81. Эпиграфъ взятъ изъ XVI строфы 1-й главы „Евгенія Онѣгина“. Черновые варіанты:

Стран. 91, строка 3. ‘Въ 1833 году, декабря 15 дня, въ 5 часовъ пополудни...

Строки 6—7. ...событіе, на которомъ основывается вся цѣпь...

Строка 15. ...воротникъ и темнота...

Строка 24. ...былъ бѣденъ и такъ невиненъ...

Стран. 92, строка 2. ...озаренной подобно волшебному дворцу...

Строка 21. ...ноги у него...

Строка 22. ...рѣшотку канавы...

Стран. 93, строка 12. Лицо моего героя (виноватъ, онъ совсѣмъ не герой этого романа)...

Строка 15. Въ его улыбкѣ, въ его физіогноміи...

Строка 40. И потомъ мнѣ эта барыня сказала...

Стран. 94, строка 31. А ты спалъ! какъ это весело!..

Строки 34—35. Изъ какой награды мы обязаны...

Строка 36. Безъ всякой награды.

Строка 38. И что мы станемъ дѣлать между собой?

Стран. 96, строка 1. ...порядочною картинкой. Увы! на ней не было подписи Рафаэля или другого итальянца...

Стран. 97, строка 19. ...преимущество для молодыхъ людей, которые...

Строка 23. ...Негуровы: дядя, тетка...

Стран. 98, строка 41. ...даже украдкой не взглянуть...

Строка 44. Бывало, когда театральные рыдваны...

Стран. 99, строка 33. Молчаніе было довольно долгое.

Строка 34. ...и всѣ предчувствовали исторію.

Строка 36. Этотъ господинъ...

Стран. 100, строка 3. ...Уваженіе друзей, хорошее мнѣніе начальства.

Стран. 101, послѣ строки 40. Лицо Печорина сдѣлалось мрачно.

Стран. 102, строка 24. ...блестящія лорнетки...

Строка 34. Печоринъ, закутанный въ шинель, принадлежалъ къ кружку равнодушныхъ зрителей.

Строка 36. ...привѣтливую улыбку...

Строки 39—40. ...вы недовольны своимъ вечеромъ, театромъ?...

Стран. 103, строка 3. Вы этимъ никого не обнадеживаете.

Стран. 104, строка 36. ...за работой у преддверія порядочнаго дома...

Строка 42, ...у которой рябая и толстая горничная.

Стран. 112, строка 25. ...бѣлокурая, съ черными глазами...

Строки 45—46. ...воспользовался этимъ молчаніемъ...

Стран. 103, строка 1. Княгиня старалась такъ...

Строки 20—21. ... произнести имя одного изъ своихъ родственниковъ, имя, которое оканчивалось...

Стран. 114, строка 1. Вы думаете...

Строка 28. ...а были заплачены нѣсколько менѣе...

Стран. 115, строка 2. ...на лицѣ ея всѣ побужденія...

Стран. 117, строка 7. Жоржъ тута не явился. Еслибъ онъ не былъ богатъ и не имѣлъ протекціи, его бы об...

Послѣ строки 15: И они убѣжали другъ отъ друга, какъ будто совершили преступленіе.

Стран. 118, строка 3. ...дѣвственномъ челѣ ея, Печоринъ вырвалъ свои руки...

Строка 11. ...не выходила изъ данныхъ формъ...

Строка 17. ...милое лицо Вѣрочки...

Стран. 119, строка 9. ...и велѣлъ сказать кучеру Браницкаго...

Стран. 122, строки 3—4. Не согласны ли вы со мною? — спросилъ вдругъ Печоринъ даму въ малиновомъ беретѣ.

Стран. 127, строка 36. ...мрачныя, блѣдныя лица...

Стран. 131, строка 15. ...грубо отвѣчалъ одинъ изъ нихъ...

Стран. 140, строки 13—14. ...что эта минута была для нея мучительна.

Строка 28. Они точно были старые знакомые.

Строка 29. Вдругъ князь усмотрѣлъ...

Строка 38. ...начатый разговоръ.

Стран. 141, строки 9—10. Вездѣ есть середина...

Строка 14. ...шарканье сапоговъ и шпоръ.

Повѣсть эта не окончена. „Романъ, который мы съ тобою начали,—пишетъ Лермонтовъ С. А. Раевскому 8 іюня 1838 г.,—затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ отступить отъ истины". Описаніе портрета ср. „Портретъ" Гоголя. Повѣсть эта (какъ бы первая редакція „Героя нашего времени") носитъ автобіографическій характеръ (Печоринъ Лермонтовъ, Вѣра Лиговская—В. А. Лопухина-Бахметева, Лиза Негурова—Е. А. Сушкова-Хвостова). См. отдѣлъ писемъ въ III томѣ и воспоминанія Сушковой и Ладыженской въ VI томѣ нашего изданія.

„Герой нашего времени".

Первое изданіе вышло въ 1840 г., второе—въ 1841. Предисловіе въ послѣднемъ (въ первомъ его нѣтъ) помѣщено передъ второй частью, которая была разрѣшена цензурой 3 мая 1841 г. (первая 19 февраля того же года). По всей вѣроятности, предисловіе было написано послѣ окончательной обработки текста первой части, въ февралѣ—апрѣлѣ 1841 г.

Автографы Лерм. Музея (XV) и Публ. Библ. („Одинъ изъ героевъ начала вѣка").

Предисловіе. Автографы Лермонт. Музея и Публ. Библ.

Бѣловые варіанты:

Стран. 145, строка 6. ... такъ еще молода и добродушна...

Стран. 146, строка 1. ...жалкую довѣрчивость.

Строка 8. ...кромѣ подобныхъ глупостей...

Послѣ строки 10 зачеркнуто: Мы жалуемся только на недоразумѣніе публики, не на журналы: они, почти всѣ, были болѣе нежели благосклонны къ этой книгѣ, всѣ, кромѣ одного, который упрямо смѣшивалъ имя сочинителя съ именемъ героя его повѣсти, вѣроятно, надѣясь, что этого никто не замѣтитъ. Но хотя ничтожность этого журнала и служитъ ему достаточной защитой, однако, всетаки должно признаться, что, прочитавъ пустую и непристойную брань, на душѣ остается непріятное чувство, какъ послѣ встрѣчи съ пьянымъ на улицѣ.

Строки 11—17. Герой нашего времени, М. Г. мои, точно портретъ, но не одного человѣка, это портретъ нашего поколѣнія въ полномъ развитіи современныхъ страстей и слабостей. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ, а я вамъ скажу, что вы всѣ почти таковы, иные немного лучше, многіе гораздо хуже. Ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина?

Черновые варіанты:

Стран. 145, строка 3. ...вообще читателямъ...

Строка 6. ...наивна и добродушна.

Строка 7. ...нравоученія въ двухъ строкахъ.

Строка 8. ...не понимаетъ шутки, не угадываетъ ироніи; однимъ словомъ, дурно воспитана.

Строка 10. ...чистая русская брань...

Стран. 146, строка 1. ...испытала (частію судьбу) жалкую довѣрчивость...

Строки 2—3. ...къ буквальному смыслу словъ.

Строка 3. ...обидѣлись, что имъ ставятъ...

Строка 5. ...другіе даже имѣли дерзость утверждать...

Строка 8. ...кромѣ глупостей.

Стран. 146, строки 8—19. Только волшебная сказка можетъ у насъ избѣгнуть упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности—и то еще не всегда!.. Мы жалуемся (я жалуюсь) только на недоразумѣніе публики, не на журналы; они почти всѣ были болѣе чѣмъ благосклонны къ нашей книгѣ, всѣ кромѣ одного [1]), который, какъ бы нарочно, въ своей критикѣ смѣшивалъ имя сочинителя съ героемъ его повѣсти, вѣроятно, надѣясь на то, что его читать никто не будетъ; но хотя ничтожность этого журнала и служитъ ему достаточной защитой, однако, всетаки, прочитавъ грубую и неприличную брань,—на душѣ остается непріятное чувство, какъ послѣ встрѣчи съ пьянымъ (пьяной бабой) на улицѣ. Итакъ, если уже нужно у насъ для всякой басни нравоученіе, то пускай тѣ, которые хотятъ его узнать, прочтутъ (это предисловіе) слѣдующее. Герой нашего времени, М. Г. мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это типъ. Вы знаете, что такое типъ? я васъ поздравляю. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ,—а я вамъ скажу, что вы всѣ почти таковы; иные немного лучше, многіе гораздо хуже. Если вы вѣрили существованію Мельмота, Вампира и др.—отчего же вы не вѣрите въ дѣйствительность Печорина?—Если вы извиняли вымыслы гораздо болѣе ужасные и уродливые,—отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Отчего! — Не оттого ли...

Строка 21. Не знаю. Вы скажете...

Строка 27. ...рисовать картину (сердца) современнаго человѣка...

Строка 29. ...зло указано, а какъ его излѣчить...

I. *Бэла.* Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1839 г., т. II, стр. 163—212, подъ заглавіемъ „Изъ записокъ офицера о Кавказѣ".

По воспоминаніямъ М. Н. Лонгинова, основаніемъ разсказа „Бэла" было „истинное происшествіе, конечно, опоэтизированное и дополненное вымышленными подробностями, случившееся съ родственникомъ поэта Е. Е. Хастатовымъ"...

II. *Максимъ Максимычъ.* Автографъ Имп. Публ. Библ. подъ заглавіемъ „Изъ записокъ офицера" и съ эпиграфомъ: „И они встрѣтились. (Одинъ сочинитель)".

Черновые варіанты:

Стран. 179, строки 2—3. ...ужиналъ въ Ларсѣ...

Послѣ строки 11: Вообще замѣтилъ,—скажу въ скобкахъ, что въ Россіи всегда (вы найдете) можно лучше поѣсть на станціи въ захолустьи, чѣмъ въ городахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ уѣздные и губернскіе повара выучились дѣлать майонезъ изъ свеклы.

Строка 13. ...оказія изъ Екатериногдара только что пришла...

Строка 16. ...повѣсть Максима Максимыча...

Строка 17. ...первымъ звеномъ длиннаго разсказа (ряда)...

Строка 22. Цѣлый день я провелъ...

Стран. 180, строка 7. ...а я не люблю разсказывать...

---

[1]) Отзывъ Бурачка, появившійся въ „Маякѣ".

„Весь романъ,—писалъ С. Б.,—эпиграмма, составленная изъ безпрерывныхъ софизмовъ, такъ что философіи, религіозности, русской народности и слѣдовъ нѣтъ. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобы угодить вкусу „героевъ нашего времени", но въ то же время для человѣка здравомыслящаго, т.-е. для профана въ современномъ героизмѣ, слишкомъ неотрадно: отъ души жалѣешь, зачѣмъ Печоринъ, настоящій авторъ книги, такъ во зло употребилъ прекрасныя свои дарованія, единственно изъ-за грошевой подачки—похвалы людей, зѣвающихъ отъ пустоты головной, душевной и сердечной... Короче, эта книга—идеалъ легкаго чтенія. Она должна имѣть огромный успѣхъ! Всѣ дѣйствующія лица, кромѣ Максима Максимыча съ его отливомъ ridicule'я—на подборъ, удивительные герои; и при оптическомъ разнообразіи, всѣ отлиты въ одну форму, самого автора Печорина, генералъ-героя, и замаскированы, кто въ мундиръ, кто въ юбку, кто въ шинель, а присмотритесь: всѣ на одно лицо и все казарменные прапорщики, не перебѣсившіеся. Добрый пучокъ розогъ—и все рукой бы сняло! Ну да, впрочемъ, это все вымышленное самимъ Печоринымъ для „вящшаго эффекта": въ натурѣ этакіе безчувственные, безсовѣстные люди невозможны... Это психологически невозможно... Какъ не жаль хорошее дарованіе посвящать такимъ гадкимъ нелѣпостямъ, изъ одной только увѣренности, что онѣ будутъ имѣть успѣхъ!"...

Строка 8. Я смотрѣлъ въ окно, передо мною...

Строка 17. ...дорожная коляска; въ ней было мало поклажи...

Строки 18—19. ...вѣнскій отпечатокъ...

Строка 25. Онъ не отвѣчалъ...

Строки 26—27. ...армянинъ, улыбаясь, обратился ко мнѣ: „Точно такъ, господинъ офицеръ; а вы куда изволите ѣхать, смѣю спросить..."

Строка 44. Какъ? какъ? Печоринъ?

Стран. 181, строки 10—11. Печоринъ остался ужинать и ночевать у какого то маіора и придетъ только завтра поутру передъ отъѣздомъ.

Стран. 182, строка 21. ...пора спать; первый разъ онъ что то пробормоталъ сквозь зубы; второй я...

Строка 36. ...золотыя облака длинными грядами, какъ...

Стран. 183, строка 6. Онъ былъ скорѣе высокаго, чѣмъ стройнаго роста...

Строки 9—10. ...поношенный дорожный сертучокъ его...

Строка 24. ...бала. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ-нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было сравнить только съ тигромъ. (То ласковый, гибкій, уклончивый, игривый, то жесткій и бѣшеный и всегда убѣгающій общества себѣ подобныхъ)... Сильный и гибкій, ласковый и мрачный, великодушный или жесткій, смотря по внушенію минуты, всегда готовый на долгую борьбу, иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться, не скучающій одинъ въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобныхъ требующій (желающій) безпрекословной покорности, по крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ физическій, то есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ нервъ и отъ болѣе или менѣе скораго обращенія крови. Душа—другое дѣло: душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого—злодѣи, толпа и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни злодѣемъ, ни святымъ, то это—я увѣренъ—отъ лѣни. Съ перваго взгляда...

Строка 25. ...хотя, послѣ внимательнаго наблюденія, я готовъ былъ...

Строка 28. ...обрисовывали его гладкій благородный лобъ...

Строка 29. ...только послѣ долгаго наблюденія...

Строка 36. ...и черные глаза...

Строка 39. ...или глубокой постоянной печали...

Стран. 184, строка 5. ...должны довольствоваться этимъ портретомъ; прибавлю еще, что эти наблюденія сдѣланы мною...

Стран. 185, послѣ строки 14: Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло (подарокъ) довѣренность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы объ немъ знаете, не отбило у васъ охоту узнать его короче. На тетрадкахъ не было выставлено чиселъ; нѣкоторыя, вѣроятно, потеряны, потому что между ними нѣтъ большой связи, а я, несмотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое (сочиненіе) произведеніе; я только перемѣнилъ одно: поставилъ „Печоринъ" вмѣсто его настоящей фамиліи (которая хотя, вѣроятно, извѣстна), за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ.

Предисловіе къ журналу Печорина. Автографъ Имп. Публ. Библ. Варіанты:

Стран. 187, строка 5. ...за этотъ невинный подлогъ.

Строка 13. ...чтобъ выказаться наружу...

Строка 17. Исторія души человѣческой, какая бы она ни была...

Стран. 188, строка 7. ...оправданіе поступка, который...

Строка 14. ...она явится свѣту...

I. *Тамань.* Впервые напеч. въ „Отеч. Записк." 1840 г., т. VIII, стр.144—54,

съ такимъ примѣчаніемъ: „Еще отрывокъ изъ записокъ Печорина, главнаго лица въ повѣсти „Бэла“, напечатанной въ 3 книжкѣ „Отеч. Записокъ“ 1839 года“.

Автографъ Имп. Публ. Библ. Варіанты:

Стран. 189, строка 21. ...лачужка менѣе древняя первой.

Стран. 190, строка 11. ...разсматривать черты лица слѣпого...

Строка 22. ...слѣпой вовсе не такъ слѣпъ...

Строки 34—35. ...сталъ съ казакомъ раскладывать вещи,..

Стран. 191, строка 6. ...луна начала одѣваться тучками, и на морѣ подымался туманъ...

Строка 9. Я съ трудомъ, оступаясь, пробирался...

Стран. 192, строка 45. Казакъ мой былъ очень удивленъ, проснувшись, когда увидалъ меня...

Стран. 194, строка 40. ...глаза казались мнѣ одарены...

Стран. 198, строка 34. Пробираясь въ городъ...

Стран. 199, строка 30. ...не пошелъ ко дну, а, право, я ни въ чемъ не виноватъ: любопытство—вещь свойственная всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ.

Строка 31. Въ сѣняхъ догорѣвшая свѣча стояла...

Строка 36. ...тащилъ въ мѣшкѣ проклятый слѣпой...

Строки 41—42. Что сталось съ бѣдной старухой и съ всевидящимъ слѣпымъ—не знаю и не желаю знать. Сбыли они съ рукъ свою контрабанду или ихъ посадили въ острогъ? Какое дѣло мнѣ...

Варіанты изъ „Отеч. Записокъ“:

Стран. 189, строка 17. ...одинъ только ветхій заборъ.

Стран. 193, строка 7. Суда, стоящія въ пристани...

Стран. 199, строки 41—42. Что сталось съ бѣдной старухой и съ мнимымъ слѣпымъ—не знаю.

Въ этомъ разсказѣ описано происшествіе, случившееся съ Л—вымъ во время квартированія его въ г. Тамани, въ 1837 г., у казачки Царицыхи.

II. *Княжна Мери.* Автографъ Имп. Публ. Библ. Варіанты:

Стран. 200, строка 3. Нынче утромъ въ пять часовъ...

Строки 5—6. Вѣтки цвѣтущихъ вишенъ смотрятъ мнѣ въ окна...

Строки 7—8. На западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ послѣдняя мохнатая туча разсѣянной бури [1]).

Строка 12. ...шумятъ минеральные ключи...

Стран. 202, строка 2. ...волочатся только утромъ...

Строка 7. ...вздыхаютъ о московскихъ аристократическихъ гостиныхъ...

Строка 13. ...большими шагами...

Строки 22—23. ...прислонясь къ углу домика, любовался...

Строка 28. ...и отпущенъ на воды...

Строка 39. ...они нравятся романтическимъ женщинамъ...

Стран. 203, строка 3. ...продолженіе того, что онъ сказалъ прежде.

Строка 41. Въ это время прошли къ колодцу...

Строка 45. ...вокругъ ея стройной шеи...

Стран. 204, строки 1—2. ...непремѣнно бы тотчасъ влюбился въ эту аристократическую ножку.

Строка 5. ...дышитъ иногда письмо...

Строка 18. ...Онъ игрокъ и Европеецъ...

Строка 24. Напримѣръ?

Строка 41. ...твою пышную фразу: я бы разрѣшилъ свое сомнѣніе...

Строки 44—45. ...поддѣлаться подъ его же фразу.

Стран. 205, строки 8—9. ...и оба были заняты, кажется, жаркимъ разговоромъ.

Строка 13. ...уронилъ стаканъ на песокъ, но напрасно...

---

[1]) Срав. „Туча“ Пушкина.

Стран. 206, строки 4—5. ...вышла изъ галлереи съ маменькой...
Строка 3. Ты видѣлъ?—спросилъ онъ...
Строка 9. Впрочемъ, очень натурально, что...
Строки 42—43. ...мало дѣйствуютъ на женщинъ, потому что онѣ ничего не видятъ...
Послѣ строки 46. ...Но я теперь увѣренъ, что при первомъ случаѣ она спроситъ, кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, разскажутъ страшную исторію дуэли и особенно ея причину, которая здѣсь нѣкоторымъ извѣстна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣсить Грушницкаго!
Стран. 208, строка 1. ...зашелъ ко мнѣ докторъ; его зовутъ Вернеръ.
Строки 20—21. ...больные взбѣленились, возстали бунтомъ! почти всѣ ему отказали.
Строка 39. Въ его одеждѣ поражали вкусъ и опрятность...
Строка 40. ...руки постоянно прятались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ.
Стран. 209, строка 8. ...философическое направленіе...
Строка 8. ...я въ одинъ прекрасный вечеръ...
Строка 24. ...что мы невольно другъ на друга...
Строка 25. ...какъ дѣлали старинные авгуры...
Строка 38. ...дно каждаго нашего чувства...
Строка 40. ...кромѣ къ самимъ себѣ.
Строка 42. ...и знать больше было бы опасно.
Стран. 210, строка 21. Княжна спросила...
Строка 35. Княгиня мнѣ стала разсказывать о какой то дуэли, прибавляя...
Стран. 211, строки 10—11. ...она провела въ Москвѣ и любитъ хорошо, сытно покушать...
Строка 18. ...княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать, подобно всѣмъ большимъ барынямъ...
Стран. 212, строки 3—4. Москва блистаетъ сорокалѣтними остряками.
Строка 12. Нѣтъ, были два московскіе франта...
Строка 14. ...но очень блѣдная...
Строка 16. ...а надъ бровей черная родинка...
Строка 37. ...сидѣли на лавкѣ...
Стран. 213, строка 3. ...выражалъ досаду; я даже слышалъ, какъ она сказала одному изъ московскихъ своихъ знакомыхъ: „Какъ это мило оставить насъ (оставлять дамъ) и убѣжать".
Строка 6. ...очень интересную исторію...
Строка 14. Наконецъ я увидалъ да...
Строка 20. ...употребляю всѣ свои усилія...
Строка 26. Вчера я встрѣтилъ княжну съ матерью въ магазинѣ...
Стран. 214, строка 6. Нѣтъ еще; если бъ я (былъ) носилъ эполеты, то, вѣрно, давно бы ужь познакомился; но моя солдатская шинель...
Строка 17. Онъ покраснѣлъ до ушей и ушелъ прочь.
Строка 8. О самолюбіе! вотъ рычагъ...
Послѣ строки 37: „Скажи, пожалуйста,—спросилъ я, скрывъ свое удовольствіе (торжество),—ты еще не былъ у нихъ?"—„Нѣтъ еще... но нынче, я (просилъ меня) надѣюсь, меня пригласятъ; вечеромъ представятъ. А, право, здѣсь хорошо тѣмъ, что знакомства дѣлаются скоро, безъ церемоній... поговорили раза два у колодца—и ужъ старые пріятели... а не правда ли, признайся, что Мери очень мила?..."
Стран. 215, строка 3. ...ты долженъ ее мучить, безпокоить; она десять разъ публично для себя скомпрометируется и назоветъ это жертвой, тебя же..
Строка 9. ...выйдетъ замужъ за старика...
Строка 21. Я сталъ его разсматривать довольно разсѣянно...
Строка 44. Она не отвѣчала, но поблѣднѣла...
Стран. 216, строка 17. ...боишься потерять...

Строка 23. ...грудь мою. Я ее крѣпко обнялъ.
Строка 42. ...волочиться за княжной, чтобъ не замѣтили нашей связи...
Стран. 217, строка 9. ...съ упрямымъ характеромъ.
Стран. 217, строка 25. ...мы скоро разстанемся.
Строка 26. ...но память о ней останется...
Стран. 218, строка 13. ...какъ похваливъ мое искусство...
Стран. 219, строка 5. Ахъ, Боже!
Строка 18. ...серебряной цѣпью сверкали...
Строка 29. ...сказалъ онъ очень важно.—Я цѣлый день проживу...
Строка 46. Я внутренне улыбнулся, я ненавижу...
Стран. 220, строка 12. А я пойду ходить—мнѣ что то не спится.
Послѣ строки 15. ...сказалъ я уходя.
Строка 31.—22-го мая.
Стран. 227, строка 1. ...одной пышной дамы...
Строка 17. ...равнодушный и даже небрежный видъ.
Строка 34. ...еще большую смѣлость просить...
Строка 41. Рѣшительный отказъ,—подумалъ я.
Строка 44. ...отвергать кающагося грѣшника...
Строка 45. ...закоренѣть въ своемъ...
Стран. 222, строка 7. ...онъ былъ пьянъ и чрезвычайно доволенъ своею рѣшительностью.
Строка 20. ...имѣю честь васъ ангаже pour...
Строка 33. Княжна побѣжала къ...
Стран. 223, послѣ строки 39.—23-го мая.
Стран. 224, строка 13. ...а звукъ ихъ голоса говоритъ противное...
Строка 28. ...княжнѣ также нѣсколько разъ хотѣлось похохотать...
Строка 43. ...разговоръ нѣмой, но полный выраженья...
Стран. 225, строка 9. ...тебѣ противиться... но ты долженъ имѣть ко мнѣ сожалѣніе...
Строка 17. ...чувствую такое глубокое, странное наслажденіе, что самые жаркіе поцѣлуи и не могутъ превзойти его.
Строка 20. ...что то очень обыкновенное насчетъ ея голоса...
Строка 46. ...объявите войну—тѣмъ лучше!
Стран. 226, строка 3. ...наконецъ, удалился со стыдомъ...
Стран. 226, строка 9. ...наговорился о прошломъ.
Строка 6. ...хотѣлъ я ему сказать...
Послѣ строки 17.—29-го мая.
Стран. 227, послѣ строки 1.—3-го іюня.
Стран. 228, строка 35. ...отъ сидячей жизни...
Строка 39. ...всѣ спокойныя рѣки...
Строка 41. ...великой, но скрытой...
Стран. 229, строка 4. ...своего предмета... Начавъ разбирать состояніе своего сердца, я...
Строка 18. ...какія надежды подали мнѣ эполеты...
Строки 28—29. ...стыдно признаться, что успѣхи его, что даже...
Строка 31. ...какія у тебя понятія о порядочныхъ женщинахъ...
Строка 34. Стало, по-твоему...
Стран. 230, строка 2. Онъ находится на отлогости Машука, окруженъ кустарникомъ, въ полуверстѣ отъ города.
Строка 6. Разговоръ нашъ начался злословіемъ; я, какъ говорятъ, ругалъ...
Строка 14. ...это для васъ не будетъ...
Строка 20. ...участь со дня дѣтства...
Строка 33. ...пользуясь безъ труда тѣми выгодами...
Стран. 232, строка 3. ...но она не знала, какъ приступить къ дѣлу...
Послѣ строки 11. Я вас никакъ не смѣю обвинять...

После строки 15.—4 (іюня).
Строка 26. ...квартиру рядомъ; ты знаешь, мы живемъ...
Строка 30. Грушницкій пришелъ ко мнѣ вечеромъ...
Строки 42—43. Я думала, что вы не танцуете, сказала...
Стран. 233, строка 5. ...гостей не было, кромѣ Вѣры и скуки...
Строка 12. Вѣра все это замѣтила, она отошла въ сто...
Строка 23. ... она сидѣла въ тѣни у окна, погружась въ широкія кресла, облокотясь...
Послѣ строки 24.—5 іюня.
Строка 28. ...эполеты неимовѣрной величины подобились двумъ котлетамъ...
Строка 31. ...въ мелкія кудри завитой тупей...
Строка 32. ... нѣкоторая робость...
Стран. 234, строка 12. Я боюсь, если мнѣ съ княжной придется танцовать въ первой парѣ...
Строки 32—33. Кто изъ людей, начиная жизнь, не думалъ кончить ее, какъ Александръ Великій или Лордъ Байронъ, а между тѣмъ претихо умиралъ онъ... въ Саратовской губерніи...
Стран. 235, строка 36. Ну, такъ что жъ? развѣ ты забылъ нашъ пари?..
Строка 37. Онъ поблѣднѣлъ отъ досады, пробормоталъ что то и пошелъ прочь.
Стран. 236, строка 11. Наконецъ танцы кончились...
Строка 17. Многіе ужъ давно на меня дуются...
Стран. 236, строка 27. ...съ драгунскимъ капитаномъ, который, пользуясь...
Послѣ строки 28.—6 іюня.
Послѣ строки 44.—7 (іюня).
Стран. 237, строка 3. Княжна была у окна...
Стран. 238, строка 4. Вы меня не уважаете... вчера... О, оставьте меня!
Строка 5. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери...
Строка 9. ...этого въ другой разъ не будетъ, я приму свои мѣры... Какое вамъ...
Строка 13. ...гулялъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, изорвалъ...
Строка 37. Именно, одна харьков...
Строка 41. Видите, что я къ этому неспособенъ.
Стран. 239, строка 1.—10 (іюня).
Строка 2. ...вижу Вѣру у колодца и въ саду...
Строка 7. ...богатырскимъ ключомъ. Ущелье, въ которомъ находится...
Строка 11. ...густыя тѣни...
Строка 13. ...между зеленѣющими горами, наводитъ раздумье...
Стран. 240, строка 3. ...добился же я этого счастья...
Строки 7—8. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, имъ однимъ извѣстенъ, очень оригинальный...
Строка 9. Напримѣръ, порядокъ обыкновенный.
Строка 28. ...мнѣ, который былъ любимъ довольно...
Строка 32. ...одинъ только привычный взоръ...
Строка 36. И если большая часть мущинъ похожа на меня, то...
Строки 38—39. ...съ тѣхъ поръ какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости, чѣмъ когда видѣлъ въ нихъ неприступныхъ богинь.
Стран. 241, послѣ строки 3.—12 (іюня).
Строка 9. Многочисленное общество...
Стран. 242, строка 10. Всѣ поѣхали рысью...
Строки 36—37. ...а у дочки рѣшительно лихорадка...
Строка 44...поѣхалъ въ горы...
Строка 45. Вечеръ былъ росистый...
Стран. 244, строка 1. ...напоилъ коня и присѣлъ въ густой травѣ. Посмотрѣлъ...
Строка 7. ...большое освѣщеніе...

Строка 15. Онъ думаетъ, что онъ только одинъ у насъ порядочный человѣкъ...

Строка 25. ...замѣтилъ кто то.

Строка 29. Отчего же думаешь, что онъ...

Стран. 246, строка 7. Она схватила меня за руку. Никто насъ не видалъ, потому что мы (были далеко) отъ княгини и закрыты были отъ гуляющихъ большимъ кустомъ черемухи.

Строка 8. Княгиня смотрѣла въ другую сторону...

Строка 10. ...и я быстро выдернулъ свою руку...

Строка 12. Я вамъ скажу правду...

Строка 14. Ея губы слегка поблѣднѣли. „Вы подлецъ“,—сказала она едва внятно.

Строка 16.—14 (іюня).

Строка 20. ...но для меня слово...

Строка 32. ...смерть отъ злой женщины; это меня глубоко поразило; съ тѣхъ поръ...

Строки 34—35. ...по крайней мѣрѣ, сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть...

Послѣ строки 35.—15 (іюня).

Строка 40. ...билеты по $2^1/_2$ рубля.

Стран. 247, строка 6. Сегодня, въ 10 (въ 9) часовъ.

Стран. 248, строка 6. ...это меня немного встревожило...

Строки 7—8. ...жаркая рука схватила...

Строка 14. Ея сердце сильно билося и трепетало...

Строки 19—20. А она, бѣдная, думаетъ...

Строка 21. Въ три часа ночи, усталый...

Строка 31. ...но глаза ея томные и неподвижные, казалось, между печатными строками были устремлены на окно, у котораго я находился; но она меня не могла видѣть.

Строка 32. ...казалось, смотрѣли, но видали... Боже мой, какъ она была блѣдна!

Строка 36. ...сказалъ кто то...

Послѣ строки 37. Я узналъ голосъ драгунскаго капитана.

Стран. 249, строка 3. Печоринъ! ты спишь?...

Строка 13. ...по крайней мѣрѣ, десятокъ хищниковъ...

Послѣ строки 13.—16 (іюня).

Строки 25—26. ...подозрѣвать умышленнаго намѣренія...

Строка 29. ...я вамъ разскажу всю исторію.

Стран. 250, строка 31. Я васъ не боюсь...

Строка 36. Капитанъ поклонился съ важнымъ видомъ.

Строка 42. ...скрытая злость...

Строка 45. ...сказалъ я ему...

Стран. 251, строка 5. Я все слышалъ. Они мерзавцы...

Послѣ строки 11. О, еслибъ онъ зналъ тайную причину, побудившую меня вступиться за кня...

Строка 20. ...потому что я всегда готовъ (рисковать) подвергать жизнь свою ..

Строка 25. ...есть заговоръ,—сказалъ онъ,—въ чемъ онъ состоитъ, не знаю, только есть.

Стран. 252, строка 6. ...лошади будутъ готовы... Вы умѣете верхомъ ѣздить?... Довольно плохо...

Строка 19. ...моимъ прихотямъ. На небесахъ не болѣе постоянства, чѣмъ на землѣ.

Строка 33. ...всегда безъ сожалѣнія. Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія... Моя любовь...

Строка 46. ...другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Зачѣмъ же я жилъ? зачѣмъ я жертвовалъ чувствомъ, временемъ, жизнью...

Стран. 254, строка 3. Я помню, что въ ту ночь...

Строка 7. ...то были похожденія Нигеля...

Послѣ строки 8. ...что, если Шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую отрадную минуту, которую даритъ его книга?...

Строки 13—14. Велѣвъ сѣдлать лошадей, осмотрѣвъ пистолеты и зарядивъ ихъ добрыми пулями, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Бросившись въ холодный кипятокъ...

Строка 18. Возвратясь домой, я нашелъ...

Строки 27—28. ...любопытство возбудится невольно...

Строка 30. ...не есть ли уже въ самомъ дѣлѣ болѣзнь?

Строка 41. ...не проникалъ еще золотой лучъ молодого дня...

Строка 46. ...какъ жадно я всматривался...

Стран. 255, строка 17. ...произнося имя своей возлюбленной и посылаютъ другу...

Строка 25. Я взвѣшиваю и наблюдаю свои...

Строка 26. ...съ строгимъ любопытствомъ и безпристрастно...

Строка 32. Мы пустились рысью.

Строка 40. ...и показалъ ему, что мы...

Строка 44. ...свою готовность...

Стран. 256, строка 3. ...хотя до сихъ поръ...

Строка 5. ...но во взглядѣ его была какая то нерѣшительность...

Строка 7. Скажите ваши условія,—сказалъ онъ,—и я посмотрю...

Строка 25. ...забыли про ихъ намѣренія...

Стран. 257, строки 19—20. „Ты олухъ",—сказалъ онъ ему...

Стран. 258, строка 4. ...сказалъ мнѣ докторъ...

Строка 16. ...теряясь въ синемъ туманѣ утра...

Строка 18. ...вершинъ, на которыхъ...

Строки 24—25. Вымѣрили площадку: она была шаговъ 8 въ ширину, въ самой серединѣ, но подвинувшись ближе къ краю...

Строки 31—32. ...все устроилось бы полюбовно, но самолюбіе и слабость характера должны были побѣдить...

Строки 43—44. ...то я васъ не пощажу!

Строка 8. ...сказалъ я, удерживая его...

Стран. 260, строка 11. ...обратился къ своему секунданту.

Послѣ строки 13. Грушницкій обратился ко мнѣ:—Хотите помириться?—Вы подлецъ! стрѣляйте.

Строки 20—21. ...прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго: что смерть?—сонъ! что жизнь?...

Строки 27—28. ...досада оскорбленнаго самолюбія и мщеніе...

Строка 29. ...съ такою увѣренностью, съ такой гордой улыбкой...

Строки 33—34. ... смотрѣлъ ему пристально въ глаза, стараясь прочитать на лицѣ, теперь опять спокойномъ...

Строка 39. ...стрѣляйте скорѣе—и дѣлу конецъ.

Стран. 261, строка 7. ...прошу васъ зарядить его снова—и хорошенько. А вы, господинъ Грушницкій, вы подлецъ! я зналъ (еще вчера, что) давно всѣ ваши намѣренія, но оставилъ васъ въ покоѣ, надѣясь, что вы опомнитесь ...теперь поздно; (что касается до господина капитана, который во всемъ этомъ дѣлѣ распоряжался, то я ему предлагаю, если угодно, стрѣляться со мною на тѣхъ же условіяхъ, какъ теперь; только что кончу съ вами; если онъ не хочетъ...)

Строки 20—21. ...Грушницкій не хотѣлъ и слушать.

Стран. 262, строка 2. А все-таки это вовсе противъ правилъ.

Строка 17. Я пожалъ плечами и повернулся...

Строка 20. Отвязавъ лошадь, я рысью пустился домой.

Строка 22. Не доѣзжая до слободки, я пустилъ направо по ущелью, мнѣ незнакомому.

Строка 35. ...и вы можете быть спокойны, если можете... Прощайте.

Строка 37. Я долго не могъ открыть...

Строки 39—40. ...каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти; я его храню, какъ сокровище, и когда мнѣ бываетъ тяжело и грустно, то перечитываю его и, стыдно признаться, я (плачу) нахожу утѣшеніе въ мысли, что былъ любимъ, какъ немногіе на этомъ свѣтѣ. Я пишу...

Стран. 264, строка 3. ...поступилъ со мною, какъ всѣ мущины...

Строка 8. ...что когда-нибудь и полюбишь меня истинно...

Строки 17—18. ...но въ твоей природѣ есть что то поглощающее, что то непохожее...

Строки 19—21. ...есть власть непонятная; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, а мы, женщины, такія слабыя созданья...

Строки 26—46, стр. 265, стр. 1—2. Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ Грушницкимъ, но увѣрена также, что ты останешься (правъ) живъ: мое сердце иначе бы мнѣ сказало противное. Во всякомъ случаѣ, прощай. Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю на вѣки. Мери тебя любитъ... если что-нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней; она тебя любитъ... ребенокъ! вчера она мнѣ разсказала всё. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, несмотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь; она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее... Бѣдная!... я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее! одной довольно. Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... Къ чему? Хотя я очень слаба и очень страдаю, однако, можетъ быть, (что) проживу еще долго, но ты не узнаешь ни моего раскаянія, ни моихъ сожалѣній,—у меня, однако, есть одно утѣшеніе, одна отрада - это мысль, что никогда ты меня не забудешь, потому что никогда ни одна женщина не будетъ любить тебя такъ искренно, такъ постоянно и такъ нѣжно. Прощай, не слѣдуй за мною, не старайся меня видѣть... Къ чему?... Одинъ лишній горькій, прощальный поцѣлуй не обогатитъ твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него только будетъ труднѣе съ тобой разстаться... Вѣра.

P. S. Одно меня пугаетъ: что если ты, въ самомъ дѣлѣ, любишь Мери? О, неправда ли, этого не можетъ быть?...

Стран. 265, строка 3. ...выскочилъ на крыльцо, вскочилъ на...

Строка 7. ...отдыхавшей на гребнѣ западныхъ горъ...

Строки 9—10. Я сказалъ безъ мысли...

Стран. 266, строка 3. ...бѣшеныя намѣр...

Строка 12. ...сквозь сжатые его зубы...

Строка 13. ...я остался въ степи одинъ, въ темнотѣ...

Строка 22. Но свѣжесть...

Строка 23. ...и мысли пришли въ обычный порядокъ, я сталъ припоминать выраженія письма Вѣры, старался объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной трагической выходкѣ. Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1. Если она меня любитъ, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простясь и не полюбопытствовавъ даже узнать, убитъ я или нѣтъ? Не вѣрю я этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2. Но вѣдь намъ надобно же было когда-нибудь разстаться... и она хотѣла своимъ (отъѣздомъ) письмомъ произвести на меня въ послѣдній разъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Эгоизмъ!..

3. Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; сдѣлать сцену почитаютъ онѣ обязанностью.

4. Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюбленъ въ княжну, и хочетъ своимъ великодушіемъ привязать

меня болѣе къ себѣ или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюсь за нею, потому что блага, которыя мы теряемъ, получаютъ въ глазахъ нашихъ двойную цѣну.

Если такъ, то она ошиблась: я слишкомъ лѣнивъ.

5. Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ; это отъ нея, пожалуй, станется, но въ такомъ случаѣ она меня не любитъ.

6. И какое же право я имѣю требовать ея любовь? развѣ не я первый началъ (встрѣчать) платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой?

7. Теперь, когда я знаю, что все между нами кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно; одно меня печалитъ: это письмо; неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламаціи?

8. Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сряду: вотъ что значитъ разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

9. Впрочемъ, все къ лучшему. Это новое (горесть) страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ ужасную диверсію. Плакать здорово; и потомъ, вѣроятно, если бъ я не проѣхалъ верхомъ и не былъ принужденъ на (возвратномъ перекатѣ) обратномъ пути пройти 15 верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Строка 37. ...и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Строка 39. ...освѣжилъ утомленную грудь мою...

Стран. 267, строка 13. ...видя его необходимость.

Стран. 268. строки 7—8. ...на вопросъ ея: Вы, вѣрно, (я думаю) имѣете сказать мнѣ что-нибудь?

Строка 8. ...желаю ей быть счастливой и проч. Она задумалась.

Строка 37. ...подумайте, у меня одна дочь...

Стран. 269, строка 15. ...показался мгновенно румянецъ...

Строка 17. ...облокотилась на столъ, вздохнула...

Строки 25—29. ... скоро бы раскаялись, —я бы этого никогда вамъ не сказалъ, если бы не разговоръ нашъ съ вашей матушкой; я надѣюсь, что она въ заблужденіи; вамъ легко это ей объяснить... вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль; въ этомъ признаться, вотъ все что...

Строка 37. ...лихая тройка несла меня...

Строка 38. ...я замѣтилъ близъ дороги...

Строка 45. Нѣтъ, я бы не ужился съ спокойствіемъ!

Стран. 270, строка 8. ...но скоро отдѣляющійся...

III. *Фаталистъ.* Впервые напеч. въ „Отеч. Записк.“ 1839 г., т. VI, стр. 146—58, съ примѣчаніемъ редакціи: „Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуемся случаемъ извѣстить, что М. Ю. Лермонтовъ въ непродолжительномъ времени издаетъ собраніе своихъ повѣстей и напечатанныхъ и ненапечатанныхъ. Это будетъ новый, прекрасный подарокъ русской литературѣ“.

Автографъ Имп. Публ. Библ. Варіанты:

Стран. 271, строка 2. ...стоялъ пѣхотный полкъ...

Строки 8—9. ...находимъ и между ними, христіанами, многихъ поклонниковъ.

Строка 10. ...случаи въ доказательство pro...

Строка 16. ...сказалъ кто то:—найдете...

Строка 17. ...въ которомъ означенъ часъ...

Строка 26. ...черные, большіе, грустные глаза...

Стран. 272, строка 3. ...для того, чтобы сдѣлать для него...

Строка 4. ...дѣлиться заботами...

Строка 7. ...душевныхъ и семейственныхъ тайнъ...

Строка 14. ...но это постоянное несчастье только...

Строка 24. ...закричалъ онъ, отыскавъ его наконецъ...

Строка 26. ...бумажникъ и сталъ тому...

Строка 28. ...Исполнивъ этотъ священный долгъ...
Строка 30. ...перестрѣливался съ непріятелемъ—горцами.
Строка 36. ...располагать всегда...
Стран. 273, строка 3. ...Вуичъ не отвѣчалъ...
(Въ автографѣ всюду „Вуичъ“, а не „Вуличъ“).
Стран. 274, строка 1. ...дѣлать? Помилуй, это...
Послѣ строки 5. Вуичъ продолжалъ: „Если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или незаряженъ, или осѣчется; если суждено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать, итакъ, тогда всѣ наши опасенія напрасны“.— Онъ вышелъ...
Строка 17. Вы нынче умрете, сказалъ я, наклонясь къ нему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся и спокойно отвѣчалъ...
Строка 35. ...бросьте кверьху...
Строка 36. Я взялъ на столѣ...
Строка 40. ...спустилъ курокъ: порохъ вспыхнулъ (и пистолетъ не выстрѣлилъ)... осѣчка...
Строка 41. ...не былъ заряженъ...
Строка 42. ...онъ спустилъ опять курокъ...
Стран. 275, строка 3. ...въ первый разъ осѣкся...
Строка 4. ...полка была засорена и первая вспышка ее очистила.
Строки 6—8. Вуичъ придержалъ пальцемъ курокъ... Но я утверждаю, что послѣднее предположеніе невозможно, потому что я отъ начала до конца не спускалъ глазъ съ его пистолета. Какъ бы то ни было, посредничество судьбы въ этомъ дѣлѣ все-таки оставалось неоспоримо.
Строка 13. А что? Вы теперь вѣрите предопредѣленію?
Строка 24. ...держалъ пари съ человѣкомъ...
Строка 31. ...люди, которые думали, что свѣтила...
Строки 33—34. ...эти лампады были зажжены...
Строка 37. ...безпечнымъ пастухомъ.
Строка 39. ...на нихъ смотритъ съ надеждою, въ ожиданіи...
Строки 40—41. ...на землѣ безъ вѣры и гордости...
Стран. 276, строка 3. ...въ каждой борьбѣ...
Строка 18. Не знаю хорошенько, вѣрю ли я фатализму...
Строка 29. ...явились два казака...
Строка 30. ...не встрѣчалъ никого...
Стран. 277, строка 1. Ужъ солнце...
Строки 2—4. ...я заснулъ, но едва... видно, мнѣ было не суждено спать въ эту ночь, черезъ... не болѣе часа вдругъ слышу, стучатъ въ окно и дверь: что за тревога?
Строка 10. ...все, какъ было, съ примѣсью...
Строка 24. Убійца заперся въ пустой избѣ...
Строка 25. ...бѣжало съ плачемъ туда же...
Строка 27. Суматоха была презабавная...
Строка 39. ...держа въ одной рукѣ ружье, въ другой...
Строка 46. ...совсѣмъ придетъ съ себя...
Стран. 278, строка 5. Не покорюсь,—отвѣчалъ казакъ громко...
Строка 6. ...какъ онъ взвелъ курокъ.
Строка 12. ...Вѣдь ужъ ему не спастись, такъ зачѣмъ Бога гнѣвить?...
Строка 14. ...пристально, вздрогнула и покачала...
Строка 15. Ваше высокоблагородіе,—сказалъ...
Строка 19. ...въ головѣ пробѣжала...
Строка 21. Хотите,—сказалъ я...
Строка 22. ...разговоръ черезъ дверь, и давъ ему въ помощники трехъ казаковъ, готовыхъ разломать дверь...
Строка 24. ...обошелъ хату и подошелъ къ другому окну...

Строка 25. Ахъ ты, бѣсовъ сынъ...

Строка 29. ...нападенія.—и въ то время, какъ удары въ дверь стали громче и сильнѣе прежняго, и оторвалъ...

Строки 33—34. ...за руки и крикнулъ: „Сюда, ребята!“—Казаки ворвались.

Строка 38. ...навѣрное, вѣритъ ли онъ во что, или нѣтъ.

Строка 43. ...что меня ожидаетъ. Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что эта смерть неизбѣжна, и что существованіе каждаго изъ насъ, исполненное страданія или радостей, темно и незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипятъ, (умираютъ), исчезаютъ и возраждаются столько разнородныхъ жизней.

Строки 45—46. ...все, что видѣлъ и что случилось со мною, при этомъ и мои собственныя мысли и замѣчанія, и пожелалъ узнать...

Стран. 279, строка 2. ...но я растолковалъ его, какъ могъ...

Строка 7. ...нашему брату несвойственны...

Строка 9. ...просто, мое почтеніе!... нашу тульскую, какъ лучину, расколютъ; что наше тульское желѣзо!

Строка 11. Да, жалко бѣднягу.

Въ „Отечеств. Записк.“ послѣ заглавія—предисловіе:

„Предлагаемый здѣсь разсказъ находится въ запискахъ Печорина, переданныхъ мнѣ Максимомъ Максимычемъ. Не смѣю надѣяться, чтобъ всѣ читатели „От. Записокъ“ помнили оба эти незабвенныя для меня имени, и потому считаю нужнымъ напомнить, что Максимъ Максимычъ есть тотъ добрый штабсъ капитанъ, который разсказывалъ мнѣ исторію Бэлы, напечатанную въ 3-й книжкѣ „От. Записокъ“, а Печоринъ—тотъ самый молодой человѣкъ, который похитилъ Бэлу.—Передаю этотъ отрывокъ изъ записокъ Печорина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ достался“.

На „Героя нашего времени“, въ частности на типъ Печорина, оказалъ нѣкоторое вліяніе Шатобріанъ („Рене“), Бенжаменъ Констанъ („Адольфъ“), Сенинкуръ („Оберманъ“) и, въ особенности, А. де-Мюссе („Исповѣдь сына вѣка“). См. Родзевичъ, Предшественники Печорина во французской литературѣ (Кіевъ, 1913). Многія сближенія г. Родзевича очень убѣдительны.

Въ Печоринѣ много автобіографическихъ чертъ. Вѣра—несомнѣнно, В. А. Лопухина-Бахметева. Въ княжнѣ Мери видѣли Э. А. Шанъ-Гирей, но неосновательно; скорѣе Мери—Реброва, за которой Л—въ ухаживалъ въ Кисловодскѣ (см. въ VI томѣ нашего изданія письма Гоммеръ де-Гелль). Грушницкій—по всей вѣроятности, Н. С. Мартыновъ (указывали, безъ особыхъ основаній, и Н. П. Колюбакина). Вернеръ—несомнѣнно, докторъ Майеръ. Прекрасную характеристику этого оригинала даетъ М. О. Гершензонъ въ своей книгѣ „Образы прошлаго“ (М., 1912, стр. 310—320).

Ашикъ-Керибъ. Впервые напеч. въ сборникѣ „Вчера и Сегодня“ 1846, книга II, стр. 159—167.

Пересказъ очень популярной восточной сказки. Въ „Сборникѣ матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (т. XIII, 1892) напечатанъ очень близкій къ пересказу Л—ва ея варіантъ.

Отрывокъ изъ начатой повѣсти. Впервые напеч. въ сборникѣ „Вчера и Сегодня“ (I, 1845, стр. 71—87). Автографъ Чертковск. библ. Черновые варіанты:

Стран. 287, строка 1. 17 сентября 1839 года (былъ) у граф. В... былъ музыкальный вечеръ.

Строка 3. ...было нѣсколько литераторовъ.

Строка 25. ...отвѣчалъ Лугинъ. Она его не слушала...—Давно ли вы возвратились изъ Италіи?—спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Стран. 288, строка 9. ... сказала она, у васъ желчь!

Строка 10. ...Они ужъ испортили мой желудокъ...

Строка 15. „Хоть въ меня!“—и она захохотала.

Строка 24. ...обязанъ (этому) своему счастью.

Строка 26. ...то и не величаюсь.
Строка 32. ...поддѣльность этого чувства...
Строки 40—43. ...Несмотря на то, что въ безпокойномъ выраженіи лица его было много ума и страсти, въ немъ не было тѣхъ условій, безъ которыхъ невозможно нравиться свѣтской женщинѣ.
Строки 45—46. ...придавали ему...
Стран. 289, строки 5—6. Онъ вернулся истиннымъ артистомъ, тѣмъ болѣе, что только друзья...
Строки 12—13. ...(нѣкотор...) нѣсколько старинныхъ связей...
Строка 33. ...Это несносно!
Строка 35. ...сказала она разсѣянно.
Строка 39. Смѣшнѣе всего этого то...
Строка 40. Это просто смѣшно, я никакъ не знаю, какъ это началось.
Стран. 290, строка 7. ...лица людей...
Строка 18. ...и лицомъ некрасивымъ въ пальто...
Стран. 291, строка 9. ...вовсе безъ надписи; это его поразило.
Строка 12. ...въ длинномъ полинявшемъ сертукѣ...
Строка 28. Кому въ жизни не случалось...
Строки 39—40. А кто живетъ?
Стран. 292, строка 22. А можно посмотрѣть нумеръ? — спросилъ, наконецъ, Лугинъ.
Строка 23. Дворникъ опять пристально посмотрѣлъ на него.
Строка 29. Квартира состояла изъ пяти комнатъ.
Строки 30—37. Стѣны были обтянуты во всѣхъ комнатахъ полинялымъ лиловымъ штофомъ—вещь удивительная для квартиры въ Столярномъ переулкѣ. Паркетъ въ углахъ растрескался, простыя изразцовыя печи не соотвѣтствовали черезчуръ роскошному убранству комнатъ...
Строка 37. ...наружность. — Кто отдѣлывалъ и меблировалъ квартиру?— спросилъ Лугинъ.—Да она ужъ такъ стоитъ лѣтъ двадцать, я думаю.—Странный видъ ея долженъ былъ понравиться художнику.
Строки 41—42. ...большой портретъ, онъ изображалъ человѣка лѣтъ сорока, одѣтаго въ (пестрый халатъ въ) шитый французскій кафтанъ...
Строки 43—45. ...табакерку съ миніатюрнымъ портретомъ молодой женщины; на пальцахъ было нѣсколько перстней. Казалось, этотъ портретъ былъ писанъ...
Стран. 293, строка 4. ...безсознательно: случай великій художникъ...
Строка 6. ...стеклѣ или ломанной (уродливой) тѣни...
Строка 7. ...различать иногда...
Строка 8. ...удивительной красоты, исполненный (дышащій)...
Строка 11. ...и очарованіе исчезаетъ; въ этихъ линіяхъ...
Строка 13. ...математически маленькое отступленіе и прежнее выраженіе исчезло...
Строка 14. ...то неизъяснимое, доступное только...
Строка 17. ...нанимаю квартиру...
Строка 24. ...а самъ остался, сидя...
Строки 25—26. Вечеромъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ (тракт...) гостиницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ. Онъ имѣлъ съ собою только трехъ людей: камердинера, повара и мальчика 14 лѣтъ, котораго привезъ изъ Италіи; этотъ мальчикъ Беппо растиралъ ему краски и промывалъ кисти.
Строка 32. ...разставлялъ вещи, и только тогда, утомленный и голодный, потому что не обѣдалъ, легъ спать.
Строка 40. ...сказалъ про себя Лугинъ.
Стран. 294, строка 5. ...несмотря на неправильность рисунка...
Строка 7. ...въ разныхъ видахъ...
Строка 9. ...головка скована подъ коричневой краской; это, ясно, не былъ портретъ.

Строка 12. ...причуда, простительная только въ первой юности, но (жалкая) предосудительная въ человѣкѣ, который...

Строка 19. ...идея, грозя довести его до сумасшествія...

Строка 20. ...не красавецъ, но воображалъ себѣ, что у...

Строки 23—29. ...исключаетъ даже возможность любви, и сталъ съ нѣкоторыхъ поръ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ скрытыя причины ихъ любезности и объясняя самымъ грубымъ и положительнымъ образомъ случайную благосклонность.

Строки 35—37. ...онъ просидѣлъ цѣлый день дома, хотя ему нужно было куда то ѣхать со двора.

Строка 39. ...взоры его часто скользили...

Строки 43—44. Темнота, его окружавшая...

Стран. 295, строка 8. ...любви преданной и истинной...

Строка 11. Все въ комнатѣ было...

Строка 4. Онъ невольно поднялъ глаза...

Строки 28—29. ...было неподвижно; онъ шевелилъ губами, какъ будто говорилъ, но Лугинъ ничего не слыхалъ. Наконецъ, онъ сѣлъ...

Строка 33. Что вамъ угодно?..

Строка 44. Не угодно ли вамъ прометать мнѣ штоссъ?—сказалъ старичокъ.

Строки 45—46. ...колоду картъ и улыбнулся.—А на что же мы будемъ играть?—спросилъ онъ.

Стран. 296, строка 4. ...чтобы у васъ въ банкѣ они были.

Строка 12. ...оправившись и съ твердостью...

Строка 12. ...и взялъ червонецъ.

Строка 7. Оно покачало головой и поднялось.

Строка 18. Да что же это такое?

Строка 22. Глаза привидѣнія...

Строка 29. ...думалъ онъ, стараясь...

Строки 38—39. ...думалъ онъ: пожалуй, надуваетъ... что это такое было?.

Строка 39. Лугинъ спалъ крѣпко и спокойно; только утромъ у него болѣла голова, и цѣлый день онъ былъ въ какомъ то полузабытьи; но къ вечеру онъ оживился, а около полуночи былъ уже въ сильномъ волненіи.

Строки 39—40. Когда наступила полночь, онъ снова услышалъ въ...

Стран. 297, строка 3. Лугинъ, потерявшись...

Строка 12. ...я не боюсь и увѣренъ...

Строки 12—13. Какъ васъ зовутъ?

Строка 15. Я иначе не играю больше.

Строка 18. Штоссъ?—это же что такое?..

Строка 20. ...(странный) легкій шорохъ.

Строка 24. ...проигралъ душу. Онъ увидѣлъ...

Строка 27. ...стѣнахъ комнаты и дышало красотою.

Строка 28. ...синемъ востокѣ...

Строка 28. ...ничего подобнаго...

Стран. 298, строка 4. ...это—сцена повторялась. Лугинъ все удваивалъ куши и...

Строка 8. ...видѣлъ улыбку...

Среди автографовъ Публ. библ. есть черновой набросокъ программы и отрывокъ этой повѣсти.

Сюжетъ. У дамы; лица желтыя. Адресъ. Домъ: старикъ съ дочерью; предлагаетъ ему метать (?); дочь въ отчаяніи, когда старикъ выигрываетъ. Шулеръ; старикъ проигралъ дочь, чтобъ... Докторъ; окошко...

— Да, кто же ты, ради Бога?—Что-съ? отвѣчалъ старичокъ, примаргивая однимъ глазомъ. —Штоссъ! повторилъ въ ужасѣ Лугинъ... Шулеръ имѣетъ разумъ въ пальцахъ... банкъ... скоропостижная...

По всей вѣроятности, повѣсть должна быть окончиться самоубійствомъ Лугина, выбросившагося въ припадкѣ безумія изъ окна.

По словамъ гр. Е. П. Ростопчиной („Рус. Старина", 1882, IX, стр. 619), „однажды онъ (Л—въ) объявилъ, что прочитаетъ намъ новый романъ, подъ заглавіемъ „Штоссъ", при чемъ онъ разсчиталъ, что ему понадобится, по крайней мѣрѣ, четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано, а чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники сошлись числомъ около тридцати; наконецъ, Л—въ входитъ съ огромной тетрадью подъ мышкой; принесли лампу, двери заперли, и затѣмъ начинается чтеніе; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ заманилъ насъ первой какой то ужасной исторіей, начатой имъ только наканунѣ; написано было около двадцати страницъ, а остальное въ тетради—была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился и никогда не былъ оконченъ".

Сохранившіеся программа и отрывокъ въ другихъ бумагахъ Л—ва доказываютъ, что слова Ростопчиной объ „исторіи, начатой только наканунѣ", невѣрны. Повидимому, Л—въ работалъ надъ этимъ произведеніемъ нѣкоторое время и воспользовался для шутки его готовымъ отрывкомъ. Неизвѣстно, какія причины помѣшали Л—ву его окончить.

На эту повѣсть оказали значительное вліяніе Гоголь („Портретъ"), Гофманъ, Матюренъ („Мельмотъ-Скиталецъ") и, можетъ быть, „Уединенный домикъ на Васильев. Островѣ" В. П. Титова. Интересный разборъ этого произведенія даетъ г. Семеновъ (Л—въ и Левъ Толстой, стр. 384—385). Лугину Л—въ придалъ нѣкоторыя свои черты; въ Минской онъ изобразилъ, повидимому, А. О. Смирнову.

Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти. Впервые напеч. въ сборникѣ „Вчера и Сегодня", I.

Срв. драму „Два брата" и „Княгиню Лиговскую".

Время написанія этого отрывка неизвѣстно.

СОДЕРЖАНІЕ.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ:

1669

12 франк.

118